

АНГЛИЙСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс Холлис

Грезы об Эдеме

В ПОИСКАХ
ДОБРОГО
ВОЛШЕБНИКА

Annotation

Книга «Грезы об Эдеме» заставляет нас задуматься над фантазиями о человеческих отношениях, которыми пропитана любая культура. Это вовсе не практическое руководство на тему, как устанавливать отношения. Цель автора — повысить личную ответственность каждого за отношения, в которые он вступает. Это призыв к индивидуальному развитию в противовес поиску спасения за счет других.

Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

-
- [ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ: КАРДИНАЛ ЗА МОИМ ОКНОМ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА 1. ПРОЩАНИЕ С ЭДЕМОМ: РОЖДЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ](#)
 - [ГЛАВА 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ГРЕЗЫ ОБ ЭДЕМЕ](#)
 - [ГЛАВА 3. ДВОЕ: ВСТРЕЧА И РАССТАВАНИЕ](#)
 - [ГЛАВА 4. ОСОЗНАНИЕ ТРАВМ, НАНЕСЕННЫХ ЭРОСУ](#)
 - [ГЛАВА 5. ЭРОС В ОРГАНИЗАЦИЯХ](#)
 - [ГЛАВА 6. ПРОБЛЕСКИ РАЯ](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ: ДВЕ БЕССОННИЦЫ](#)
 - [ГЛОССАРИЙ ЮНГИАНСКИХ ТЕРМИНОВ](#)
 - [ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [notes](#)
 - [*](#)
 - [*](#)
 - [*](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [*](#)
 - [—](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [*](#)
- [-](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

*Посвящается, как всегда, нашим детям:
Тарин и Тиму, Джонах и Сих,
и Николасу Джеймсу — с благодарностью.*

*А также моим коллегам
из Филадельфийского института Юнга
И замечательным людям
из Юнговского образовательного центра
г. Хьюстона, Техас*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В так называемые Средние века коллективная фантазия о рае по существу стала компенсацией тех жестких, а иногда просто бесчеловечных условий, в которых людям приходилось постоянно заниматься тяжелым трудом, чтобы просто выжить. Если жизнь была такой невыносимой «здесь», значит, она обязательно должна была стать лучше «где-то там». Сегодня условия жизни в западном мире относительно комфортны по сравнению с теми тяжелыми временами. Хотя мы не достигли «рая для работающих людей», мы все же оказались к нему намного ближе, чем могли себе представить наши предки. Однако при всем этом благополучии и даже изобилии, имея возможность путешествовать по миру, получать любую информацию, покупать в магазине любые вещи и продукты вместо того, чтобы постоянно бороться за свое существование, почему мы все же несчастливы? Может быть, иллюзией является само представление о счастье?

Взглянув объективно на психику современного человека (в переводе с греческого «психе» означает «душа»), мы поймем, что материальное благополучие и изобилие ничего не говорят о глубине его внутреннего мира. Даже удовлетворив свои потребности, то есть обладая желаемой вещью, властью, деньгами, социальным статусом, мы осознаем, что удовлетворение, которое они приносят, оказывается очень кратковременным, ибо глубинные потребности нашей души — в поиске смысла жизни, в близости с другими людьми и в постоянном снятии с нее ограничений — не находят своего удовлетворения.

В результате глубокая пропасть между материальным благополучием и жадной тоскующей человеческой души отчасти заполнилась идеей романтической любви, фантазией о поиске человека, который придаст бы смысл нашей жизни и деятельности и удовлетворит бы наши глубинные потребности. Романтическая любовь стала неким подобием безусловной и непререкаемой идеологии и приобрела почти религиозный смысл.

На английском языке слова *любовь* (*love*) и *влюбленность* (*being in love*) пишутся и звучат почти одинаково, поэтому люди их часто путают, и эта путаница приводит к плачевным результатам. В этой книге я пишу о том, что каждый из нас несет в себе глубокую экзистенциальную травму,

так называемую «травму сепарации». Будучи прочно связанными с матерью, находясь в ее чреве, мы внезапно отделяемся от нее во время родов, и тогда эта связь рвется и уже никогда не восстанавливается полностью. Поэтому глубинное стремление к воссоединению с матерью играет огромную роль в нашей жизни: оно проявляется и в употреблении наркотиков, и в поисках суррогатов этой связи в искусстве, и в уходе в религию, и — особенно в наше время — в романтической любви. Иными словами, идея романтической любви потому содержит в себе так много энергии, что она подпитывается из нашего глубинного и всеобщего экзистенциального чувства сепарации, и тех благ, которые мы получаем от современной цивилизации и культуры, совершенно недостаточно, чтобы восстановить эту утраченную вневременную связь.

Содержание книги «Грезы об Эдеме» составляют мои рассуждения о бессознательной религиозности любви в ее самых разных проявлениях. Ее название, разумеется, является метафорой, смысл которой — архетипическое стремление человека к возвращению «домой» и воссоединению с Другим. Романтическая влюбленность — это культурная форма такой «религии», ревностные приверженцы которой существуют во всем мире. Но влюбленность — это не любовь. Любовь, конечно же, существует, но достичь ее очень трудно, а в процессе ее достижения приходится решать очень много проблем.

Эта книга написана для того, чтобы понять очень важные вопросы, связанные с психодинамикой межличностных отношений, и по возможности максимально их прояснить, чтобы каждый из нас постарался наиболее полно осознать свои отношения с окружающими. Задуматься над тем, кто мы и что происходит у нас внутри и в наших отношениях с другими, — это, наверное, самое лучшее из того, что мы можем сделать для другого человека: жены, друга или ребенка. Не осознавая той «внутренней программы», которая заложена у нас глубоко внутри, мы можем причинить вред тем людям, которым мы говорим о своей любви. В процессе борьбы со своими внутренними «спутниками» мы освобождаем свои отношения с другими людьми для проявления того самого важного и самого редкого чувства, которое мы называем любовью.

*Джеймс Холлис Хьюстон,
штат Техас, США
Сентябрь, 2005*

ПРЕДИСЛОВИЕ: КАРДИНАЛ ЗА МОИМ ОКНОМ

В моем домашнем кабинете две с половиной стены стеклянные, а на стенах, где нет окон, висят книжные полки и картины. Вот уже два года к моему окну прилетает птица — самец-кардинал — и стучит клювом в окно, и это происходит регулярно — два, а то и четыре раза в день. Хотя у меня на подоконниках всегда что-нибудь стоит, указывая на возможное препятствие, птица уже много месяцев практически ежедневно продолжает стучать клювом в мое окно. Сейчас уже и мои пациенты привыкли к ее шумному появлению. Одна моя пациентка, которая пыталась установить близкие отношения с очень напуганным и пассивным мужчиной, глядя на этого кардинала, однажды сказала: «Я так же, как он, бьюсь головой о какую-то невидимую стену. Я его вижу, но не могу до него достучаться». В тот день кардинал оправдал свое «священное» имя, ибо женщине многое стало понятно и она даже посмеялась над собой.

Некоторые самозванные орнитологи придумывали разные теории, объяснявшие такое поведение кардинала. Одни считали, что он очень агрессивен и желает подраться с себе подобным, отражение которого он видел в оконном стекле. Другие давали прямо противоположное объяснение, с которым был согласен и я, независимо от того, соответствовало ли оно действительности. Они считали, что кардинал потерял свою спутницу и ему казалось, что он нашел ее. Полный радости и неутоленной страсти, он периодически устремлялся к ней и каждый раз, оглушенный, отскакивал назад. Года два назад я видел его подругу и весь его выводок, но с тех пор подруга больше не появлялась, поэтому второе объяснение было мне гораздо ближе и не давало покоя. Если это действительно так, то такая картина не может не вызывать душевной боли. Значит, он такой же, как и мы.

Хотя было понятно, что он упорно не желает менять свое поведение и смириться с потерей, я продолжал фантазировать, что он сможет все-таки осознать происходящее, то есть понять, что он очарован своим отражением в оконном стекле. Я фантазировал о том, что он точно знает: его спутница покинула его навсегда, но он продолжает стучаться в эту невидимую стену, потому что продолжает ее искать и не теряет надежды. И так будет всегда.

Во время Второй мировой войны, когда я был еще ребенком,

существовала очень популярной песня «Час пробил». В ней были строки, которые врезались мне в память:

Скоро ты будешь плыть
Где-то в далеком океане.
И там вдалеке,
Пожалуйста, помни обо мне.
А вернувшись, ты увидишь,
Что я тебя жду.

Я специально приходил на перрон, чтобы видеть, как уезжали на фронт солдаты и матросы, и понимал, что означали публикуемые в газетах списки убитых, раненых и пропавших без вести, а также золотые звезды, которые появлялись на окнах*. Почему-то (я могу лишь догадываться о причине, но не могу ее понять) я однажды запел эту песню на улице и громко разрыдался, но при этом мне совсем не было стыдно. Только сейчас я могу сказать, что тогда, задолго до полного осознания смысла привязанности и потерь, тревоги сепарации, тоски и невозполнимой утраты я каким-то образом понимал, что в этих строках песни выразилась вся глубина нашего душераздирающего странствия.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, кардинал продолжает биться в стекло, не прекращая своих тщетных усилий. Так же, как мы.

ВВЕДЕНИЕ

Все отношения начинаются и заканчиваются разрывом, отделением, сепарацией. Кровеносная система матери соединяет нас с пульсом и ритмом космоса. Затем мы разрываем связь с Матерью, отделяемся от космоса, отделяемся от богов, отделяемся навсегда. И мы завершаем все отношения с людьми посредством отделения, которое мы называем смертью. Эта жуткая, ухмыляющаяся гостья является даже на брачную церемонию, напоминая счастливой паре, только что поклявшейся во взаимной и вечной любви, что, дав эту клятву, каждый из них дал свое согласие на потерю другого.

Слишком, слишком скоро один из них покинет другого — и, говоря об этом, я совершенно не имею в виду развод. Согласно статистике, мужчины умирают приблизительно на семь лет раньше женщин. Но может случиться так, что женщина уйдет из жизни первой. Заранее никто не может предугадать, что по капризу судьбы при возвращении из соседнего рестораника кому-то из них на голову упадет кирпич. Что бы ни случилось, от утраты отношений будут страдать оба человека. Если они оба погибнут в авиакатастрофе, мы сможем сказать, что они были вместе, но все-таки в конечном счете каждый человек теряет другого и страдает от утраты отношений с ним или, по крайней мере, от утраты наиболее ощутимого внешнего выражения этих отношений — проявления доброты и заботы.

Наверное, еще более важно, что супругам придется жить, постепенно ощущая глубинную и едва заметную утрату взаимоотношений. Во время своего жизненного странствия они будут страдать главным образом от потери связи с лучшей частью своего Я. Мы живем в отчуждении от окружающих нас людей, от богов и — что хуже всего — от самих себя. Интуитивно мы все это понимаем. Известно, что человек — злейший враг самому себе. Мы постоянно стремимся воссоединиться со своим Я, вернуться домой, но затем снова покидаем свой дом, правда, на сей раз делаем это иначе. Наверное, у нас уже нет того дома, куда бы мы могли вернуться. Нам нельзя вернуться в материнское чрево, хотя мы пытаемся сделать это, и лишь очень немногие из нас верят в царство небесное. Поэтому мы всегда живем бездомной жизнью, независимо от того, осознаем мы это или нет.

Последние несколько лет осенью, зимой и весной я проводил

половину выходных дней вне дома: читал лекции, участвовал в семинарах и симпозиумах как в Северной Америке, так и за границей. Как бы ни называлась лекция или презентация, больше всего вопросов было связано с взаимоотношениями между людьми. Свидетельствует ли это о важности подобных отношений? Безусловно, да. Свидетельствует ли это о том, что они слишком переоценены? Безусловно, да. Существует ли нечто глубинное, требующее переформулировать эти насущные, часто неотложные вопросы, нечто, что помещает их в более широкий контекст? Да, безусловно, да.

По сути, эта книга представляет собой эссе, посвященное психодинамике взаимоотношений. В ее основе лежит чисто эвристический замысел; он заключается в том, чтобы спровоцировать определенные мысли и реакции, а также чтобы несколько скорректировать широко распространенные фантазии об отношениях между людьми, которыми пропитана вся наша культура. Книга вовсе не предназначена стать практическим руководством для формирования человеческих отношений. Скорее мои усилия были направлены на то, чтобы побудить читателей к более глубокому осознанию природы межличностных отношений, заставить их задуматься о повышении личной ответственности за отношения с окружающими и вызвать стремление к личностному росту, а не к вынашиванию фантазий о своем спасении за счет других. Кто-то из читателей будет разочарован моими мыслями, и в общем-то я сам испытываю от них не слишком большой восторг, но все же я уверен, что они гораздо более этичны и практичны, чем большинство альтернатив, которыми пропитана наша массовая культура.

В книге я употребляю понятия *самость* (которое в данном случае означает Я) и *Другой* (с заглавной буквы, в смысле отличный от Я, не-Я). Я делаю это для того, чтобы отделить универсальную составляющую отношений от полоролевой или культурной детерминанты. Поэтому понятия Я и Другой можно применять и к отношениям людей одного пола, и к гетеросексуальным отношениям.

Понятие *самость* не следует путать с понятием *Самость* (которое пишется с заглавной буквы и было введено Юнгом для обозначения целостной целенаправленности всего человеческого организма); его значение соотносится с нашим осознанным ощущением, кем мы являемся на самом деле, невзирая на тот факт, что мы можем осознать лишь малую толику того великого таинства, которое мы воплощаем. Сходным образом слово *Другой* пишется с большой буквы, как напоминание об огромных, космических масштабах, которые может принимать образ другого человека

в мифологии нашей психики. Для ребенка родитель как Другой так же бесконечен, как идея Бога для взрослого. Употребление этих терминов становится, таким образом, напоминанием об универсальной, архетипической динамике взаимоотношений, несмотря на тот очевидный факт, что любые отношения уникальны, на любое из них сильнейшее влияние оказывают специфические особенности времени, культуры, родительской семьи и т. п.

Кроме того, я иногда буду пользоваться понятием *брак*, которое относится не к формальным супружеским отношениям, а к глубинному согласию, существующему между двумя людьми любого пола или сексуальной ориентации. В клятве супружеской верности нет никакой определенности, но она предназначена для выражения серьезности намерений, их глубины и нацеленности на длительную перспективу. Одно из негласных условий брака состоит в том, что проблемы следует выявлять и прорабатывать, а не скрывать и замалчивать, «чтоб истинной любви не запятнать каким-нибудь воспоминаньем ложным»^{*}.

Изучение этой темы ставит нас перед необходимостью исследования многогранного характера межличностных отношений. Нам следует признать, что характер наших отношений с окружающими определяется нашими первыми отношениями, которые мы когда-то интериоризировали и ощущаем как бессознательные, феноменологические отношения, в том числе и к самим себе. Из этих отношений к нам приходит ощущение глубины, движения и запрограммированности всего остального. Таким образом, нам придется исследовать происхождение нашего ощущения самости, из которого развивается наше отношение к себе, взаимодействие с другими людьми и, наконец, с Совершенно Другим, то есть с трансцендентностью.

Если и есть какая-то одна идея, которая является общей для всей книги, то эта идея заключается в том, что *качество всех наших отношений с другими прямо зависит от того, как мы относимся к себе*. Поскольку, как правило, все отношения формируются на бессознательном уровне, то драма и психодинамика нашего отношения к другим и к трансцендентному отражают особенности нашей индивидуальной психики. В таком случае *лучший способ усовершенствовать свои отношения с другими и с трансцендентным — максимально полно осознать свое отношение к себе*.

Эта деятельность не имеет ничего общего с нарциссизмом. По сути, это самое ценное, что мы можем подарить Другому. Чем лучше становится наше Я, тем более ценным даром оно оказывается для других. Следовательно, мы пришли к следующему парадоксальному выводу: если

мы хотим поддерживать хорошие отношения с другими, нам следует идти по жизни своим собственным путем.

ГЛАВА 1. ПРОЩАНИЕ С ЭДЕМОМ: РОЖДЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ

Предания об утраченном Рае были во все времена, и это совсем не случайно. Иногда эта катастрофа описывалась как лишение благодати, изгнание или разрыв. Иногда как наказание за какие-то людские грехи, иногда как прихоть богов. Никто никогда не утверждает, что лично бывал в благословенных райских куцах, но порой ссылаются на предыдущие поколения, на дальних предков, анасази*. Эти «исторические люди», пребывали в Райском Саду, а мы, современные люди, постоянно чувствуем себя изгнанными из Рая, отчужденными от него и лишенными права на возвращение.

Возможно, эта родовая память — неврологическая голограмма родовой травмы нашего отделения от матери, от которого нам никогда не оправиться полностью. Возможно, ключ к осознанию — это наличие в Райском Саду двух деревьев, о которых говорится в Книге Бытия. Одно из них — Древо Жизни; другое — Древо Познания. Плоды первого съедобны, но тот, кто съест плод со второго дерева, пойдет по безрадостному пути изгнания из Рая. Двигаясь от Древа Жизни, то есть от жизни инстинктивной, к Древу Познания, воплощающему рождение цивилизации, человечество проходит путь от внутренней похожести подобного с подобным к индивидуальному сознанию, которое может возникнуть только в результате отделения субъекта от объекта.

Никто не помнит, когда появилось сознание, когда первые осколки опыта установили связь с другими осколками, когда *это* стало противопоставляться *тому*, а Я отделилось от Ты. Но в результате этого непредсказуемого и неизвестного процесса возникло «ощущение Я», то есть Эго, которое было таким хрупким, что ему пришлось утверждать себя посредством временных идентичностей и высокомерия. Претендуя на роль Хозяина Вселенной, оно трепещет при появлении болезненных теневых воспоминаний о своем происхождении. Как быстро оно подвергает рационализации десятки и сотни тысяч своих адаптаций, свои длительные погружения в первозданную грязь и возвращения на поверхность! Как оно пугается, что его задвинут назад и вниз!

Смысл понятия *самости*, которое ввел Юнг, отделив его от Эго, заключается в почитании таинства, существующего в каждом из нас.

Самость, как и Бог, по своей сути непознаваема. Поэтому следует говорить и о таинстве Бога, и о таинстве самости. Самость — это не объект и даже не цель; самость — это действие, это процесс. Джерард Мэнли Хопкинс прекрасно выразил эту мысль в своем стихотворении:

Каждый смертный делает одно и то же:
Извлекает наружу все, чем он живет.
Самость идет своим путем; я говорю об этом четко и ясно,
Кричу: то, что я делаю, — и есть я, для этого я и пришел¹.

Самость — это целенаправленность организма, телеологическое намерение стать самим собой, насколько это вообще возможно. Как в корневище растения содержится весь цветок, так и единая самость организма выражается в совокупности его корня, стебля, лепестков, пестика и тычинок. Самость непознаваема, хотя ее целенаправленность можно увидеть в разных формах телесного выражения: аффектах, мыслях, симптомах, образах сновидений и т. д. «Считывание» целеполагания самости — это основная задача юнгианской терапии; предполагается, что оно является ключом к исцелению человека. Поскольку самость воплощает целостность организма и его таинственную автономную деятельность, мы никогда не сможем познать ее глубже, чем пловец может познать океан или мыслитель постичь Царство Небесное. Следовательно, хрупкое Эго должно наполниться «ощущением» самости, которая всегда останется непознаваемой и непостижимой.

Поэтому мы всегда обладаем только частью знания, хотя можем искренне полагать, что понимаем себя целиком и полностью. По сути, нет большего безрассудства, чем такое проявление гордыни. В греческой трагедии происходит землетрясение, когда главный герой заявляет, что полностью познал себя. В тот момент можно быть абсолютно уверенным в том, что боги приступили к своей работе — вернуть человека обратно в состояние истинного смирения, звучащего в сократовских вопросах. Юнг говорил, что невроз похож на обиженного или отвергнутого бога, имея в виду, что степень выпячивания той или иной стороны Эго человека отражает степень отрицания им глубины, широты и многомерности проявления самости.

Как только заканчивается время грез в Райском Саду, шок сепарации оказывается таким сильным и вызывает такое потрясение, что след утраченной связи отпечатывается на всей нервной системе человека и

сохраняется в его бессознательном. Неслучайно первичным мотивом, скрытой программой любых отношений является стремление вернуться обратно. В мечтах о самом главном, в грезах о Рае в лирике поэтов-романтиков выражена тоска по Возлюбленной. По сути, это религиозное искание, что подтверждает этимологический смысл слова «религия», которое является производным от латинского слова *religare*, означающего «восстановить связь» или «воссоединиться».

Осознание достигается только через потерю Другого и ощущения, что Другой — это действительно Другой. Здесь лежит причина младенческого плача, в этом смысл известной картины Эдварда Мунка «Крик». Посмотрите, как страшно младенцу, которого отнимают от материнской груди. Посмотрите, как он ее ищет, сосет и жаждет ею насытиться, чтобы снова с ней соединиться. А значит, заботливое, внимательное отношение к ребенку и его кормлению постепенно формируют у него: 1) уверенность в присутствии Другого; 2) постепенное отделение от матери. Можно с уверенностью сказать, что главная психологическая задача родителя состоит в том, чтобы максимально облегчить и подготовить переход ребенка к полной сепарации, к состоянию, которое называется взрослостью. То, каким образом родитель отвечает на этот вызов, определяет самый значительный его вклад в психологическое наследие ребенка. Формирование у ребенка уверенности в себе в процессе постепенного «расставания» — в этом состоит парадоксальная задача родителей.

По Юнгу, цена осознания сопоставима с ценой, которую заплатил Прометей: за спасительный огонь, украденный у богов, ему пришлось заплатить кровью. Ежедневно ребенок делает еще один шаг, удаляясь от воспоминаний о Райском Саде. «Рождение — лишь забвение и сон»², — написал Вордсворт об увядающем Рае. Или же, как вспоминает Дилан Томас:

Ничуть не заботило меня в те простодушные светлые дни, что
время
Утащит меня на чердак, заглатывающий толпы людей, где тени
шевелиятся
В свете никогда не заходящей луны,
Не для того, чтобы тихо заснуть,
А чтобы я слушал его полет в заоблачных высях
И бодрствовал среди кущ, навеки покинув бездетную землю³.

Похищение огня у богов — это мифологическая метафора зарождения сознания и культуры. Вместе с тем это зарождение становится причиной невроза — внутреннего расщепления между субъектом и объектом, Я и Другим. Так как бремя сознания все время возрастает и ребенку становится все сложнее его нести, ему крайне необходимо знать, что нужно сделать, чтобы перенести свою привязанность на другой объект, если это возможно, а если нет — то как ему выжить. Он начинает «считывать» мир, чтобы распознавать его послания, начинает понимать, чему этот мир может его научить и какие задачи он ставит перед ним. Это считывание имеет феноменальную природу, то есть, говоря современным языком, строится на ощущениях, а не на рациональных и когнитивных процессах. Феноменологическое чтение мира создает эмоциональную сферу ребенка, из которой постепенно складывается структура его личности и формируются стратегии выживания.

Ни одному родителю не удастся полностью решить эту задачу, то есть быть с ребенком в контакте и вместе с тем постепенно от него отдаляться. Поэтому, как только родитель исчезает из поля зрения младенца, тот начинает горько рыдать. Даже когда ребенок отвлекается или успокаивается, он не забывает о том, как плохо ему было ощущать себя в одиночестве. Оказавшись по воле судьбы в той или иной семье, ребенок может лишь считывать с помощью определенных информационных указателей послания окружающего мира. Такое считывание обязательно будет неполным, то есть ограниченным отношениями в семье, без осознания того, что существует огромное разнообразие других возможных моделей. Но такое ограниченное понимание окружающего мира позволяет принимать огромное число самых разнообразных решений, прежде чем сознание разовьется до уровня, позволяющего сопоставлять разные точки зрения. По существу, боги дают ребенку преломляющую свет призму, через которую он должен смотреть на окружающий мир, и на основе увиденного делать выбор и жить в этом мире. Такая призма формируется особенностями психологической атмосферы конкретной семьи и культурными наслоениями, которые можно распознать только значительно позже, если можно распознать вообще.

С самого рождения мы начинаем считывать непосредственные отношения своего Я с Другим. Ребенок ощущает свою связь с Другим или ее отсутствие, и экстраполированное ощущение этой связи становится основой его представления о мире в целом. Является ли эта связь надежной и защищающей или же непредсказуемой и даже болезненной? Не будет преувеличением сказать, что вся жизнь человека есть результат

феноменологического считывания таких скрытых посланий. Мы знаем, что при недостаточно прочной связи с матерью или полном ее нарушении у младенцев развивается так называемая анаклитическая депрессия. Эти младенцы более склонны к задержкам интеллектуального и психического развития и к тяжелым заболеваниям с угрозой для жизни, чем дети с более богатой эмоциональной подпиткой. Поскольку природа дает жизнь детскому организму и побуждает его к борьбе за выживание, кажется странным, что ощущение этой связи с Другим играет такую ключевую роль. Но все-таки это так.

Точно так же ребенок задействует другие каналы считывания, чтобы понять, что говорят люди, находящиеся вокруг него. Уже в шестинедельном возрасте, глядя на лицо родителя, младенец эмоционально отражает его настроение, имитируя страх, депрессию, радость и т. д. В это время ребенок не только ищет точку опоры в физической реальности, но и примеряет на себя эмоциональную реальность Другого. Вообще дети находят в поведении взрослого указания на то, чего можно ждать от целого мира. Например, будучи ребенком во время Второй мировой войны, я ощущал, что все взрослые люди вокруг меня испытывали тревогу. Если даже они, такие всемогущие, способны были испугаться, то я мог сделать только один вывод: тот мир, в который я пришел, представляет большую опасность.

Более того, наблюдая поведение взрослых по отношению к детям и по отношению друг к другу, ребенок получает не только представление о том, как устроен мир, но и скрытое послание этого мира. Ребенок не может сказать: «Папа сегодня угрюмый, потому что у него неприятности на работе», — или: «Мама сегодня в депрессии, но я здесь не при чем». Образ мышления ребенка относится к такому типу, который психологи и антропологи называют *магическим мышлением*, характерным для так называемых первобытных культур, детей и вообще для людей, находящихся в состоянии регрессии.

Магическое мышление характеризуется высокомерием и паранойей. Так, ребенок уверен, что по его желанию мать может плохо себя почувствовать или заболеть или что болезнь вызывает не вирусная инфекция, а плохое поведение. В инфантильном мышлении отсутствует способность к субъект-объектной дихотомии. Младенец проецирует свой страх и невежество на весь мир, неправильно интерпретирует факты и приходит к умозаключениям, основанным на своем всемогуществе. Быть может, только через несколько десятков лет этот ребенок сможет осознать, что не он был причиной семейных проблем, что поведение его отца и

матери никак не было связано с ним лично, а порождалось атмосферой, к которой ему приходилось приспосабливаться. Как правило, в трехлетнем возрасте Эго ребенка укрепляется настолько, что у него формируется первичное ощущение Я, а в пятилетнем возрасте Эго обретает такую силу, что ребенок может отделиться от семьи и присоединиться к компании сверстников⁴.

Кроме такого феноменологического считывания мира, которое сужает и искажает видение человеком самого себя и окружающих его людей, существуют и другие переживания, которые оказывают огромное влияние на его будущие отношения. Как само рождение оказывается чем-то наподобие гигантской системной травмы, так и экстремальные случаи повседневной жизни вызывают разнообразные травмы: травмы «переизбытка» и «недостаточности», эмоционального поглощения или заброшенности. Английский психиатр доктор Дональд Винникотт ввел понятие «достаточно хорошего» родителя, которое позволяет нам исправить наши родительское поведение. И все же основным источником детских травм являются родители. Так как все мы просто люди, наша природа, которая далека от совершенства, обязательно будет влиять на ребенка и оставит неизгладимый отпечаток на его психике. Любому терапевту известно, что все причины прекращения личностного развития и проблем в межличностных отношениях обычно проясняются в процессе исследования детско-родительских отношений, которые интериоризировались в форме комплексов⁵.

Разумеется, жизнь в этом мире не позволяет избежать эмоциональных травм, да это и нежелательно. Однажды в газете «Сиэтл Пост-Интеллидженсер» я прочитал об одном забавном случае. В статье говорилось о некой английской паре, которой было отказано в усыновлении ребенка по той причине, что, «к сожалению», они были слишком счастливы в браке. Им отказали потому, что они не смогут создать в семье атмосферу, в которой у ребенка было бы достаточно негативных переживаний, а потому они не смогут его воспитать так, чтобы он был готов жить в реальном мире. Огромный опыт работников этого сиротского приюта привел их к выводу, что ключевыми составляющими развития человеческого Я являются способность переносить мучительные страдания и умение к ним адаптироваться. Так оно и есть. У каждого из нас есть эмоциональные травмы и соответствующие им скопления энергии, ибо у каждого из нас есть своя индивидуальная история. Но тогда встает еще более глубокий вопрос: несем ли мы в себе эмоциональные

травмы или они движут нами?

Такие комплексы, в особенности родительское имаго, — это аффективно заряженные образы, наполненные уникальной, дискретной энергией, которая накапливалась на протяжении индивидуальной истории. При активизации комплексов их энергия достигает такого уровня, что подавляет Эго человека и совершенно меняет его чувство реальности. Родительские комплексы обычно оказывают наибольшее влияние, так как именно они формируют у человека первичное ощущение отношений с окружающими и остаются их главной парадигмой. Повторяю, что именно из-за субъективных искажений при «считывании» этих первичных отношений невозможно преувеличить степень влияния родительских комплексов на характер последующих отношений.

Не бывает полностью алогичного поведения. Оно всегда логично, а точнее — психо-логично, если мы можем распознать аффективное состояние, из которого оно проистекает. Кроме того, общеизвестно, что наша реакция на определенного вида эмоциональную травму может повлечь за собой диаметрально противоположные стратегии поведения. Рассмотрим, например, две категории типичных детских травм, а именно эмоциональное поглощение и заброшенность. Каждая из них может стать источником совершенно разных поведенческих стратегий. Согласно французской пословице, *les extremes se touchent* (крайности сходятся), ибо в своей основе все они имеют общую психо-логику.

Хотя было бы явным упрощением относить любую эмоциональную травму к одной из двух категорий «переизбытка» или «недостаточности», в каждом конкретном случае следует подумать и посмотреть, не связана ли травма с фундаментальной динамикой эмоционального поглощения или эмоциональной заброшенности. Человек с эмоциональной травмой любого вида может бессознательно выбрать адаптивную стратегию поведения, диаметрально противоположную той, которую в данной ситуации «выбрал» другой человек. Трагедия современной психотерапии заключается в том, что в большинстве случаев она, по сути, не является психологической, то есть не прослеживает поведения человека до самых его истоков, находящихся в его душе (таково основное значение слова *психика*). Корректировать поведение человека, не понимая лежащей в его основе психодинамики, — значит оставаться на поверхностном уровне. Человек может изменить свое поведение и свои убеждения, но тогда его душевная травма найдет другой, быть может, более искусный способ внешнего выражения.

Рассмотрим травму эмоционального поглощения или переполнения.

Так как границы детской психики очень проницаемы, ребенок подвергается воздействию мощных внешних сил. Например, если мама пребывает в депрессии или папа сердится, поведение родителей и создаваемая ими эмоциональная атмосфера вторгаются в пределы детской психики. В 30-х годах XX века Юнг не уставал повторять: «Родители постоянно должны сознавать, что они сами являются главным источником невроза своих детей»⁶. Хуже того, на психику ребенка влияют не только особенности родительского поведения, но и многие другие факторы, которые они даже не осознают. Юнг приводит следующее объяснение:

Как правило, самое сильное психологическое воздействие на ребенка оказывает та жизнь, которую не прожили его родители (и все остальные предки, ибо здесь мы имеем дело со старым, как мир, феноменом первородного греха)⁷.

Под «первородным грехом» Юнг подразумевает пренебрежение душой, которое лежит в начале семейной истории и последствия которой сказываются на последующих поколениях. «Родители бессознательно увлекают детей, — замечает он, — именно в том направлении, где может быть достигнута компенсация всего того, что они не смогли реализовать в своей жизни»⁸. Детская психика очень восприимчива, но, если лишить ее способности реагировать, ей придется поглощать все, что она воспринимает. Тогда, замечает Юнг,

...дети так глубоко вовлечены в психологические отношения своих родителей, что не стоит удивляться, что первопричиной подавляющего большинства детских нервных расстройств является нарушение психологической атмосферы в родительской семье⁹.

Может ли ребенок, захваченный потоком внешней реальности, реагировать иначе, чем ощущая свою беспомощность в отношениях с Другим? Вспомним, что мы прослеживаем этиологию развития отношений, удалившись на десятки лет от тех первоначальных ощущений человеком самого себя и Другого. Интериоризированным образчиком этих отношений, их сердцевиной является ощущение беспомощности. Например, именно по этой причине дети, оказавшиеся жертвами насилия, став взрослыми, могут вступить в брак с насильниками и практически не допускают возможности уйти от них. Это вовсе не значит, что они любят

этих насильников; все дело в том, что запрограммированная беспомощность находится значительно глубже, чем боль, причиненная насилием. Любой социальный работник может подтвердить: прежде чем жертва сможет покинуть насильника или добиться ограничений его влияния, обычно должно произойти несколько серьезных конфликтов. Сначала жертвы попытаются найти рациональные причины для объяснения совершенного над ними насилия. Такая рационализация защищает их не от насильников, а от непомерного давления первичных детско-родительских отношений; таким образом, совершенно непреднамеренно они вступают в заговор против самих себя и продолжают жить не только с насильниками, но и со своей детской беспомощностью.

Если я, в отличие от ребенка, осознал свою беспомощность в отношениях с Другим, то как мне нести себя, чтобы избавиться от этого страдания? Если я регулярно подвергался какому-то насилию: вербальному, эмоциональному, сексуальному — или же, как это чаще бывало, находился во власти настроения или каприза кого-то из родителей, то мне приходилось идентифицировать себя с Другим.

Механизм проективной идентификации хорошо просматривается в так называемом «Стокгольмском синдроме», получившем свое название от группы рядовых шведских граждан, которых похитили и некоторое время держали взаперти городские террористы. Когда людей в конце концов освободили, оказалось, что они не только помогали своим похитителям, но и переняли их политические взгляды. В качестве другого примера можно привести случай Пэтти Херст*, которая в конечном счете оказалась в рядах своих похитителей, так называемой «единой армии спасения». Жертвами похитителей оказались вовсе не дети, а взрослые, но ощущение беспомощности заставило их ради выживания принять взгляды тех, кто совершал над ними насилие. Если так поступают даже взрослые, то что мы можем ожидать от детей?

Если я, будучи ребенком, ощущаю свою беспомощность в присутствии вездесущего Другого и хочу выжить, то моя психика будет создавать стратегии моего поведения, основанные на стремлении организма к выживанию и желании справиться со страхом. Я сумею «договориться» со своей беспомощностью, сделав ее своим мировоззрением, своей реактивной стратегией или своей временной личностью.

Одна такая стратегия, вытекающая из бессознательной, но «организующей» идеи, состоит в следующем: я бессилен, поэтому должен посвятить свою жизнь тому, чтобы обрести власть над другими. В профессиональной области я могу просто казаться амбициозным, может

быть, даже управляемым и почти всегда получать вознаграждение за свои результаты. Но управляемый человек никогда не живет в мире с самим собой, ибо полученный им результат — это защита от страха перед беспомощностью. В близких отношениях эта стратегия отыгрывается в стремлении управлять другим или в появлении влечения к человеку, который легко подчиняется. Такие отношения строятся на принципе власти, а вовсе не любви¹⁰, так как психо-логика бессильного человека состоит в том, чтобы обрести как можно больше власти и стараться жить так, чтобы заглушить тот глубокий страх, который он чувствовал в детстве.

Нередко наблюдается и другая, совершенно противоположная стратегия. Так как ребенок ощущает свое бессилие в присутствии Другого, который при этом является источником его благополучия, он учится быть приятным, спокойным и принимать на себя ответственность за благополучие других. Одна из таких стратегий, позволяющих справиться с тревогой, называется *созависимость*. Если я несу ответственность за удовлетворение потребностей Другого, то, наверное, Другой сможет удовлетворить и мои потребности. В семьях, в которых выросли многие профессиональные воспитатели, в фантазии ребенка развивалась такая высокая степень самоидентификации, что он должен был оказывать поддержку или исцелять Другого в надежде, что тогда он станет более восприимчивым. Ясно, что ребенок не может исцелить родителя, но, совершая такую попытку, он может пожертвовать своей уникальной личностью или совсем ее похоронить. То же самое относится и к взрослому: эта модель детских отношений становится образцом для последующей жизни, бессознательно вовлекая человека в решение безнадежной задачи — исцелить множество травмированных людей, которые его окружают.

Много лет тому назад Брюс Лаки подметил, что большинство профессиональных воспитателей называли себя «ребенком-родителем», гиперответственным членом семьи, посредником, «хорошим мальчиком или девочкой», отдушиной для всей семьи»¹¹. Ими двигало «всеобъемлющее чувство ответственности, направляя их к интрапсихическому симбиозу с семьей»¹². Спустя некоторое время Эдвард Ханна написал, что такой человек «в раннем детстве очень хорошо понимает, что ему нужно для того, чтобы поддержать родительское нарциссическое равновесие»¹³.

Таким образом, проблема бессилия дает о себе знать на протяжении всей жизни человека. Она может завести так далеко, что человек станет

выбирать для формирования отношений слабых и травмированных людей, — если слово «выбирать» здесь уместно, так как выбор, разумеется, является бессознательным, — чтобы соответствовать модели заботливого воспитателя. Одна моя пациентка долго сидела с открытым от удивления ртом, осознав, что она второй раз «вышла замуж» за своего отца. Отец страдал серьезным душевным расстройством; он был настоящим алкоголиком. У ее первого мужа были такие же проблемы. Поэтому она с ним развелась и стала искать мужа, который пил бы только чай. Пациентка нашла такого мужчину, а спустя несколько лет поняла, что, хотя он действительно не употреблял спиртного, он при этом не мог удержаться ни на одной работе, и ей снова пришлось выполнять функции эмоциональной и материальной опоры семьи. То есть глубоко в бессознательном существует психическая структура, которая определяет наш выбор.

Еще одна модель поведения может развиваться у человека, который ребенком испытывал давление или притеснение, а потому все время нуждался в свободном эмоциональном пространстве. Один пациент мог без всякого стеснения заниматься любовью со своей подругой, но каждый раз, когда они после этого обнимали друг друга, он чувствовал приступ паники. Очевидно, половой акт был для него менее интимной, а значит, и менее рискованной формой взаимодействия, чем проявление эмоциональной близости и нежности после сексуального акта. Такие люди часто выбирают партнеров, у которых также есть проблемы в установлении близких отношений, и потому они могут негласно прийти между собой к соглашению об установлении и поддержании эмоционально безопасной дистанции. Многие терапевты представляют себе эту типичную модель межличностных отношений в форме танца с периодическим сближением и избеганием, когда одному партнеру нужны близкие отношения и эмоциональная поддержка, а другой ощущает душевный комфорт, только находясь на эмоциональной дистанции. Один ищет сближения и поддержки, другой отстраняется под напором его прессинга, и при этом у каждого из них возрастает уровень треноги. Потребность человека в защищенном свободном эмоциональном пространстве основывается на его желании сделать то, что не мог сделать ребенок, то есть удержать на расстоянии навязчивого Другого и сохранить хрупкую целостность своей психики.

Хотя каждый из нас может испытывать перемену настроения, связанную с желанием сократить или увеличить психологическую дистанцию, общие психические структуры так глубоко запрограммированы

индивидуальной историей человека, что определяют его выбор и характер отношений с другими людьми. В таком случае человек становится пленником своего прошлого. А нет тюрьмы более тесной, чем та, которую мы не осознаем.

С другой стороны, если в психологической атмосфере, которую создали родители, ребенку не хватало ощущения проявления заботы и он чувствовал себя эмоционально (если не фактически) покинутым, он будет постоянно искать отношений с Другим. В данном случае опять же могут возникнуть совершенно противоположные стратегии. Обладая магическим мышлением и не в состоянии понять, что происходящее вне его обусловлено Другим (а не внешним выражением его Я), ребенок будет часто интериоризировать недостаточное проявление заботы и внимания со стороны Другого как собственную неполноценность. Тогда оказывается, что травмирован, испытывает депрессию и эмоционально опустошен не Другой — все это относится именно ко мне; именно я не заслуживаю того, чтобы меня любили, кормили и заботились обо мне. «Я такой, как ко мне относятся», — говорит *психо-логика*.

Интериорируя это унижительное ощущение Я, я постараюсь жить, прячась от отношений с другими, чтобы впоследствии не испытывать боли. Я «выберу» того, кто заведомо мне не подходит. Я завязну в отношениях, которые Фрейд называл «навязчивыми повторениями», — настолько сильно проявляется воздействие этой программы и, как это ни парадоксально, постоянное убеждение в том, что я не могу ощущать уверенность в себе. Это унижительное ощущение Я чем-то похоже на недоразвитое тело. Хотя воля человека может быть сильной, необходимые психические ресурсы остаются неразвитыми. Таким образом, я не могу ничего хотеть, если точно не знаю, что могу это получить, независимо от того, с кем это связано: со мной или с другими.

Противоположная стратегия, также характерная для ребенка, выросшего в недостаточно заботливом окружении, связана с отчаянным стремлением возродить образ Другого. Так как потеря заботливого Другого вызывает крайнюю тревогу, я постараюсь снять это напряжение, прилагая все силы, чтобы найти заботливого Другого, который всегда находится рядом. Во многих аспектах такие отношения являются зависимыми, так как любая зависимость — это способ справиться с горем, возникшим вследствие разрыва отношений, посредством формирования реальной или символической связи. Жена, которая звонит своему мужу несколько раз в день, муж, который ревнует жену к своим друзьям, человек, который не может спокойно выдержать, как Другой исчезает у него из виду, — все эти

люди испытывают страдания, будучи зависимыми от Другого; они добиваются уверенности в себе, пытаясь прочно зафиксировать то, что всегда ускользает, так как в силу самой своей природы не является постоянным.

Вспомним о главной героине романа Уильяма Фолкнера «Роза для мисс Эмили» — о женщине, которая, не желая расставаться со своим любовником, дает ему отраву, а затем несколько недель спит с его телом, от которого исходит приторный и тошнотворный трупный запах. Подумаем об упорном преследователе, который не может перенести разлуку со своей нареченной Возлюбленной. Подумаем о *психо-логике* человека, который из-за разрыва отношений совершает самоубийство: «Я покончу с собой, пока со мной не случилось что-то ужасное, потому что меня бросил Другой, без которого я все равно погибну».

Так начинается ужасный поиск, поиск постоянного, всемогущего Другого, который исцелит детскую травму. Кто из терапевтов не работал с так называемыми пограничными расстройствами личности, которые характеризуются эмоциональной лабильностью, непрочными, временными отношениями и ужасным страхом, связанным с возможностью расставания? У этих несчастных людей адская жизнь, ибо они не могут выдержать постоянное напряжение, которое накладывают социальные обязательства, а потому страдают вследствие навязчивой идеализации каждого нового партнера и повторяющихся неизбежных потерь. Слезы и прием лекарств столь же характерны для их поведения, как и членовредительство.

Одна пациентка следовала за своим психиатром до парковки, следила за его машиной, дежурила у его дома, звонила ему домой, пыталась соблазнить его во время терапии — и все это время считала себя недостойной его внимания. Поскольку она не могла удостовериться в его профессиональном внимании к ней, то стремилась получить подтверждение его заботы о себе, пытаясь вступить с ним в сексуальные отношения, хотя хорошо осознавала, что секс принесет ей одни страдания в результате очередного нарушения ее эмоциональной целостности.

Такова двойная стратегия, обусловленная стремлением справиться со страхом перед расставанием с Другим: унизиться и таким образом избежать возобновления боли или/и отчаянно искать утраченную связь, часто «выбирая» только такого Другого, который вызывал бы повторение первичного переживания. Повторяю: все такие отношения определяются глубинным психическим воздействием изначально заложенной программы.

Насколько мы обречены на воспроизведение таких запрограммированных стратегий поведения? Конечно, мы свободны в том, чтобы стать другими и иначе себя вести. Но это требует высокой степени осознания закономерностей в своем поведении, однако мы можем назвать закономерными лишь те свои действия, которые неоднократно повторяются. Более того, пока человек не достигнет среднего возраста или не станет еще старше, его Эго не хватит сил, чтобы осознать совершаемый им выбор. Молодой человек все же является слишком бессознательным и не может пойти на риск, чтобы усомниться в себе при таких сильных потрясениях в жизни. Даже достижение преклонного возраста не гарантирует осознания. Подумайте о людях, которые многократно вступали в брак, не сумев или испугавшись сохранить длительные близкие отношения и так и не осознав бессознательных шаблонов, формировавших их выбор при каждом новом поиске своей Возлюбленной¹⁴.

Только выстрадав устранение проекций на Другого или найдя первопричину своих симптомов, человек может прийти к осознанию того, что его враг находится у него внутри, что Другой — не такой, каким он может казаться, и что человеку нужно очень глубоко себя узнать, прежде чем он сможет прояснить область истинных отношений. Такие открытия даются нелегко, им сопутствуют мучительные переживания неудач, стыда, ярости и унижения. Но, находясь в таком ужасном состоянии, можно лучше узнать самого себя, а без этого знания нельзя построить продолжительные отношения.

Психологическое направление, изначально известное как «школа объектных отношений», повлияло на многих психологов, включая юнгианцев. Это направление получило такое название благодаря признанию ключевой важности в формировании человеческой деятельности «первичных объектов», в первую очередь — отца и матери. Это не значит, что у нас нет «врожденной» личности и «врожденного» темперамента; они есть, и об этом знают те родители, которые наблюдали за своими детьми со времени их рождения. Но этот «врожденный» характер подвергается влиянию, изменению, иногда — искажению, так что человек становится созданием, порожденным вынужденной адаптацией. Как отмечали Фрейд и Юнг, невроз — это неизбежная плата за цивилизацию. Социализация необходима, но каждая новая адаптация уводит человека все дальше и дальше от Райского Сада.

В другой своей книге я подробно писал о том, как у человека формируется ощущение «ложного Я» (еще одно понятие, введенное

Винникоттом)¹⁵. В моем понимании ложное Я — это совокупность стилей поведения и сознательных установок к себе и Другому, цель которых — справиться с возникающим у ребенка экзистенциальным страхом. Появление этой «временной личности» неизбежно, ибо человек вынужден приспосабливаться к психодинамике своей родной семьи и влиянию других культурных норм. Каждая новая адаптация делает Райский Сад все более и более призрачным, а человек трагически все больше и больше теряет связь с самим собой. Вот как воспроизводит Энн Секстон мысли ребенка о «мире взрослых»:

Мир не был
твоим.
Он принадлежал
Большим людям
Когда я приду
Туда, в мир взрослых,
... там будет темно¹⁶.

Не будет преувеличением сказать, что постепенное самоотчуждение человека является трагедией. Именно такое самоотчуждение лежит в основе классических греческих трагедий. Их сюжет основывается на том, что все события, происходящие с главным героем, — это результат совершенного им выбора, который он сделал не вполне осознанно, так как недостаточно знал самого себя: не мог видеть того, чего он не мог видеть. Эта *гамарция (hamartia)**, то есть искаженное представление о себе и внешнем мире, неизбежно порождает ложный выбор с вытекающими отсюда последствиями. Спустя много веков мы переживаем то же самое.

Тогда очевидно, что нам приходится тратить огромные усилия на формирование осознанных, конструктивных отношений с Другим, если в нашем отношении к своему Я существует глубокая травма. Примем во внимание и то, насколько трудно вообще развивать любые отношения. Все, что я о себе не знаю, все мои тайные стремления исцелить свои травмы, порожденные моей родной семьей и моей культурой, теперь я возлагаю на вас. Вам придется из-за меня выстрадать все комплексы, которые я приобрел на протяжении всей своей жизни. Как же я мог допустить такое по отношению к вам, обещая вас любить? Как же вы могли допустить такое по отношению ко мне, обещая любить меня?

Сможем ли мы не упасть духом, если при таком взаимном изучении

психики нам не удастся ничего увидеть? Или, скорее, нам не удастся увидеть множество рассеянных энергетических кластеров, то есть комплексов, которые, как планеты, обладают собственной атмосферой, и каждый из них всегда находится в полутени других? И как вообще мы можем говорить о любви, об этой великой фантазии, об этом наркотике, о смысле нашего бытия («Я не могу без тебя жить...»), об этой надежде на возрождение, которой пропитана наша жизнь и наша культура, когда мы не знаем, что это такое. Мы говорим, что любим многое в жизни, и говорим, что любим по-разному. Мы заимствуем слова у древних греков, которые старались различать особенности своих желаний: *eras*, *caritas*, *philos*, *storge*, *agape*. При этом мы ощущаем тень дикого зверя, скрытого за нашими самыми чистыми помыслами:

...глупый клоун душевных волнений...
цепляется, чтобы обнять моего дорогого,
который должен быть со мною, но рядом
которого нет¹⁷.

Кто из нас так хорошо себя знает, чтобы обладать способностью к *agape*, то есть к отношению, которое можно назвать «беззаветной любовью», единственной целью которой является благополучие Другого, без малейшей примеси эгоизма, затаившегося в глубине, как хищная акула?

Воздадим должное мужеству тех, кто действительно хочет заглянуть в себя и разобраться в том, что там найдет. В автобиографической книге «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг рассказывает нам именно о таком самоанализе, о погружении в свои глубины с периодическими внезапными и быстрыми инсайтами. «Вот еще одна вещь, которую ты о себе не знаешь». Какого мужества требует такой постоянный пересмотр своего внутреннего мира! Именно по этой причине в другом своем труде Юнг отметил, что на самом глубоком уровне встречи с самостью обычно оборачиваются поражением Эго, то есть отречением от фаустовской фантазии, что знание — это форма власти.

Или воздадим должное мужеству Эдипа, которому, несмотря на свой страх, пришлось узнать: то, что ему откроется, может его погубить. Его мать-возлюбленная-супруга Иокаста требовала, чтобы он прекратил искать истину. Она не хотела быть уличенной в преступлении. Иначе ей грозила смертельная опасность. Оставь надежду всяк сюда входящий! Но Эдип должен был знать, и хотя его знания были губительны для мира Эго,

который он сотворил, его страдания в конечном счете привели его в Колон, где боги благословили его за то, что он совершил это странствие.

Ни один человек не пойдет в кабинет терапевта, если работают его адаптивные стратегии поведения. Терапия начинается тогда, когда они терпят крах. Человеку становится ясно, что выбор, который он делает, совершается с целью самозащиты, а не из лучших его побуждений. Еще ему становится ясно, что он страдает от постоянно возобновляющегося переживания первичных травм — таких, как эмоциональное подавление или опустошение, — и отступает перед вторжением самости, которая выражает свое неудовольствие в депрессии, фобиях, зависимостях и т. п. Повернувшись лицом к себе, человек оказывается в положении, когда ему придется выслушать свою самость.

Эта встреча с самостью, которую Юнг назвал *Auseinandersetzung*, а древние греки называли *metanoia*, приводит к изменению мировоззрения, в результате которого может возникнуть новое ощущение Я. Никто из нас — тех, кому довелось пройти через такие грандиозные изменения, — не сделал этого по доброй воле. Нас притащили туда силой, подгоняя пинками и не обращая внимания на наши стоны, и нет никаких сомнений, что нас притащат туда снова.

В представлении юнгианцев психика не является ни монархией, как считает Эго, ни даже интеллектуальным центром; наоборот, она является многогранной, полиморфной, многозначной и политеистичной. Поэтому в ней существует много голосов, сообщений, указаний и распоряжений; некоторые из них мы слышим, некоторые — нет, но все они очень настойчивы. «Какой из этих голосов мой?» — спрашивает Эго. «Все», — отвечает самость. «Но я ищу лицо Дзен, которое было до сотворения мира», — закликает Эго. А в это время самость снова перевоплощается подобно тому, как много раз перевоплощался Кришна.

Так мы вступаем в отношения с окружающими. Обладая скудными знаниями о самих себе, мы хотим найти свою идентичность в зеркальном отражении Другого, как искали ее раньше в отношениях с матерью и отцом. При том, что можно получить любые травмы, присущие этому опасному состоянию, мы ищем тихую гавань в обличье того Другого, который, как ни печально, стремится найти такую же гавань в нас. При наличии многих тысяч адаптивных стратегий, порожденных случайным роковым совпадением времени, места, влияния Других, мы «засоряем» зыбкое настоящее ростками прошлого. Мы испытываем непомерную жажду проекции — жажду слияния с Другим, который нас защитит, позаботится о нас и нас спасет.

ГЛАВА 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ГРЕЗЫ ОБ ЭДЕМЕ

Они хотели от меня правды,
поэтому я сказал,
что я жил с ними годы
как шпион,
но все, чего я хотел, — это любовь...
Я сказал, что эмоционально иссяк,
если бы кто-то из них повернулся
и поцеловал меня.
Я рассказал бы им, как ощущается поцелуй,
когда он ничем не был заслужен.

Стефен Данн. «То, что они хотели»

Иногда я совсем забываю,
Что такое товарищество.
Бессознательно и невротично
Я везде разливаю грусть.

Руми. «Иногда я совсем забываю»

Эрос, проекция и Добрый Волшебник

Как мы знаем из древнегреческих мифов, Эрос — самый древний из богов; он присутствует в любом проявлении первобытной жизненной силы. Вместе с тем это самый юный бог, обладающий способностью к постоянному обновлению. Его имя означает желание, а само слово является производным от *de sidus*, то есть «звездный». Поэтому для Эроса характерна тоска по Другому, смертному или бессмертному. Он целеустремлен, обращен к Другому, словно к путеводной звезде.

Согласно Гесиоду, Эрос появился из Хаоса. В первичных водах сформировался поток энергии, порождающий форму, связи и

устремленный к творчеству. Согласно другой версии, Эрос родился от Афродиты и Ареса; оба они прекрасно знали, что такое чувственное влечение. Хорошо известны культурные аналоги Эроса, существовавшие в древнем Риме: Амур и Купидон. Так, первый присутствует в средневековых описаниях романтической любви и произведениях миннезингеров, а второй воплощается в образе стрелка с воспламеняющими страсть стрелами. К началу современной эпохи декадентства образ Эроса перестал быть воплощением глубокой и жгучей страсти и превратился в толстенького кудрявого мальчика с игрушечным луком и стрелами, который стал часто появляться на почтовых открытках, в карикатурах и комиксах. В этом нет ничего удивительного: любое доброе дело можно испортить, если не уравновешивать одну сторону другой, ей противоположной. Купидон становится символом пресыщенного чувственного желания. Он разделит судьбу многих древних богов; именно поэтому Юнг считал, что неврозы подобны богам, которым нанесли рану.

В наше время Эрос все больше теряет свое значение, пока оно совсем не сузилось до эротики. Самое простое определение эроса — стремление к соединению. Естественно, что это побуждение вполне может содержать сексуальное влечение, но эрос имеет гораздо больше значений. В качестве бога божественный Эрос присутствует всегда, по крайней мере, скрыто при всяком стремлении к соединению, хотя самого бога могли забывать, оставлять его без внимания, нападать на него, профанировать или даже обожать его, как ни покажется это странным. Эротическими бывают музыка, мольба, преступление, слова... вариации бесконечны, как бесконечны сами боги.

Наверно, с точки зрения современного человека, называть «эротической» столь разнообразную деятельность может показаться не менее странным, чем заклинать божество. Но древние люди поступали совершенно правильно: там, где есть глубинное переживание, там существует и божественное. Там, где есть боги, там можно почувствовать смысл. Боги могут нас попросить, чтобы мы к ним прислушивались, то есть осознавали их энергию, которая в нас присутствует и которая составляет их суть, лишенную всякой материальной шелухи. Если мы не обращаем внимания на ту глубинную энергию, которая воплощается богом в каждом эротическом действии, мы нарушаем какой-то глубинный принцип¹⁸.

Эрос очень подвижен и легко изменяет свой облик. Воплощая в себе энергию, он всегда стремится к соединению, наполнению и трансценденции. Как мы знаем, Эрос — так же, как и Природа, — не

терпит пустоты, поэтому наша психика страшно боится ощущения опустошенности. Стремясь чем-то заполнить эту пустоту, нам слишком часто приходится заполнять ее самими собой. Как только в этом пространстве образуется брешь, в нее сразу вливается проекция.

Как и любой психологический феномен, проекция существует везде; избежать ее невозможно. Согласно сформулированному Фрейдом определению психической энергии, она является «полиморфно-перверсивной»; то есть она всегда появляется, изменяется, отклоняется и воспроизводится заново, чтобы заполнить пустоту. Это осуществляется многими разными способами, например, с помощью расщепления, замещения и сублимации. Расщепляя, Эрос создает полярные противоположности, следовательно, в любых человеческих отношениях могут присутствовать любовь и ненависть. Замещая, Эрос побуждает искать Неземного Другого в очень зыбком образе Возлюбленного (или Возлюбленной). Сублимируя, Эрос переносит свои неземные устремления в другие области жизни, в которых ищет Великого Отца и Вечную Мать. Точно так же, как посредством проекции из крошечного слайда на далеком экране появляются доисторические чудовища, так и бурная эротическая энергия, пройдя через уникальный фильтр индивидуальной истории, может наполнить любую форму и создать любой психический образ.

Разумеется, все проекции формируются бессознательно; как только человек отмечает: «Это моя проекция», — значит, уже начался процесс ее ликвидации. Иначе говоря, как только мы начинаем пытаться что-то действительно осознать, то сразу же Другой перестает притягивать, удерживать и возвращать нам наши проекции. И если существует главный закон функционирования психики, то он заключается в том, что внутреннее бессознательное содержание психики проецируется вовне. Именно поэтому Юнг заметил: «Если человек не осознает внутреннее содержание своей психики, оно влияет на него извне и становится его судьбой»¹⁹. Но поскольку психика состоит из множества расщепленных энергетических образований, комплексов и архетипических форм (которым Юнг придал статус, близкий к мифологическому, назвав их *анимой*, *анимусом*, *Тенью*), причем практически все они являются бессознательными, то всегда появляется возможность для проекции. Поскольку я никогда не способен познать бессознательное ни теоретически, не практически, то я никогда не знаю, какие энергии автономно действуют у меня внутри, создавая покров иллюзии и набрасывая его на тот мир, который мне кажется известным.

Более двухсот лет тому назад Кант предупреждал, что познать *Ding-*

an-Sich, «вещь-в-себе», нельзя в принципе, то есть существенные характеристики внешней реальности непознаваемы; познанию поддается лишь результат психической обработки субъектом своего феноменологического восприятия реальности. Используя тавтологический оборот, можно сказать, что мы лишь ощущаем наше ощущение! Убедившись в субъективности человеческого восприятия, Кант завершил изучение метафизики, то есть поиск абсолютной реальности, и тем самым доказал необходимость изучения психологии, то есть исследования внутрипсихических процессов.

«Все отношения — *все без исключения* отношения — начинаются с проекции», — таким простым, но категоричным утверждением я начинал семинар в одном из городов западного побережья США два года тому назад. Не закончив оставшуюся часть вступления, мне пришлось остановиться, так как два слушателя, сидевшие в разных местах аудитории, громко и очень эмоционально стали мне возражать. «Но иногда вы просто знаете, — настаивали они, — вы видите с первого взгляда, что это тот самый человек». Только присутствием невидимого комплекса, сравнимого с подводной миной, которая находится впереди быстро идущего корабля, можно объяснить подобный мощный энергетический выплеск. Оба моих оппонента настаивали на том, что Другого можно узнать сразу, в особенности того Другого, который является Возлюбленным. Разумеется, у каждого человека есть интуитивная функция, на которую одни из нас полагаются больше, чем другие, и иногда их предположения вполне оправдываются. Мы «ощущаем», что это должно быть так, а не иначе; мы «чуем это своим нюхом», как кот чует мышь, мы «видим это своим сердцем, печенью, селезенкой и всем остальным...» Но при этом мы также часто ошибаемся.

Я воздержался от вопроса к своим оппонентам, находятся ли все еще рядом с ними их Возлюбленные — те, про которых им сразу «все стало ясно» с первого взгляда. Мне очень хотелось бы знать: если спустя много лет оказалось, что этот первый великий инсайт оказался истинным, насколько отношения с Другим сохраняли свою первоначальную искренность и страсть на протяжении всего этого времени? Неужели эротическая связь и по сей день была столь же сильной, как в первое время? Я подозреваю, что нет, ибо это бывает крайне редко. Но такова сила идеи, аффективно заряженной идеи, которая в действительности называется «комплексом». Назвать такую идею комплексом — ни в коем случае не значит обесценить ее. Проще говоря, комплекс — это энергетически заряженная идея, которая напоминает о себе, стучась в

область нашего мышления, когда ей «вздумается».

Энергию комплекса нельзя переоценить; по сути именно она определяет как индивидуальную историю человека, так и традиционную культуру общества. Нас всех воодушевляют две великие идеи, или два комплекса. Обе идеи ложные, и мы хорошо это сознаем, но при всем при том находим множество способов это отрицать, скрывать или находить этому рационалистическое объяснение.

Первая великая ложная идея — мечта о бессмертии. Мы знаем, что мы смертны; нам хорошо известна статистика; наконец, мы читаем газеты. При этом каждому из нас внутренне хотелось бы ощутить свою исключительность. Конечно же, именно я по той или иной причине стану исключением и буду жить вечно. Разумеется, мы знаем, что будет совсем не так, но эта фантазия чрезвычайно живуча.

Другая великая ложная идея, овладевшая умами людей, — это мечта о Добром Волшебнике. В ее основе лежит убеждение, что существует человек, который создан именно для нас: он сделает нашу жизнь осмысленной и интересной и исправит изъяны, которые существуют в ней. Он будет жить только для нас, читать наши мысли и удовлетворять наши самые глубокие потребности. Он будет добрым родителем, который защитит нас от страданий, и избавит нас, если нам повезет, от очень опасного путешествия — индивидуации. Все популярные произведения искусства пронизаны этой идеей, а также ее крахом — поиски Доброго Волшебника, нахождение его или ее, пугающее открытие человечности этого Другого и... возобновление поисков. Когда вы едете в автомобиле, включите радио и прослушайте подряд первые десять песен. Девять из них будут посвящены поискам Доброго Волшебника²⁰.

За этими поисками Доброго Волшебника скрывается архетипическая энергия родительских имаго. Впервые мы ощущаем свое Я в отношениях с этими Первичными Другими, которыми обычно являются отец и мать. Само сознание появляется вследствие расщепления этой первичной *мистической сопричастности*, которая характеризует чувственную сферу младенца. На основе самых первых ощущений формируется парадигма, включающая в себя понятия Я, Другого и отношений между ними. Эти отношения прочно вплетаются в нашу неврологическую и эмоциональную структуру.

Было замечено, что люди, которые долго живут вместе, становятся похожи друг на друга. (Собаки и их хозяева тоже могут стать похожими, но это уже другая история.) Случается и так, что с приближением к пятидесятилетнему рубежу человеку начинает казаться, что его спутник

напоминает ему родителя. Подумайте о тех немолодых людях, которые называют друг друга «Мать» и «Отец», «Мамочка» и «Папочка», «Мама» и «Папа». Такие обращения говорят о том, что изначальное влечение к партнеру в первую очередь определялось родительским имаго. Этот бессознательный образ проецировался на всех потенциальных партнеров, пока кто-то из них не оказался «подходящим» для того, чтобы «поймать» эту проекцию и «удержать» ее.

Истинную глубину и энергию таких имаго узнать невозможно, так как они, во-первых, являются бессознательными, а, во-вторых, сформировались еще до того, как появилось сознание, способное на них реагировать. Иногда человек может осознать какую-то особенность, сформировавшуюся в сфере осознанных отношений с кем-то из родителей. Искомый партнер должен быть постоянным и внушающим доверие, например, для создания такого же ощущения безопасности, которое раньше создавал родитель. Но чаще всего патология детско-родительских отношений приводит к конфликтам. Сколько детей, переживших насилие, вступили в отношения с насильниками, беспомощно воспроизводя первичную парадигму? Сколько детей алкоголиков, став взрослыми, нашли себе зависимых партнеров, с которыми вступили в созависимые отношения? Часто такие психологические структуры «дремлют» под покровом бессознательного и не проявляются на протяжении десятилетий. Иногда человек разрывает отношения со своим партнером и сознательно ищет себе совершенно иного спутника, но лишь воспроизводит хорошо знакомую динамику, которая была характерна для прежних отношений.

Конечно же, повторяется только внутренняя психодинамика отношений, а не их внешнее выражение. Какой человек, находящийся в здравом уме, станет искать себе партнера, говоря: «Я хочу в отношениях с тобой отыграть свои детские травмы. Я тебя люблю, потому что эти отношения мне очень хорошо знакомы»? Однако именно так мы и поступаем. Действительно, страшно себе представить, какая малая часть близких отношений осознается нами и каким сильным является наше запрограммированное желание того, что нам очень хорошо известно. Мы ищем то, что мы знаем, даже если это наносит нам травму.

Вот почему именно Добрый Волшебник нагружен обломками нашей индивидуальной истории и осколками нашей психики. Если у нас есть враг, который удерживает нас в плену, то этот враг — власть нашей индивидуальной истории, которая способна поработить наше сознание, исказить наш взгляд на будущее, помешать нашему выбору и заставить нас постоянно ее воспроизводить. Одна из задач, которые решает

психотерапия, — это конфронтация с такой историей, хотя бы в той мере, в какой ее можно осознать, исследуя характерные стили поведения, симптомы и сновидения. Эта конфронтация иногда вызывает потрясение, иногда — депрессию, но всегда приводит к смирению. Как зрелый человек с болью вспоминает те возможности выбора, которые были у него в подростковом возрасте, горько сознавая, насколько он мало тогда понимал, точно так же и бессознательная динамика, которая привела человека к определенному типу отношений, однажды может выйти на поверхность. И тогда мы наблюдаем картину, которую редко можно назвать приятной.

Эта сумасшедшая вещь, которая называется любовью

Когда кто-то читает эти строки, с чем-то соглашаясь, с чем-то нет, но в целом следуя за ходом мыслей, его сердце внезапно воскликнет: «А что же будет с любовью?»

Ах, да, эта изумительная штука — любовь, волшебный эликсир, без которого мы все погибнем. И что же она собой представляет, — спросим мы, — эта самая любовь? Не выражается ли ее сущность довольно циничной фразой, которая принадлежит поэту Джону Сиарди: «Любовь — это слово, которое обозначает сексуальное возбуждение юноши, привычку человека среднего возраста и взаимную зависимость стариков»? А может быть, это магическая сила, которая вращает земной шар, обновляет мир (то есть выполняет функцию, которую у древних греков выполнял Эрос) и делает нас несчастными, едва она исчезает? А нужно ли вообще соглашаться с ее универсальным определением? Нет ли в ее странной власти какого-то привкуса магии? Разве такая власть не скрывается и не проявляется вновь как энергия, которая воспламеняет имаго Возлюбленного (или Возлюбленной)? Может быть, нам все-таки следует немного отступить и несколько разобраться в любовных отношениях?

Несомненно, основа любви — это поток энергии, который может быть или однонаправленным, или реципрокным. Поэтому мы можем сказать, что любим своих питомцев, любим свою страну, любим Моне, любим пончики, яблочный пирог, гольф и многое другое. Несомненно, много энергии отнимают дружеские отношения. Чем человек моложе, тем менее стойки такие дружеские отношения, ибо они оказываются очень хрупкими и едва выдерживают испытание конфликтом и разочарованием.

Несколько лет назад в своей статье в журнале «Современная психология» Поль Рихт, сотрудник Университета штата Северная Дакота,

привел следующие обобщенные выводы своих исследований любви и дружбы:

Существуют четыре отличия любовных отношений от дружеских. Любовные отношения более избирательны, более эмоционально выразительны и более постоянны, чем дружеские; кроме того, считается, что они больше подвержены влиянию социальных норм и ожиданий²¹.

Согласно мнению других исследователей, приведенному в этой статье, любовным и дружеским отношениям присущи следующие восемь характерных черт: ощущение радости от присутствия другого человека, взаимопомощь, уважение, искренность, принятие другого человека таким, какой он есть, доверие, взаимопонимание и уверенность.

Мы можем любить своих друзей, но, по-видимому, эмоциональный заряд близких любовных отношений гораздо выше. Близость часто включает в себя очарование Другим, стремление быть для него единственным и неповторимым и, конечно же, сексуальное влечение. Каждая из перечисленных характеристик свидетельствует о том, что в отношениях любовной близости сосредоточено гораздо больше психической энергии, чем в дружбе. Слово *fascination* (обаяние, привлекательность) происходит от латинского слова *fascinare* (очаровывать). В данном случае слово *очарование* означает совсем не то, о чем вы узнаете к окончанию школы; здесь оно имеет смысл «зачаровывать», «поработать сознание», «приобретать над ним власть».

Поэтому быть очарованным Другим — значит быть одержимым аффективно заряженной идеей. Именно это происходит во время действия проекции. В состоянии страстной и неистовой влюбленности — а выражение «неистовая» является очень сильным — человек фактически одержим Другим и не способен к сознательным поступкам. По влечению сердца человек попадает в плен проективной идентификации, и тогда снова растворяются границы между ним и Другим, как это происходило в младенчестве. Таково бессознательное обоснование очарования Другим: поиски возможности вернуться в потерянный рай детства, в лоно изначальной *мистической сопричастности* с теми, кто с рождения окружал тебя заботой и вниманием.

Столь же очевидно, что стремление к избирательности в отношениях вытекает из полной зависимости младенца от постоянного присутствия Другого. Существует популярное мнение, что ревность является

свидетельством и мерой любви к человеку, а не показателем того, что его считают ненадежным и подозревают в измене. «Я знаю, что партнер меня очень любит, потому что терпеть не может, когда я разговариваю с кем-то другим». Мне довелось услышать даже такое: жена, которую постоянно избивал муж, была совершенно уверена, что такое отношение насильника-мужа лучше всего доказывает, как сильно он любит ее.

Один мужчина, который совсем ненадолго стал моим пациентом, был женат несколько раз. В детстве он подвергался психологическому насилию, поэтому постоянно следил за поведением всех своих подруг — настолько непрочной ему казалась психологическая основа их отношений. Разумеется, он не мог выдержать напряжения терапевтического процесса, так как для интроспекции, которая является одной из его составляющих, требуется сила воли и эмоциональная устойчивость, которыми он не обладал. Стремление удержать рядом с собой другого человека — здесь я не имею в виду сохранение сексуальной верности — в конечном счете приводит к плачевным результатам, ибо свобода Другого будет подавляться проявлениями властолюбия и сопутствующей ему потребности в постоянном контроле.

О сексуальном влечении в близких отношениях мы поговорим несколько позже. Но к ранее приведенному списку различий между любовными и дружескими отношениями можно было бы добавить еще два. В любовных отношениях человек больше защищает Другого, так как вкладывает больше сил и энергии в его благополучие. И еще: человек пожертвует собой скорее ради Возлюбленного, чем ради друга. Очень хорошо известно, что самопожертвование — это краеугольный камень многих величайших историй любви. Они по-прежнему берегут нам душу, показывая способность человека сублимировать глубинный инстинкт выживания ради своего возлюбленного Другого.

Кроме того, нам надо будет далее четко отличать традиционный формальный договор, который мы называем «браком», от энергии, которую мы называем «любовь». В данном случае, говоря о «браке», я опять же имею в виду не столько юридическое оформление отношений между двумя людьми, сколько глубину и характер соглашения, которое снижает вероятность разрыва. Глупость так называемой «общественной морали» и большинства правительств становится причиной запретов на однополые браки, даже если партнеров объединяют полное согласие, общая система ценностей и постоянство отношений.

Их нетерпимость порождает не просто дискриминацию; она подрывает фундамент основанных на согласии отношений. Так, один

гомосексуалист недавно сказал мне: «Я уже устал платить налоги на поддержку гетеросексуального блуда». А другой гомосексуалист сказал иначе, причем в его шутке действительно была только доля шутки: «Я верю в гомосексуальные браки, потому что верю в гомосексуальные разводы». Он намекал на то, что хотел бы, чтобы семейное право распространялось на него не только в виде страховки, налоговых льгот и т. п., но и в отношении прав каждого из партнеров при разводе. (В конечном счете при всей своей борьбе за чистоту нравов, «мораль большинства» не является моралью и не разделяется большинством.)

Традиционно любовь и брак никогда не были тождественны; они очень редко, как поется в известной старой песне, составляли единое целое, «как лошадь и экипаж». Фактически лишь чуть более ста лет назад «глас народа» объявил, что любовь и брак — это одно и то же. Это вовсе не значит, что люди, которые соглашались быть супругами, не любили друг друга; но общее социально-историческое назначение брака заключалась в том, чтобы привнести стабильность в общество, а вовсе не осчастливить отдельных людей или способствовать процессу их взаимной индивидуации. Вполне возможно, что большинство браков в истории человечества по современным меркам считалось бы «браком по расчету», ибо они заключались именно для рождения, защиты и воспитания детей, то есть для сохранения стабильности общества, для передачи из поколения в поколение системы социальных и религиозных ценностей, а также для направления анархичного либидо на достижение социально одобряемых целей.

Кроме того, во многих браках любовь — какой бы она ни была в действительности — просто не считалась основополагающей ценностью. Чаще всего людей соединяла связующая их энергия, то есть взаимодействие их активизировавшихся комплексов. Каждый из них или оба сразу стремились найти в другом доброго и заботливого родителя, может быть, даже психологического насильника, чтобы подкрепить травмированное ощущение своего Я, или же то, что отсутствовало в их родной семье. Человек мог вступить в брак и для того, чтобы получить ощущение власти, которое возникает при переносе.

Мне вспоминаются две женщины, одна из которых стала моей пациенткой, а затем порекомендовала другой обратиться ко мне. Обе они жаловались на одно и то же: их мужья могли разговаривать только о бизнесе. Обе они лет двадцать тому назад вышли замуж «по любви», а затем быстро развелись. Затем каждая из них, явно совершив более зрелый выбор, вышла замуж за мужчину, который был существенно старше нее,

«успешен» и обеспечен. Но при этом каждая из них проецировала свой неразвитый анимус на второго мужа. У них были фешенебельные особняки и престижные дорогие автомобили, но оказалось, что между супругами не было близких отношений. Те «мужские» качества, которые привлекали их в мужьях, не только были не развиты у них самих, но и обедняли их восприятие личности мужей, делая значимым лишь их богатство, которое не принесло им ни счастья, ни близких Отношений.

Не следует забывать древнюю мудрость: остерегайтесь получить то, чего вы хотите. Этому мудрому совету следует глубинная психология: мы могли бы получить лишь то, что хочет наш комплекс, наша неосознанная индивидуальная история, наша непрожитая жизнь. И тогда сформированные на такой порочной основе отношения могут стать лишь сценой для отыгрывания этого трагического сценария, с которым они тайно связаны.

Кажется, что все в жизни без исключения вертится вокруг этой странной штуки, которая называется любовью. Мы любим природу, мы занимаемся любовью, мы влюбляемся и разочаровываемся, мы гонимся за любовью и умоляем ее нас спасти. Романтическая любовь — так мы называем этот порыв — эта испепеляющая страсть, эта неистовая тоска по Возлюбленному (или по Возлюбленной), эта напряженная борьба, эта глубокая грусть при утрате Возлюбленного (или Возлюбленной), эта тревожная неопределенность относительно реального существования Другого — все это и многое другое является одновременно и величайшим источником энергии, и основным современным наркотиком. При распаде родовых мифов, которые когда-то помогли нашим предкам устанавливать связь с богами, с природой, со своим племенем и с самими собой, может получиться так, что романтическая любовь скоро станет главным средством удовлетворения экзистенциального голода. Можно даже утверждать, что романтическая любовь по силе своего воздействия на человека заменила институт религии, так как она обладает величайшей мотивирующей силой и оказывает огромное влияние на нашу жизнь.

Итак, поиск любви заменил поиск Бога. Вас это изумляет? А разве это не так? Повторяю: просто включите радио. Подавляющее большинство популярных песен доносит до нас «религиозность» романтической любви. Вспомним этимологию слова «религия» — «связывать вновь», «воссоединять». До сих пор мы искали эту связь, стремясь воссоединиться с высшим; сейчас мы ищем ее, пытаясь проникнуть в Другого. Вслушиваясь в любую песню, можно распознать в ней такой хорошо знакомый нам поиск этого Другого: знание того, что он (или она) находятся прямо за

следующим эмоциональным поворотом, радость от встречи именно с Ним, смятение, которое вызывается активизацией комплексов, гнев и горечь, вызванные конфликтом и болью, скорбь из-за утраты — и последующее возвращение к новому поиску, который будет продолжаться в следующей, тысячной песне тысяча первого цикла.

Если бы удалось написать песню, в которой соединились бы все эти стадии поиска Доброго Волшебника, можно было бы не только заработать большие деньги, но и создать основную религию западной цивилизации. Движущая сила этой романтической фантазии намного превышает мотивирующую силу экономической конкуренции. Объединяя взгляды на современный мир Т.С. Элиота и Альберта Камю*, можно сказать так: «Они делали деньги и прелюбодействовали». Ни одна жизненная философия их не увлекает надолго, но эти две цели сохраняются постоянно.

Огромная власть лжебогов заключается даже не в силе изощренного соблазна, которой они обладают, а в сохранении ими способности внушать непререкаемую веру в себя, несмотря на их многочисленные предательства. Многие популярные песни фактически *знаменуют* непреклонную сердечную решимость снова приступить к неистовому поиску Доброго Волшебника. Популярность книги и фильма «Мосты графства Мэдисон»* — еще один пример религиозной силы этого романтического влечения и нескончаемого поиска. Однажды, в середине вашей скучной и тоскливой жизни, появится судьбоносный сказочный пришелец и откроет для нас жизнь, которой вы достойны, благословит и поддержит ваше преобразование, а затем навсегда исчезнет, оставив вас наедине с обыденностью и рутиной, — с душой, пылающей страстью. Поцелуи — это *Судьба**. Ни один партнер, даже самый хороший, не может состязаться с такой фантазией.

Существуют и другие случаи, когда любовь и брак не являются тождественными. Многие супружеские отношения просто развиваются за рамками невидимого договора между партнерами. Какие бы комплексы или запрограммированные идеи Я и Другого ни вдохновляли заключить брак, человеческая психика всегда уводила их в другом направлении. Не то чтобы у людей пропадала влюбленность: просто изначальные побудительные мотивы постепенно теряли свою силу, уступая место другим соображениям, или же комплекс «решал», что Другой больше не соответствует ожиданиям Я, сформированным исходной программой.

Если супружеские отношения не способствовали личностному росту человека — это большое несчастье. Внешняя продолжительность брака

вовсе не дает повода для торжества, ибо кто может знать, как за это время изменилась душа каждого супруга? В данном случае вспоминается стихотворение Кристиана Моргенштерна «Два осла»:

Как-то один депрессивный осел
К супруге явился и молвил ей: «Все!
Мы долго молчали и ночью, и днем,
Вместе мы жили и вместе умрем!»
Случалось же это почти каждый час,
Радостно жизнь их течет и сейчас²².

Я полагаю, что «весело» сказано иронично, в расчете на публику, и что за этой иронией скрывается множество ран. Ибо сколько членов супружеских пар развиваются примерно в одном и том же направлении и примерно одинаковыми темпами? Редко бывает так, что оба они воспринимают жизнь на одинаковом уровне сознания или обладают равной способностью решать трудные проблемы. Чаще один из партнеров уже не соблюдает неосознанные условия взаимоотношений, а другой, наоборот, изо всех сил цепляется за формальный договор, который они заключили при вступлении в брак. Первый чувствует фрустрацию и впадает в состояние депрессии; второй ощущает тревогу и хочет все взять под свой контроль. Согласно моему опыту, чаще всего именно женщины стремятся к изменению и развитию. Может быть, так оно и есть, ибо женщины, наверное, более сосредоточены на межличностных отношениях, а мужчины больше связывают свое благополучие с такими внешними факторами, как карьера и собственность. И те, и другие могут быть в равной степени несчастны, но в центре их внимания — совершенно разные вещи. Женщины стремятся «перекроить» отношения, то есть перенести их на другую психологическую основу; мужчины скорее склонны исправлять в отношениях то, что в них «сломалось» или испортилось. Их цели одинаковы, но средства достижения прямо противоположны.

Поскольку ни в какой другой стране, кроме США, идея романтизма не имела столь сильного влияния, как на американскую поп-культуру XX века, ни одна из них не имеет под собой такой шаткой основы. А тогда неизбежен следующий вывод: ни одна культура не содержит столько скрытого разочарования, сколько та, которая стремится самоутвердиться в проекции, фантазии и иллюзии.

Поэтому вернемся к идее проекции. То, что мы о себе не знаем — а

многое мы просто не можем знать в принципе, — будет проецироваться на внешний мир.

На поиски Доброго Волшебника нас зовет персидский поэт Руми в стихотворении, которое начинается так:

Как только я услышал первую историю любви,
Я сразу же отправился на поиски тебя...²³

Разве мы не стремимся именно к такой судьбоносной встрече с Тем, кто нам послан богами, кто сделает нас совершенными, а нашу личность — целостной? Разве в посвященном любви диалоге «Пир» Платон не выразил именно такую надежду, вложив в уста Аристофана ироничное описание изначальной целостности людей, последующего расщепления их богами за неблагоприятные деяния и мира, наполненного половинками человеческих душ, которые истово ищут свою вторую половину? Но Руми знает лучше:

... не понимая, насколько это тщетно.
Влюбленным нигде не суждено встретиться.
Каждый из них все время находится внутри другого²⁴.

У меня есть копия полотна XIX века — картины художника эпохи прерафаэлитов. Эта очень сентиментальная картина, на которой изображен чудесный момент созерцания Данте Беатриче (Беатрис Портинари), которая идет по набережной Арно во Флоренции. В левой части картины стоит пораженный Данте, приложив руку к своему израненному сердцу. Беатриче идет к нему с розой в руках, не только очаровывая его своей прелестью, но и навевая очертания того блаженного образа, который он позже увидел в Раю. По одну сторону от Беатриче стоит ее подруга, одетая в голубое (голубой цвет в Средние века символизировал девственность и духовность); по другую сторону — подруга, одетая в красное (красный цвет символизировал чувственность и страсть). Присутствует и то, и другое. Позже эта женщина, которую Данте никогда лично не знал, станет его духовным проводником, его психопомпом; она выведет его из Ада и приведет в Божественную Обитель.

Этот сюжет заряжен энергетически — он представляет собой сплошное символическое изображение проекций. Реально только

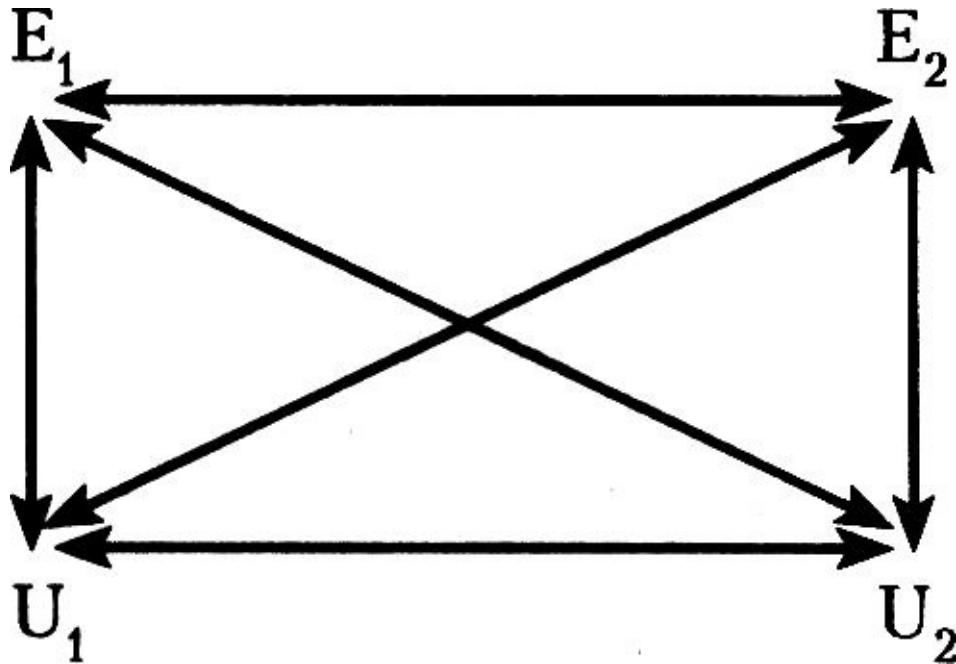
переживание Данте; нереальна же сама Беатриче, представляющая собой энергетический источник, питающий творчество Данте и делающий его мифопоэтическим голосом своей эпохи. И так происходит всегда: наш Возлюбленный, который нас вдохновляет, все время находится у нас внутри. По существу, это одно из самых поразительных свойств проекции: она помогает высвободиться энергии, которая иначе бы продолжала дремать. Нет сомнений, что это относится и ко мне, и к вам, и к Данте, и к любому художнику, любому антрепренеру, любому автомеханику, любой официантке, то есть к любому человеку.

Внутренняя динамика проекции

Наша индивидуальная психологическая история, которая проявляется в психодинамике комплексов, постоянно занята поисками аналогий («Когда я здесь был раньше?»^{*}), и механизм проекции, полностью подтверждающий динамику переноса и контрпереноса, присутствует в любых отношениях.

В процессе традиционной аналитической терапии человек приходит на каждую сессию не только с целью что-то осознать: он извлекает на поверхность динамичное, целенаправленное и автономное содержимое «психологического подвала своей индивидуальной истории». Аналитик тоже не свободен от своей индивидуальной истории, но в процессе продолжительного анализа он может догадаться о том, какой комплекс может быть активирован на сессии посредством продуцированного пациентом материала. Это не значит, что анализ позволяет человеку полностью осознать свои психические реакции, но он помогает увидеть их проявления, как только они возникают.

Диаграмму, которая приведена ниже, можно использовать для исследования любых отношений²⁵, хотя при наличии близости обычно активизируются многие первичные имаго Я и Другого, разные стратегии взаимоотношений, а также самые сильные надежды на исцеление. Повторяю: вспомним, что эти первичные имаго, как правило, формируются в результате разных событий в области детско-родительских отношений.

E_1 обозначает Эго, или осознанное ощущение своего Я одним из партнеров, а E_2 обозначает осознанное ощущение своего Я Другим. E обозначает человека, о котором мы имеем сознательное представление и которым мы сами себя считаем. U_1 — это динамическая психологическая история одного партнера, U_2 — это психологическая история Другого. Оба термина: «динамический» и «психологическая история» — в данном случае являются ключевыми. Смысл первого термина заключается в том, что наша психическая энергия все время действует, оставаясь свободной от эго-контроля (чтобы убедиться в этом, попробуйте сегодня ночью заставить себя увидеть тот или иной сон). Такая динамика нацелена на то, чтобы защитить организм и/или его последующее развитие, и может обслуживать того или другого или обоих вместе. Психологическая история — это не только последовательность событий нашей жизни, особенно в сфере отношений, но и способ интериоризации этих событий в уникальное мировоззрение, формирующее «временное сознание», основанное на психологических предпосылках индивидуальной истории человека, большинство из которых являются бессознательными.

Согласно данной диаграмме, существует двенадцать возможных направлений распространения энергии, и только два из них являются осознанными, а еще два могут стать таковыми. Энергия может распространяться в любом направлении от E_1 к E_2 (от одного Эго к другому). Кроме того, она может распространяться от E_1 к U_1 и от E_2 к U_2 .

Далее, в случае включения U (динамической психологической истории) каждого из партнеров — а это в большей или меньшей степени происходит всегда — ее содержание будет проецироваться на E (Эго) Другого соответственно приведенным на схеме двум диагоналям²⁶.

Вспомним, что содержание основного закона проекции состоит в том, что бессознательный материал будет либо вытесняться, либо проецироваться, становится ясно, что в любой конкретный момент в отношениях между людьми происходит большое количество самых разных процессов. Мы даже можем отметить различие между «большими» и «малыми» проекциями. «Малые» проекции действуют в отношении Другого привычным, запрограммированным способом, который вытекает из всей истории отношений. А «большие» проекции связаны с переносом на Другого стремления «вернуться домой» — фантазии о том, что он (или она) меня исцелит, защитит, обо мне позаботится и избавит меня от ужасного оцепенения, связанного с моим взрослением.

Проекции, перенос и контрперенос возникают неизбежно, так же неизбежно возникают в нашем сознании ожидания в отношении Другого, ибо нам никогда не хватало ни мужества, ни осознания, чтобы избавиться от проекций и покончить с ожиданиями. Мы остаемся людьми, пребывающими в глубокой тоске по сверхчеловеку-Другому. Следует лишь выяснить, в какой мере мы все это осознаем.

Когда E_1 направляет энергию к E_2 , наши отношения являются осознанными. Два человека, которые летят в самолете рейсом Чикаго — Нью-Йорк или едут в поезде Санта Фе — Хьюстон, могут общаться между собой с большим интересом, а, расставшись, больше никогда не вспоминать друг о друге. Как правило, такие встречи происходят на сознательном уровне. Однако психологические истории двух людей, тем не менее, также присутствуют, и либо одна из них, либо другая, либо обе вместе могут активизироваться. Может быть, один из собеседников напоминает другому его родителя, который оставил его в детстве, или его любимого, или учителя, которого он боялся в школе. Тогда возникает и постепенно начинает преобладать бессознательное отношение, которое особым образом включает динамику переноса или контрпереноса. Человек может почувствовать к собеседнику антипатию или, наоборот, сильное влечение. Сколько романтических и даже супружеских отношений возникло в подобных обстоятельствах?

В отношениях, столь сильно обусловленных прошлым, некоторые периоды жизни могут повторяться. Мы можем проецировать на другого

свой образ Идеального Возлюбленного или/и принимать на себя такую же проекцию; или же мы можем проецировать на других людей свой страх и ненависть, а они, в свою очередь, могут проецировать их на нас. В таких случаях мы временно подвергаемся воздействию психоза, то есть сознание поработается содержанием бессознательного. Призма прошлого опыта, через которую мы видим мир, искажает наше восприятие и создает совершенно иной диапазон возможностей выбора и их последствий.

То, что обычно называется «влюбленностью», по существу является таким временным психозом. Именно поэтому для описания влюбленности употребляются известные выражения: «любовь слепа» или *folie a deux* (обоюдное сумасшествие). Посмотрите внимательно: Купидон изображен с надетой на глаза повязкой. Разве вслепую можно совершить правильный выбор? В подростковом возрасте можно возноситься в высоты и погружаться в глубины такого сумасшествия раза два в неделю. К счастью, этот психоз обычно бывает временным. Однако такие периоды сумасшествия могут породить хаос в отношении к своему Я и к окружающим: глубокую депрессию, манию преследования, человеконенавистничество и попытки самоубийства. И сейчас, когда я пишу эти строки, стало известно, что в тихом городке Пирл, штат Миссисипи, людей потрясло известие об убийстве нескольких школьников, совершенном подростком, который страдал от неразделенной любви.

Самой известной книгой в конце XVIII был роман Гете «Страдания молодого Вертера», в котором речь идет о несчастном влюбленном, покончившем с жизнью. И потом еще несколько десятков лет из Рейна или из Некара вылавливали тела брошенных, несчастных влюбленных, находили их на дне обрыва или у подножия какой-нибудь скалы — у многих из них в кармане было издание этого романа.

Самоубийство — это «логическое» продолжение исходной бессознательной предпосылки: «Моя душа, вся моя жизнь находится в руках у этого Другого». Когда оказывается, что Другого для меня нет, или он меня отвергает, или я ощущаю себя беспомощным под напором внешних сил, то я мучительно страдаю из-за потери ощущения своего Я. Утратив это ощущение, я превращаюсь в ничто, и тогда моя логика говорит, что я должен покончить с собой, чтобы не потерять себя. Человек, находящийся в состоянии крайнего возбуждения, не замечает «порочного круга», присущего этой логической аргументации. Мучительное сумасшествие — это не только основное содержание большинства произведений популярной культуры, но и состояние, которого стремятся достичь влюбленные. Такой экстаз, такое воспарение над действительностью,

такая трансценденция, такая жажда возвращения домой! Кто не испытывал этого жгучего стремления, как Фауст, к трансцендентной встрече с жизнью? Кому бы не хотелось вместе с Гельдерлином испытать такую же трансценденцию: «Однажды я / жил, как живут боги, и больше ничего мне было не надо»²⁷. И кто не желал бы вытащить такой же жребий вместе с Руми:

Мне захотелось тебя поцеловать.

Цена поцелуя — твоя жизнь.

И сразу моя любовь врывается в мою жизнь и кричит:

Все решено. По рукам²⁸.

То, что могут предложить другие виды зависимости: наркотическая, игровая, — меркнет по сравнению с тем, что может предложить трансцендентный Другой. А он предлагает не просто облегчить боль от столкновения с внешним миром, не просто находит средство спасения от скуки и депрессии, а воссоздает тот потерянный рай, который человек ищет в лабиринте своей индивидуальной истории. Ничто на свете не обладает такой властью над нашей жизнью, как намек, сообщение, обещание Доброго Волшебника воссоздать Райский Сад. Тогда не стоит удивляться тому, что у нас вновь появляется ужасный страх снова потерять рай, едва вдалеке появятся его очертания. Кому захочется там жить, если снова придется его потерять? Повторяющаяся потеря рая — это условие человеческой жизни, даже если нашей основной фантазией является надежда на его обретение.

При этом мы знаем, что Другой — это обычный человек, у которого есть недостатки. Он точно такой же, как все мы, поэтому никогда не сможет взять на себя все бремя организации земного рая, которое мы на него возлагаем. Отношения, которые на приведенной выше диаграмме обозначены двумя диагональными двунаправленными стрелками, — самые эффективные из всех двенадцати возможных. Но из-за того, что содержание, которое они обозначают, настолько перегружено индивидуальной историей, неизбывной тоской и огромной надеждой, эти отношения обязательно закончатся. В этот момент у человека «проходит влюбленность», как принято говорить в нашей культуре. Больше половины всех популярных песен посвящены оплакиванию потери возлюбленного Другого. «Кто ты такой», «Я больше не хочу тебя знать», «Твое отношение ко мне изменилось», «Ты разбил мое сердце», или, иными словами, ты

погубил мою надежду на обретение рая. Но из-за того, что мое желание воссоздать Эдем, использовать тебя, чтобы вернуться домой, по существу является бессознательным, я не осознаю его основы в самом (или в самой) себе и мне остается только ненавидеть тебя за это огромное разочарование.

Исчезновение проекций

В своей книге «Проекция и ее устранение, с точки зрения юнгианской психологии» швейцарский аналитик Мария-Луиза фон Франц (von Franz, 1980) подчеркивала, что процесс проецирования, а затем восстановления в единое целое разрозненных фрагментов нашего психического содержания состоит из пяти стадий.

На первой стадии человек убежден, что его внутреннее (то есть бессознательное) ощущение на самом деле является внешним ощущением, так как воспринимается «где-то там». Тогда может возникнуть сильная влюбленность или сильная подозрительность. Один знакомый мужчина не позволял никуда отлучаться своей жене, поскольку был убежден, что у нее имеются связи «на стороне». Он нанял частных детективов, заставил ее два раза пройти тест на детекторе лжи, но все равно не верил ее заверениям в том, что она ему верна. В восьмилетнем возрасте его бросила мать, уехав с чужим мужчиной, и с тех пор он больше никогда ее не видел. Он никак не мог поверить, что вторая женщина в его жизни, которой он раскрыл свое сердце, может вести себя иначе.

Или же рассмотрим систему проецирования социопата. Получив в детстве серьезную эмоциональную травму, такой человек проецирует предательство своего Первого Другого на все человечество и не может вступать в отношения без постоянного осуществления над ними контроля. Утратив контроль над Другим, социопат переходит к насильственным действиям, бессознательно воспроизводя свое детское бессилие. Насилие над партнером — это проективный перенос прошлого в настоящее, который выражается в мрачном и постоянном воспроизведении эмоциональных травм.

На второй стадии проективного процесса происходит постепенное осознание несовместимости, увеличение разрыва между ожиданием того, каким должен быть Другой, и нашим реальным ощущением. Почему ее поведение так отличается от моего представления о том, как ей следует себя вести? Почему не видно, что он восхищается только мной? Почему

иногда она капризничает и ведет себя непоследовательно? Пустяковые вопросы приводят к большим сомнениям. Сомнения приводят к страху и оцепенению. В конечном счете человек начинает сомневаться в подлинной сущности Другого. Это не сулит ничего хорошего и может послужить объяснением тому, что очень много партнеров постепенно переходят от наивных отношений к состязанию и борьбе за власть. Если ты не ведешь себя в соответствии с моими ожиданиями, я сделаю так, что тебе не поздоровится. Я буду следить за каждым твоим шагом, подавлять тебя силой, держать тебя на расстоянии, подводить тебя. Такие установки и поступки осознаются редко, но все эти элементы присутствуют в человеческих отношениях и заполняют зазор между ожидаемым и реальным поведением.

Исчезновение проекции часто вызывает болезненные ощущения, и чем шире была проекция, тем глубже ощущается боль. Человек рассчитывал на то, что Другой сделает все возможное, чтобы он вернулся домой. Такую фрустрацию испытывает кардинал, который бьется в стекло, но отскакивает обратно. Такое же изумленное оцепенение испытал щегол в рассказе Джеймса Турбера «Стекло в поле», в котором щегол рассказывает своим приятелям о том, что с ним произошло: «Я летал над лугом, и вдруг воздух вокруг меня стал превращаться в кристаллы». Часто спустя некоторое время после начала отношений партнеры хотят пройти терапию, при этом каждый из них ощущает внутреннюю травму, которую причинил ему Другой. Каждый потерял немало крови. Каждый считает терапевта не нейтральной стороной, а судьей, который просто принимает ту или другую сторону. Обычно к этому времени у каждого из партнеров проходит влюбленность, и в отношениях преобладает борьба за власть.

На третьей стадии процесса проецирования, который может осуществляться как в условиях терапии, так и вне ее, обязательно происходит оценка нового восприятия Другого. Теперь партнер предстает в совершенно ином свете. Что происходит между нами? Кто же на самом деле он/она?

На четвертой стадии человеку приходится признать, что его восприятие не соответствовало действительности, что он воспринимал Другого не как внешнего субъекта, а как часть своего внутреннего содержания. Это признание — мужественный шаг с этической точки зрения, так как оно помогает снять с Другого бремя космических ожиданий и фантазий.

Пятая стадия — это стадия поиска у себя внутри психического содержания, составляющего основу проекции. Иными словами, следует

определить значение проекции. Какая часть моей личности была спроецирована, и к чему это привело? Поскольку в силу своего определения проекции изначально являются бессознательными, мы их можем «устранить» только после мучительных страданий вследствие различий между своими ожиданиями и реальностью.

Кроме боли из-за таких различий, свидетельствующей о действии проекций, об их существовании можно узнать с помощью тех же трех способов, которые помогают нам установить наличие комплексов.

Во-первых, существуют предсказуемые ситуации, в которых весьма вероятно активизация комплексов или проекций. В подавляющем большинстве случаев таким эмоционально заряженным полем с постоянным обменом проекциями является сфера близких отношений. Это может нас огорчить и даже вызвать депрессию — в любом случае это нас унижает, — ибо человек никогда по-настоящему не знает Другого, а все, что мы не знаем, всегда наполняется содержанием наших проекций. Даже люди, которые не один десяток лет прожили вместе, едва знают друг друга с психологической точки зрения, хотя при этом они очень сильно привыкли друг к другу.

Во-вторых, наше ощущение проекции может быть чисто физиологическим. Желудочные колики, сердцебиение, потные руки и т. п. — все эти соматические состояния могут помочь распознать характерные признаки проекции.

В-третьих, количество энергии, которое содержится в проекции, никогда не соответствует ситуации. Так как близкие отношения всегда обременены надеждой на «возвращение домой», количество эмоциональной энергии, которая ощущается в таких отношениях, свидетельствует о масштабе глубинной внутренней программы, спроецированной на Другого. Это вовсе не значит, что отношения теряют свою важность и глубину; скорее это говорит о том, что мы можем переоценить значение этих отношений. Повторяю: лишившись Другого, человек иногда совершает самоубийство именно потому, что потерпела крах его фантазия о возрождении Первозданного Другого. Разумеется, это значит, что нам следует оплакать потерю, но слишком часто Другой становится для нас сверхценным только из-за нашего обесценивания себя.

Юнг напоминает нам о повсеместном присутствии проекций: «Основной психологической причиной проецирования всегда становится активизированное бессознательное, которое ищет свое выражение»²⁹. Об этом же он пишет и в другой своей работе:

Строго говоря, проекция никогда никем не создается; она просто возникает. Во мраке всего, существующего вне меня, я нахожу свою внутреннюю жизнь или жизнь своей психики, но этого не осознаю... Такие проекции начинают повторяться при попытках человека исследовать мрачную бездну, которую он невольно заполняет живыми образами³⁰.

Выстрадав это различие, а также потерю Другого в содержании своей проекции, мы, наконец, должны решить скромную задачу — достичь осознания. То, что мы о себе не знаем, может и будет причинять боль и нам, и окружающим нас людям. В конечном счете осознание оказывается нашим нравственным долгом. Фон Франц утверждает следующее:

Мы, среднестатистические люди... всю оставшуюся жизнь вряд ли сможем избежать необходимости снова и снова признавать в проекциях то содержание, которое в них действительно присутствует, или, в крайнем случае, хотя бы считать их ошибочными суждениями. По-моему, очень важно постоянно иметь в виду, по крайней мере, саму возможность существования проекции. Это приведет к тому, что наше эго-сознание станет значительно скромнее, а мы сможем всегда осознанно проверять свои взгляды и чувства и не тратить свою психическую энергию на преследование иллюзорных целей³¹.

Последнее замечание фон Франц нам следует многократно повторять, чтобы мы «не тратили свою психическую энергию на преследование иллюзорных целей». Мифическое усилие, направленное на воссоздание Райского Сада, заложено в глубине человеческой природы, но чем больше мы стремимся к этой цели, тем меньше шансов ее достичь. Наверное, что-то похожее ощущали выбившиеся из сил покорители Коронадо, когда они поднимались на очередную вершину в Нью-Мексико и видели на горизонте очередной золотой город, который сразу же исчезал, как только они до него добирались.

Нам следует представить себе поток глубинной энергии от бессознательного одного человека к бессознательному другого, который обозначен нижней двунаправленной стрелкой на приведенной выше диаграмме. Пока два человека не смогут конкретизировать свои ощущения и понять их природу, им не удастся осознать, что между U_1 и U_2 существует определенный вид *мистической сопричастности*. Может возникнуть

проективная идентификация, при которой одна личность внедряется в другую, и тогда существующие между ними стрелки просто исчезают. Может быть, благодаря именно этому психологическому механизму Гитлер стал воплощением социальных интересов немецкого общества? А потому его индивидуальное бессознательное, впитав в себя коллективное бессознательное возбужденной толпы, вышло далеко за рамки проекции, присущей комплексу героя и спасителя? По крайней мере, такие предположения не менее правдоподобны, чем попытки объяснить его способность мобилизовывать, вбирать в себя и направлять энергию миллионов людей посредством использования некоторых экономических и политических факторов.

Вряд ли стоит сомневаться в существовании такой проективной идентификации. Оба человека прекрасно себя чувствуют, если один ощущает, что возвращается домой с помощью Другого; оба они чувствуют себя отвратительно, если один ощущает, что находится в полной власти Другого. Сколько погромов, пыток, пожаров, массовых истерик искалечило ход нашей истории и привело к гибели множество людей из-за бессознательного слияния U_1 и U_2 ?

Теперь нам осталось рассмотреть самые важные связи на диаграмме отношений, обозначенные вертикальными стрелками, — связь сознания и бессознательного у каждого из партнеров. Качество и характер всех отношений определяются именно этой связью, но именно на нее меньше всего обращают внимания. Повторяю: мы не можем знать, в чем мы остаемся бессознательными, но нам никогда не следует забывать об активности бессознательного и его способности проецироваться вовне.

Так как в каждой проекции содержится некая часть нашей личности, то, что мы «видим» в Другом, — это в какой-то мере и наша часть. Это может показаться нелепым, но это значит, что мы влюбляемся в некую часть своей личности, которую психологически нам «отзеркалил» Другой. В повседневной жизни человеку встречаются тысячи других людей, с которыми он мог бы вступить в личные отношения. Вместе с тем только небольшая их часть, может быть, всего несколько сотен обладают способностью активизировать наши бессознательные имаго Я и Другого. Как выразился Юнг, они имеют «крючок», за который цепляются и на котором удерживаются наши далеко идущие психические линии жизни.

Вспомним о том, что эти имаго в основном составляет совокупность наших первичных ощущений, связанных с отношениями Мама и Папа, и той психодинамики, которая существовала между ними. Вся эта

совокупность ощущений давно и надолго превратилась в психическую крепость. При встрече с подходящими кандидатами происходит обмен энергией: по крайней мере, ее поток направляется от нас к ним, и иногда энергия возвращается обратно. Когда наша проекция достигает Другого и отражается обратно, мы ощущаем нечто похожее на резонанс, нечто напоминающее ощущение целостности; таким является один из способов нашего «возвращения домой», основанный на том, что мы воссоединились с самими собой и сами в себя влюбились.

Это вовсе не значит, что Другой не обладает объективными качествами в самом широком диапазоне: от доброты и красоты до способности причинять нам боль и сыпать соль на наши старые раны. Но, как уже отмечалось, мы не знаем и не можем как следует знать этого Другого, даже после продолжительного знакомства. А то, что мы «знаем», — это свой собственный опыт. В своем диалоге «Ми-нос» Платон утверждал, что все знания являются *рас-познаванием* (re-cognition). Мы *рас-познаём* то, что однажды уже poznали и забыли, или вытеснили, или же отделили.

Это *при-знание* (re-knowing), *вос-поминание* (re-membrance), это *рас-познавание* (re-cognition) фактически представляет собой *пере-открытие* частей нашей личности, отзеркаленных Другим. Когда эти чувства взаимны, то играют виолончели, на небе вспыхивают зарницы, возрождается надежда, обновляется мир. А потом начинается процесс устранения взаимных проекций. Но ничто не причиняет такую боль, как осознание тщетности спроецированной надежды, ничто не наносит такого вреда, как возрождение этой надежды. Как раз это возрождение надежды и эта теневая природа влечения называется романтикой. Как это ни парадоксально, но именно такой поиск отзеркаливания Другим является основой психодинамики нарциссизма, который формируется вследствие недостаточного эмоционального отзеркаливания ребенка любящим и заботливым родителем.

Одна пациентка рассказывала мне, что ее страдавший нарциссическими расстройствами отец просто «влюбился в себя», посмотрев снятые ею видеофильмы. Он вернулся во Флориду, взяв копии этих фильмов со своим участием и регулярно на себя смотрел. Она размышляла о том, что ее жизнь была бы совершенно иной, если бы он больше смотрел телевизор, а не использовал свою маленькую дочь в качестве отзеркаливающего объекта.

Люди, искренне верящие в идею романтических отношений, безусловно, со мной не согласятся, но при этом они будут оставаться во

власти иллюзии о существовании Доброго Волшебника. Читатель, нахмурившись, спросит: «Но разве в жизни не существует романтики? Неужели нет ничего, что сделало бы жизнь увлекательной и интересной?» Конечно, есть! Как раз в этом и заключается вся прелесть проекции.

Несомненно, что никакие написанные здесь слова и фразы не смогут остановить процесс проецирования, если мы не сможем полностью себя осознать. Если мудро посмотреть на историю своих отношений, нам придется признать, что в начале их мы находились в одном состоянии, а в конце — в совершенно другом. Если бы человек мог непрерывно сохранять такое состояние романтического возбуждения, он бы, наверное, предпочел в нем остаться, но это невозможно. (Мне вспоминается, как буддиста Алана Уоттса спросили, почему он не может все время оставаться в состоянии сатори. Он ответил: «Потому что этого не выдержит кровеносная система».) Психическую энергию нельзя остановить — она постоянно находится в динамике: движется, возникает, исчезает, появляется в другом месте — именно поэтому древние греки считали Эроса самым юным богом. Разумеется, радость от присутствия Другого, доверие, заботливое внимание и согласие могут длиться долго. Мы знаем слово, которое обозначает это продолжительное чувство; это слово — любовь. Она не столь иллюзорна и заразительна, как романтическая влюбленность, зато обладает способностью длиться.

В конечном счете, благополучие и перспектива любых близких отношений будут зависеть от желания каждого партнера взять на себя ответственность за вертикальные оси — за отношение к своему бессознательному материалу. Представляется, что это логично и даже легко сделать, но оказывается, что нет ничего труднее. Основное бремя, которое ложится на любые отношения, вызвано и нашим нежеланием взять на себя ответственность, и огромными масштабами стоящей перед нами задачи.

Требуется немало мужества, чтобы задать фундаментальный вопрос: «Из того, что я хочу от этого Другого, что я должен сделать для себя сам?» Например, если я хочу, чтобы Другой позаботился о моей самооценке, то мои ожидания направлены не по адресу. Если я жду, что Другой будет добрым родителем и позаботится обо мне, значит, я еще не слишком взрослый. Если я жду, что Другой избавит меня от страхов и ужасов во время жизненного странствия, значит, я уклоняюсь от главной задачи и основной причины моего пребывания на земле.

Мы должны спросить себя относительно каждой проекции: «Что это говорит обо мне?» И все, что мы спрашиваем о Другом, нам нужно

спросить о себе. В силу бессознательного происхождения проекций потребность в такой работе обычно появляется только из-за страданий, возникающих при ослаблении проекции. Вместе с тем только взяв на себя решение героической задачи освобождения Другого от своих проекций, мы можем сделать для него максимум возможного — полюбить его. Как однажды заметил Махатма Ганди: «Трус не может проявлять любовь; это прерогатива смелых». Проецирование, растворение в другом, «возвращение домой» происходят без особых усилий; полюбить непохожесть на себя другого — это проявление героизма. Если мы действительно любим Другого как Другого, значит, мы геройски взяли на себя ответственность за свою индивидуацию и свой жизненный путь. Такой героизм вполне заслуживает того, чтобы называться любовью. Блаженный Августин так выразил эту мысль: «Любить — значит желать жизни другому».

В таком представлении о любви истина выражена в форме оксюморона: истинная любовь лишена «заинтересованности». Она лишь позволяет поддерживать Другого в той мере, чтобы он оставался Другим. Швейцарский теолог Карл Барт назвал Бога «Совершенно Другим». Но тогда возлюбленный также является Совершенно Другим. Такое почитание Другого теоретически кажется очевидным, но на практике ему всегда противостоит наша слабая, испуганная натура.

Надежда на «возвращение домой» глубоко запрограммирована в нашей психике травматическими событиями, происходившими в нашей жизни. Но, посмотрев вокруг, мы можем убедиться в том, что именно эта надежда становится главным препятствием к достижению близости в межличностных отношениях. Таким образом, каждый из нас находится между двух огней: с одной стороны, глубоко запрограммированное стремление к слиянию с Другим; с другой — внутренняя потребность в отделении и индивидуации. Это напряжение между противоположностями будет существовать всегда. Поддерживать данное напряжение и сделать его доступным сознанию — такова нравственная задача обоих партнеров в любых близких отношениях, требующая приложения сознательных усилий и титанической воли.

Как только человек избавится от этой великой, глубоко спрятанной программы, которая управляет всеми людьми и определяет их индивидуальные истории, он может ощутить безграничность своей души. Если у нас хватит мужества сказать: «В конечном счете ни один человек не может дать мне то, чего я хочу; это могу сделать только я сам», — то мы будем свободно прославлять отношения за то, что они *могут* дать³². Но парадокс заключается в том, что Другой может быть средством,

позволяющим человеку ощутить безграничность своей души и пройти часть процесса индивидуации.

Не учитывая непохожести на нас Другого, мы никак не смогли бы учесть инфляционную ригидность и односторонность эго-сознания. Если всю оставшуюся жизнь мы будем заниматься медитацией на горной вершине, то в конце концов станем общаться только с духами — то есть с фрагментами нашей психики, лишенными телесного воплощения. Хотя люди в принципе часто ведут такие диалоги с самими собой, лишь немногие из них могут при этом не испытывать болезненных ощущений, сталкиваясь с непохожестью на себя Другого. В этом заключается главный вклад межличностных отношений в процесс индивидуации. Диалог между Я и Другим — это психодинамика, которая приводит к личностному развитию. Я становлюсь больше, чем Я, потому что Ты заставляешь меня подниматься над собой и над моим ограниченным сознанием, чтобы признать в тебе Другого, и наоборот. Это основной способ, с помощью которого мы помогаем друг другу преодолеть напряжение противоположностей.

Встреча двух человек приводит к появлению трансцендентной функции, которую Юнг называл «примиряющим третьим». Мы больше, чем две единицы, которые, сливаясь в Единое целое, все равно остаются двумя; мы — это двое, которые к тому же становятся третьим. Как писал Юнг,

...разрешение конфликта между противоположностями в природе — это всегда энергетический процесс: природа действует *символически* в полном смысле этого слова, делая нечто, выражающее обе противоположности, как водопад, который в каждый момент времени соединяет верх и низ³³.

Смысл этого соединяющего третьего заключается в том, что мы постигаем истинное значение наших отношений и приближаемся к тому, что Юнг называл символической жизнью. Наша символическая жизнь непосредственно зависит от характера нашего диалога с миром и космосом. Мой диалог с тобой — это мой диалог с космосом, ибо ты содержишь и воплощаешь в себе те же энергии. Ты заставляешь меня обращать внимание, реагировать, лично развиваться и ощущать увеличение своих возможностей, тем самым — расширять мое воплощение того, что требует самость. С рождения и до самой смерти мы должны максимально приближаться к тому, кем мы способны стать. Формируя

диалектические отношения с тобой, я живу символической жизнью, или, говоря иначе, жизнью в ее глубинном измерении.

Диалектика отношений, которая здесь описана, — этот великий диалог может действительно послужить самым подходящим определением «супружества». Много супружеских пар не вступили в этот продолжительный диалог, а значит, не испытали ощущения *hierosgamos*, священного бракосочетания, которое означает признание и уважение другого как Другого и вместе с тем защищает абсолютную уникальность каждого партнера.

Любовь, отношения и душа

Теперь нам все же необходимо внести ясность насчет того, что же предлагают отношения. С одной стороны, ослабление и устранение проекций вынуждают нас признать у себя наличие неизвестных и неконтролируемых частей психики. С другой стороны, непохожесть на нас Другого активизирует внутреннюю диалектику, которая может и должна стимулировать личностный рост обоих партнеров. («Если ты со мною рядом, я уже гораздо больше, чем просто я».)

В отношениях есть еще один аспект. Другой человек в роли Другого может оказаться окном в вечность и связующим звеном с космосом. Именно так, по существу, обращается к своей Возлюбленной Фридрих фон Харденбург, поэт конца XVIII века, который впоследствии стал известен под псевдонимом Новалис; больше всего он известен своими поисками «синего цветка» вечности:

Ты — теза: спокойная, сдержанная, сосредоточенная в себе.
Я — антитеза: непростой, противоречивый, страстный, выходящий за свои границы. Сейчас мы должны узнать, внесет ли синтез гармонию в наши отношения, или же в результате синтеза достижение гармонии станет невозможным по другой причине, о которой мы даже не догадывались³⁴.

С точки зрения мифологии, очарование Другим так сближает нас с богами, словно в нашем присутствии совершается таинство. Бог — это общепринятое слово, употребляемое нами для обозначения этого таинства, и мы ощущаем присутствие Бога во встрече с Другим, в котором воплощаются космические энергии. Кто не знаком с древнегреческой

максимой «Познай себя»? Но кто из нас знает, что внутри храма Аполлона Дельфийского начертано еще одно изречение: «Ты — творение!»

Восприятие Другого в качестве «Ты», о котором впервые написал Мартин Бубер³⁵, — это конечный вызов отношениям. В результате черновой работы по осознанию своих проекций, в результате диалектического развития, сопутствующего встрече с Другим, а также быстрого взгляда на Тебя как на космос мы развиваем наши отношения, а не используем их для регрессии.

В любых отношениях в любое время существует напряжение противоположностей. Где есть объединение, есть и разделение. Лучше всех сформулировал этот парадокс, присущий отношениям между людьми, австрийский поэт Райнер Мария Рильке: «По-моему, самая грандиозная задача в отношениях двух людей заключается в следующем: каждый из них должен стоять на страже одиночества другого»³⁶. Мы всегда одиноки, даже находясь в толпе и общаясь с другими людьми. Мы не можем сделать своим отношениям лучший подарок, чем подарить им самих себя, — таких, какие мы есть, одиноких в своем уединении. По той же причине таким же будет самый лучший подарок от Другого. Тогда ценность близости ни в коем случае не заменит нам индивидуацию.

Такой взгляд на отношения требует постоянного проявления бдительности. Очень легко оказаться в состоянии регрессии и ждать от Другого действий в соответствии с нашей «программой». Все равно мы сделаем это — волей-неволей, бессознательно, не придавая этому значения, и нам останется лишь надеяться на то, что позже мы осознаем содеянное. Именно здесь встает этический вопрос, связанный с отношениями. Мы себе говорим: «Мою проекцию, которая направлена на Другого и содержит скрытую программу, следует устранить. Ее нужно заменить на что-то более существенное». Благодаря обогащению отношений посредством беседы, сексуальных актов, объединенного вдохновения и «совместно-индивидуального» странствия, то есть благодаря соединяющим людей мостам, возникает ощущение постоянно раскрывающегося таинства души.

В данном случае *душа* — это энергия, которая чего-то хочет от нас и побуждает прожить той жизнью, которая нам предназначена. Ее природа и ее цель загадочны, но они проявляются интуитивно, инстинктивно, в моменты инсайтов. Отношения священны, как пространство для развития души. По своему характеру наш поиск целостности является архетипическим, то есть очень глубоко запрограммированным поиском

смысла в ощущении хаоса.

Соблазнительный призрак романтической любви, который доминирует в западной культуре, не дает нам покоя из-за глубинной путаницы между проекцией и нашей истинной целью. Мы влюбляемся в саму Любовь, теряя при этом развитие, необходимое нашей душе. По утверждению Данте, самый страшный ад — пресыщение тем, что мы ищем. Как все зависимые люди, мы страстно желаем умереть в Другом, чтобы остаться в нем до тех пор, пока нас, захвативших объект своего желания и овладевших им, в свою очередь, кто-то не захватит и не будет удерживать в плену.

Все мы — странники, вместе и каждый по отдельности. Судьба распорядилась так, чтобы мы оказались на соседних местах в самолете, летящем на побережье. Пребывая в одиночестве, мы можем помочь странствию Другого, который, в свою очередь, может помочь нам. Мы отправляемся на корабле в одиночестве и сходим на берег тоже в одиночестве, и в одиночестве движемся к назначенному финалу. Мы получаем друг от друга много пользы, не используя друг друга. Наши проекции на Другого неизбежны; и по сути это неплохо, ибо они значительно обогащают наше странствие. Но как только мы уцепимся за них, они собьют нас с пути, ведущего к нашей индивидуальной цели.

Каждому страннику придется много раз символически пережить смерть в процессе расставания, много раз потерять Другого, многое открыть в себе через страдание. Как заметил Гете,

Коль постигнуть не далось
Эту «смерть для жизни»,
Ты — всего лишь смутный гость
В темной сей отчизне³⁷.

Нашей задачей является достижение целостности, но мы не можем сделать это, так как слабы и смертны. Мы можем обрести лишь часть всего душевного богатства, того познания бытия, которое через нас хочет получить природа. Если бы нам удалось достичь этой целостности, неужели две целостные сферы нуждались бы друг в друге? Нам не следует беспокоиться об удовлетворении этой трансцендентной потребности, ибо нам никогда не удастся стать ни такими сильными, ни такими развитыми. Но, с другой стороны, мы не такие слабые и ущербные, чтобы обязательно нуждаться в Другом. Однако когда мы обращаемся к тем отношениям, в

которых доминирует определенная потребность и вместе с тем обременяет их, мы можем стать ребенком Другого, считать его своим родителем и перестать любить его именно как Другого, и тогда мы понимаем, что нам нужно честно осознать в себе эту потребность, а затем ее изменить. Именно это беспокоит Рильке: «Как сдержать свою душу / Чтобы она над твоею на довлела?»³⁸ Не стоит беспокоиться о том, что наше личностное развитие достигнет уровня, соответствующего абсолютной самодостаточности, но даже если это случится, то нашему росту и развитию сознания будет способствовать непохожесть на нас Другого.

Наши тела, мысли и души соединяются в процессе общения, полового акта и совместной деятельности. Мы вместе сопереживаем, потому что дружба — это хорошая штука на долгом жизненном пути, но нам также приходится нести на себе груз нашего личного странствия, потому что для нас очень важны желания собственной души. «Незаинтересованная» любовь Другого пробуждает в нас энергию: возрождает интерес к жизни, побуждает нас к странствию и заставляет обратиться к вечному.

Вспомним сонеты Шекспира. Их лейтмотивом является мысль о смертности человека, но в то же время воспеваются бессмертие любви, хотя тело человека умирает. Одним из моих любимых стихотворений о любви является стихотворение Арчибальда Маклейша «Ни мраморные, ни позолоченные монументы»³⁹, которое написано по мотивам одного из самых известных сонетов Шекспира*:

Поклонники женщин в своих красивых и высокопарных стихах
Восхваляя мертвые губы, волосы и глаза,
Те, которые они когда-то любили, — клянутся, что будут их
помнить всегда,
И лгут...

Маклейш называет ложью те чудесные стихи, которые сулят бессмертие, потому что они сулят бессмертие самому писателю, адресату и читателю, но сейчас все они гниют в могиле.

(Кто это: мертвая девочка или черный призрак,
Или голос мертвого мужчины — очень далекий и едва слышный,
как слова, произнесенные во сне?)

Эти строки Маклейша свидетельствуют о глубочайшем разочаровании в проекции, о расставании с эфемерным Другим, а также об утрате — о присущей любви самой глубокой боли.

А потому я не буду говорить о бессмертной славе женщин,
Я скажу, что вы были молоды и стройны, с упругой и гладкой
кожей,
И как вы стояли в дверях, а тень от листьев падала на ваши
плечи,
А листья — на ваши волосы.

Поэт не хочет брать на себя тяжкое бремя и писать о бессмертии смертного человека. Он фиксирует основной момент эфемерного утверждения — единственный способ узнать о его/ее пребывании здесь. Что в конечном счете является более эфемерным, чем падающий лист, солнечный луч или Возлюбленная?

Я не буду говорить о великолепной красоте мертвых женщин,
Я буду рассказывать о форме листа, который когда-то упал на
ваши волосы,
Пока не кончится мир, не вывалятся глаза и не распадется рот.
Посмотрите! Вон там!

Это момент экзистенции. Тогда Маклейш был там и любил ту женщину, а теперь все прошло, и обоих их уже нет. Но тогда они *были*. Нет никакого бессмертия, а все, что было хорошего, — это момент, который мы называем жизнью.

Так наносит свой удар Купидон в набедренной повязке, с луком и стрелами в руках. Его стрелы ранят, но боль ускоряет работу сознания. Любить Другого — значит чувствовать эти раны, быть внимательным к тому, что случилось и что происходит с этим человеком. Множество слов — например, *compassion* (сочувствие), *empathy* (эмпатия), *sympathy* (симпатия) происходят от латинского и греческого *passio* и *pathos*, означающих «страдание». Быть открытым Другому — это означает желание открыться, чтобы испытать страдания. Кто не хочет страдать, тот, по мнению Гете, является всего лишь беспокойным гостем на земле. А чтобы действительно быть здесь, на земле, нужно чувствовать ее

гравитацию.

Использовать отношения, чтобы уклониться от своего индивидуального странствия, — значит их извращать и отказаться от своего призвания. Проявлять внимание к другому человеку как к Другому — значит открыться и радости, и боли. Обе эмоции могут изменяться. Хотя мы можем не суметь их сдержать или, наоборот, выразить, они обе могут обогатить нашу душу. Китс сказал:

Она дружна с Красою преходящей,
С Весельем, чьи уста всегда твердят
Свое «прощай», и с Радостью скорбящей,
Чей нектар должен обращаться в яд,—
Да, Меланхолии горят лампы
Пред алтарем во храме Наслаждений,—
Увидеть их способен только тот,
Чей несравненно утонченный гений
Могучей Радости вкусит улады:
И во владенья скорби перейдет⁴⁰.

Если отношения вызываются не потребностью, а вниманием к другому человеку как к Другому, то мы действительно становимся свободными в его восприятии. Если мы постараемся устранить свои проекции, перестать грезить о «возвращении домой», мы сразу становимся свободными для любви. Если мы свободны для любви, значит, мы готовы к посвящению в таинство, воплощенное в Другом. Не будучи посвященными в это таинство, мы остаемся пленниками своего детства и ограничиваемся тривиальным. Блейк сказал, что может увидеть вечность в одной песчинке, поэтому мы, простые смертные, можем в своем Возлюбленном и через своего Возлюбленного увидеть вечность. Парадоксально, что этот Другой является сакральным посредником между нами и таинством: не потому, что мы используем его для удовлетворения своих нарциссических потребностей, а потому, что он помогает нам достичь глубинной конечной цели, оставаясь Совершенно Другим.

Любовь и духовная деятельность обязательно взаимосвязаны. Другой нужен не для того, чтобы позаботиться о нашей душе, а для того, чтобы обогатить наше ощущение ее. Такой дар становится особенно ценным для тех людей, которым уже удалось расширить границы своей души. Вполне понятно, что эго-сознание стремится к познанию и к облегчению

страданий. Когда мы благодаря отношениям с другими начинаем жить символической жизнью, то получаем некоторые знания, немного понимания, огромные страдания и более глубокую способность любить. На практике это развитие способности любить означает развитие способности ощущать таинство. Это движение по направлению к *адаре*. Об этом по-прежнему идет речь в «Песни любви» Рильке:

Но что бы порознь ни коснулось нас,
Мы в голос откликаемся тотчас —
Невольники незримого смычка.
На гриф нас натянули, — но на чей?
И кто же он, скрипач из скрипачей?
Как песнь сладка⁴¹.

Прожить эту песню — наше земное предназначение. Исполняющий ее скрипач остается для нас таинством. Мы знаем, что нами играют наши душевные состояния и влечения, которые гораздо глубже любых знаний. Отказаться от «возвращения домой» или намерения попасть в земной рай — значит открыться таинству встречи с Другим, испытать ощущение близости к этому великому скрипачу, в котором и благодаря которому мы живем, и в конечном счете освободить отношения для достижения величайшей цели — продолжения нашего странствия благодаря раскрытию таинства непохожести на нас Другого.

ГЛАВА 3. ДВОЕ: ВСТРЕЧА И РАССТАВАНИЕ

Никто не должен спрашивать другого:
«Что ты думаешь?»
Никто из тех,
Кто не хочет слышать о прошлом
И его обитателях,
Или о странном одиночестве настоящего.

Стефен Данн. «Позанимавшись любовью»

За пределами понятий «правильно» и «неправильно»,
Есть поле. Я буду встречать тебя там.
Когда душа спускается на траву,
Мир слишком переполняется, чтобы разговаривать.
Идеи, язык и любая сказанная фраза
Больше не имеют никакого смысла.

Руми. «Раскрытая тайна»

Так как все отношения начинаются с проекции, развитие любых отношений включает в себя постепенный распад проекции и вызывает удивление, смятение, страх, а иногда и гнев. Затем начинаются неприятности.

Здесь читатель подумает: «Опять негатив. Сколько же можно говорить о проблемах. Наверно, он снова начнет рассуждать о романтических отношениях?» Но вспомните: мы занимаемся исследованием реальности отношений, их психодинамики и сознательных усилий, которые необходимы для того, чтобы сделать эти отношения эффективными. Несомненно, романтическая любовь является «крючком», но в конечном счете она никогда не оправдывает ожиданий, которые содержатся в проекции и в запланированном «возвращении домой».

Вспомним трогательные строки стихотворения Новалиса, обращенного к Возлюбленной, которые я цитировал в предыдущей главе

(«Ты — теза: спокойная, сдержанная, сосредоточенная в себе...»). За ними скрывается очень поучительная история. Новалис/фон Харденберг, которому тогда было чуть более двадцати лет, безнадежно влюбился в Софи фон Кюн, двенадцатилетнюю глупышку, которая умерла от ужасной прогрессирующей болезни, перенеся несколько операций, спустя два дня после того, как ей исполнилось пятнадцать лет. Писательница Пенелопа Фицджеральд попыталась воспроизвести типичный разговор между поэтом и его возлюбленной. Поэт спрашивает Софи: «Скажи мне, что ты думаешь о поэзии?» — «Ничего не думаю», — отвечает она⁴².

Очевидно, что такие отношения могли строиться только на проекции. Со своей стороны, Новалис знакомит нас со скрытой динамикой отношений, существующих между ними, по крайней мере, для него:

Должен ли с ней я расстаться навсегда?
Соединилась ли надежда
С тем, что мы считали своим,
Но не могли обладать полностью?
Можно ли это тоже назвать заражением?⁴³

Совершенно очевидно, что здесь ощущение Другого становится частью ощущения самого себя без малейшего намека на нереалистичность такого чувства. Совершенно одержимый и одурманенный своей влюбленностью, Новалис обручается с Софи и дарит ей кольцо с надписью: *Sophie sei mein schütz Geist* — «Софи, будь моим ангелом-хранителем». Подобно Данте, он преклоняется перед своей Возлюбленной, ничуть не разбираясь в том, насколько истинным Другим она является, совершенно не понимая того, что он влюбился в саму Любовь, в отсутствующую часть самого себя, в свой внутренний образ — в свою аниму и что между ними нет вообще ничего общего, кроме проекции.

Отношения между фон Харденбергом и Софи довольно комичны, но скрытая за ними психодинамика является общей для начала любых отношений. Зато впоследствии приходится слышать хорошо знакомую жалобу: «Никак не могу понять, что же я все-таки в нем (или в ней) нашел (или нашла)?»

По мере ослабления проекций каждый из партнеров может легко озаботиться проблемой власти. По сути сама по себе власть не является проблемой; она представляет собой только внешнее проявление энергии или обмен энергией. Власть становится проблемой, когда она узурпируется

комплексом или используется в ущерб Другому. Вспомним, что скрытая динамика, затрагивающая проблему власти, всегда связана со страхом. Так как в большинстве своем мы неохотно признаем место и роль страха, а также его частые проявления и ощущаем его, не пытаясь от него защититься, у нас формируется естественная предрасположенность к тому, чтобы он оставался бессознательным. Таким образом, в основе смятенных чувств, которые переполняют эмоциональную сферу человека и, следовательно, переносятся на Другого, всегда лежит страх, хотя он может быть прекрасно замаскирован и может обладать множеством разных оттенков.

Такие страхи являются универсальными и экзистенциальными: страх перед расставанием и одиночеством, страх перед эмоциональным подавлением, страх перед утратой смысла. Мы не должны осуждать появление этих страхов, так как, безусловно, они не возникают на пустом месте. Но наши плохо организованные защиты от этих страхов, наши ретикулярные рефлексы, свидетельствующие о внутреннем состоянии человека, всегда накладываются на целостность Другого. Просто, будучи самими собой, то есть имея слабости и недостатки, мы причиняем вред Другому. И мы не можем с этим ничего поделать, поскольку мы не понимаем себя, свои страхи и то, как глубоко в нашей психике запрограммированы стратегии взаимоотношений с другими людьми.

Управление страхом

Трое ученых высказали ценные идеи по поводу роли страха в нашей жизни, а также тех стратегий, посредством которых мы пытаемся с ним справиться. Это психологи Карен Хорни (1885–1952), Фриц Риманн (1902–1979), а также теолог Фриц Кункель (1889–1956)⁴⁴.

Хорни утверждала, что есть три основных способа, которые помогают нам справиться со страхами. Во всех случаях страх, осознанный или бессознательный, проецируется на Другого, что, без сомнения, является отголоском нашего бессилия в первичных детско-родительских отношениях.

Первый способ состоит в формировании поведенческого паттерна подчиненности, то есть отношения к Другому, которое предполагает скрытое признание его властного превосходства. Как это часто бывает, какие бы решения мы ни принимали, большинство из них являются бессознательными, и мы готовы принять любые рациональные

обоснования, чтобы оправдать эти решения. Так, стратегия подчиненности часто объясняют близостью, заботой о Другом, включающей серьезную созависимость, что приводит к утрате у человека закономерного интереса к самому себе.

Второй тип поведения, к которому мы прибегаем, чтобы справиться со страхом, состоит в проявлении жесткости или враждебности при общении с окружающими. Такая жесткость объясняется эмоциональными травмами, перенесенными в раннем детстве, а ее рациональное обоснование основано на убеждении, что поведение других людей диктуется только их собственными интересами. Так как фактически мы сталкиваемся с естественным выбором «бей или беги», эта стратегия направлена на то, чтобы взять верх над Другим, причем это стремление прямо пропорционально страху, который мы испытываем перед ним. Все партнеры, которые стремятся контролировать или психологически насилловать других, тем самым проявляют собственные страхи. И все же побудить насильника взглянуть на то, чего он может бояться, — очень трудная задача.

В результате проведенного исследования выяснилось, что приблизительно 16 % мужчин открыто проявляют психологическое насилие по отношению к своим партнерам. Из этого же исследования стало известно, что среди мужчин, желавших стать офицером полиции, эта цифра достигает уже 40 %. Не исключено, что объяснение кроется в специфике этой «мачо-профессии», наделяющей их представителей атрибутами власти, что особенно привлекает людей, которые психологически не ощущают себя в безопасности. Еще одно исследование показало, что психотерапия насильников часто давала обратный результат, так как они переставали ощущать себя в безопасности и, следовательно, становились даже более агрессивными, защищаясь от собственных страхов. Упрямые и задиристые мужчины слишком трусливы, чтобы увидеть свои страхи. Позитивный прогноз в отношении терапии был только у тех, кому было стыдно за свое поведение. Как правило, насильники добровольно не проходят на психотерапию, так как в ее процессе им обязательно придется столкнуться с этими проблемами. Прогноз в отношении эффективности терапии никогда не бывает благоприятным для тех людей, которые избегали ее, не желая погружаться в те проблемы, к которым им обязательно следовало бы обратиться.

Люди, которые хотят контролировать своих партнеров, имеют очень мало шансов измениться, ибо они сконцентрированы на защите от страха, что Другой — лучше всех. Пассивная агрессия состоит в том, что человек

боится власти Другого и потому действует скрытно, чтобы не испытать на себе действие его власти. Пассивно-агрессивные личности часто проявляют себя как волокитчики. В одном случае человек демонстрирует желание решить какую-то задачу или взять на себя ответственность, но никогда этого не делает; в другом случае человек делает резкие замечания, но когда ему бросают вызов, сразу отступает и спрашивает: «Вы что, шуток не понимаете?»

Третьей защитой от страха перед Другим, конечно, является бегство, уклонение от поддержания отношений, уединение или эмоциональная закрытость человека, даже если он присутствует физически. Эта стратегия распространена очень широко и, наверное, не признается открыто лишь потому, что ее тоже можно рационально объяснить как интроверсию, перегруженность другой деятельностью или просто скромностью и застенчивостью. Отказ от общения с Другим, от открытых отношений, от эмоциональной честности, отрицание возможности близких отношений — это общеизвестные формы уклонения от общения, которые, повторяю, основаны на страхе, что проявление искренности и открытости лишит человека защищенности и сделает его слишком уязвимым. Уклоняясь от общения, взрослый человек не задействует свои ресурсы и остается в своем развитии на уровне беспомощного ребенка.

Три поведенческие стратегии, которые используются человеком для совладания со страхом, Хорни обозначает как подчиненность, властность и дистанцирование. Интересно, что, по ее мнению, любовь тоже может оказаться средством спасения от страха. По мнению глубинных психологов и теологов, противоположность любви — это не ненависть, а страх. Способность оказать поддержку Другому требует широты души, которая позволяет противостоять постоянно присутствующей боязливости. Любить Другого, допуская, что он обладает достаточной властью, чтобы причинить нам боль, — значит действительно обладать широкой душой и хорошо развитым чувством собственного Я, чтобы не проявлять излишнюю предосторожность, если нужно пойти на риск. Именно эти качества имел в виду Аристотель, говоря о «великодушии» человека, который обладает настолько развитым чувством собственного Я, что может не только позволить Другому быть Другим, но и открыться любой силе и возможности его ранить, которой может обладать Другой. Пока человек не может подвергнуть риску свое великодушие, нельзя сказать, что он способен любить.

Фриц Риманн сходным образом определяет психологические основы страха, который гнездится в глубине человеческой личности и часто

вторгается в человеческие отношения. Риманн описывает четыре основные формы страха:

1. Страх сближения приводит к отстраненности. В своей крайней форме — это шизоидное отделение от Другого.

2. Страх расставания вызывает экзистенциальную депрессию, которая иногда бывает настолько глубинной, что ее очень трудно диагностировать. Причина такой депрессии — отсутствие Другого, ощущение ужаса от одиночества.

3. Страх изменений вызывает навязчивую одержимость, побуждает человека устанавливать контроль, если не над Другим, то над обстоятельствами, которые создают иллюзию контроля: например, пристально следить за формой своего тела, за чистотой в квартире или же проявлять гиперактивность в любых делах независимо от того, важные они или пустяковые.

4. Страх постоянства, который свидетельствует о слишком тесной близости с Другого, или, иными словами, страх поглощения; такие случаи Риманн называет истерией. В этом смысле истерия проявляется в диссоциации, в переносе страха на телесные симптомы, в эмоциональном равнодушии, неуместном проявлении эмоций или просто в «уходе в себя». В конечном счете, если человек совершенно отстранен эмоционально и «ушел в себя», значит, ему не может быть больно, не так ли?

Повторяю: все эти страхи являются первичными. Они не только эндемичны, но и особым образом заряжены перипетиями индивидуальной истории. Переживания именно этого ребенка, в отличие от переживаний другого, побуждают его к развитию компенсаторной стратегии поведения, учитывающей собственные травмы и взаимодействия с Другим. Как отмечалось ранее, мы стремимся понять, что мы представляем собой вместе с нашими поведенческими стратегиями и установками. Мы идентифицируем себя с тем, как мы думаем и как себя ведем, даже если наши мысли и наше поведение по большей части являются бессознательными. Хотя стремление объяснять особенности поведения взрослого человека, уделяя так много внимания детским травмам и рефлекторным реакциям, можно посчитать редукционизмом, любой терапевт подтвердит, что каждый анализанд обладает ключевыми представлениями относительно самого себя и Другого и вытекающими из них специфическими стратегиями. Эти стратегии, которые в большинстве своем остаются бессознательными, — основной источник наших повторяющихся моделей поведения, наших разочаровывающих выборов и того вреда, который мы наносим окружающим.

Очень трудно отрицать, что человек является побочным продуктом своей индивидуальной истории. Но существует внутренняя энергия, которая требует от нас чего-то большего. А потому наступает момент, когда каждый из нас вынужден сказать: «Я — не то, что со мной случилось, а тот, кем я стал по своему выбору». Но к тому времени, когда человек принимает решение прийти к психотерапевту, такие рефлекторные стратегии не только оказываются глубоко запрограммированы, но и становятся частью его бессознательной защиты от первичных страхов, а также, как правило, находят самооправдание, например: «Я такой, какой есть» или «Я всегда был таким». Если возникают трудности с осознанием своей собственной психологической истории, то насколько труднее наладить взаимоотношения с Другим, причем не только с Другим как с Другим, но также с таким Другим, которым является наша душа.

Теолог Фриц Кункель выделяет четыре основных типа людей по их отношению к проблеме власти:

1. Люди, которые считают себя «звездами»: они жаждут обожания и побуждают к нему окружающих — так они хотят получить внешнее подтверждение того, чего не ощущают у себя внутри.

2. «Цепкая лоза» — зависимые люди, которые отказываются брать на себя ответственность, но стремятся самоутвердиться через идентификацию с волей Другого.

3. «Черепахи» — любой ценой ищут защиты и безопасности. Такие люди женятся ради денег, идентифицируют себя с социальным статусом Другого, идут по пути наименьшего сопротивления, чтобы избежать необходимости делать собственный выбор.

4. К последнему типу — «Неро» — относятся люди, которые открыто стремятся к власти, причем сила этого стремления опять же пропорциональна их ощущению собственной неполноценности. Чаще всего они идентифицируют себя с важной персоной, добиваются таблички на двери своего кабинета с названием своей должности, ключей от личного туалета, машины с мигалками и т. д. — всего, что позволяет им демонстрировать свою власть и тем самым создавать у себя ощущение самодостаточности.

Каждый из этих типов людей — а любой из нас может признать у себя наличие таких тенденций — остается под гнетом проблемы власти, которая тормозит процесс их индивидуального развития. Если наша задача состоит в том, чтобы стать собой, то любая из этих тенденций становится помехой. Эти тенденции, которые всегда формируются нашими страхами, возникают и усиливаются из-за ложного понимания Я. Каждая из них

становится барьером на пути личностного развития. Совершенно очевидно, что развития можно ожидать только после того, как человек осознал причины своего страха.

Кункель считает, что такое торможение в развитии — это одно из проявлений эгоцентризма. Юнгианский аналитик Джон Сэнфорд обобщает разработанную Кункелем парадигму способности к личностному росту:

Есть три базовых переживания, способных изменить наш эгоцентризм, это возможно: через страдание, через признание власти, чья сила превышает влияние нашей воли на нашу жизнь, и через проявление заботы не о себе, а о ком-то другом⁴⁵.

Под «эгоцентризмом» Кункель имеет в виду, что мы «идентифицируемся с травмой», то есть застряли на уровне травматического события. Парадоксально, но развитие начинается именно в процессе страдания, ибо страдание ускоряет деятельность осознания и обычно приводит к личностному росту, способствующему ассимиляции боли. Кроме того, знаменательная встреча с Другим также может вырвать нас из тесной связи с Эго. Это то, что называется мистическим переживанием. Это то, что составляет *metanoia*, трансформирующее переживание, и именно такая встреча с Высшей Силой лежит в основе программы «Двенадцать шагов».

Одна анализантка рассказывала, что никогда не понимала, что значит Высшая Сила, ибо никогда не считала себя верующей. Но однажды на встрече анонимных алкоголиков она поняла, что в ее жизни «Высшая Сила» проявилась в форме бутылки. Тогда она решила, что двенадцать шагов — это слишком короткий путь для нее, и отправилась дальше, чтобы постичь другую Высшую Силу, существующую за границами прежней, уже хорошо известной ей Высшей Силы.

В конечном счете Кункель признает трансформирующую силу любви, то есть проявления такого внимания к Другому, которое позволяет нам выйти за рамки ограничений, связанных с Эго. Например, желание принести себя в жертву ради благополучия другого приводит к трансформации. Другой пример: самопожертвование родителя ради ребенка открывает перед родителем более широкую жизненную перспективу. Страхи, привязывающие человека к его прошлому и ограничивающие его личностное развитие, действительно обладают огромной властью. Социопат, в основе личности которого лежит страх и

стремление от него защититься, не может никого полюбить, а значит, не может лично развиваться.

Сила любви проявляется прежде всего в ее победе над страхом. Там, где преобладает страх, нет любви. Хотя страх существует везде и всюду, стремление любить являет собой значительный вызов страху. Лишь люди, способные обратиться к своим страхам, жить в атмосфере амбивалентности и неоднозначности, могут обрести уверенность в себе, необходимую для того, чтобы полюбить Другого.

Как отмечалось ранее, к тому времени, когда супружеская пара обращается за помощью к терапевту, супруги уже успели нанести друг другу много травм. Проекции уже исчезли, стремление «вернуться домой» стало явным, вместе с сопутствующим ему гневом и развенчанием иллюзий. Израненные шипами любовных роз, оба супруга истекают кровью. Каждый из них чувствует себя правым и уверен в том, что непредвзятое третье лицо только подтвердит его правоту. Каждый из них ожидает, что терапевт выслушает все их аргументы, разберется в них, взвесит все «за» и «против», а затем назовет счет и объявит победителя. Каждый из них чувствует, что у Другого тоже есть множество аргументов, которые он может предъявить. Атмосфера наполняется ощущением горечи и враждебности. Так как оба партнера в основном ведут себя бессознательно, им бывает очень трудно отвлечься от выражения претензий и сосредоточиться на самоисследовании, индивидуальной ответственности и необходимости личностного развития.

В конце концов нужно прийти к осознанию происходящего и взять на себя ответственность за соблюдение основных принципов, на которых строятся взаимоотношения. Иногда такую ответственность берет на себя один человек, тогда как другой продолжает вязнуть в трясине. Тогда в процессе развития первый может стать более независимым и отказаться от принятого взаимного соглашения, а зачастую — и разорвать отношения.

Четыре принципа, на которых строятся отношения

В основе всех принципов, которые приведены ниже, лежит главная мысль этой книги: невозможно достичь более высокого уровня отношений с Другим, чем уровень отношений с самим собой.

1. То, чего мы не знаем о себе (бессознательный проект) или не видим в себе (Тень), будет проецироваться на Другого.

2. Мы проецируем на Другого свои детские травмы (индивидуальную

патологию), свою инфантильную тоску (нарциссическую программу «возвращения домой») и свою потребность в индивидуации.

3. Так как Другой не может, да и не должен нести ответственность за наши травмы, наш нарциссизм и нашу индивидуацию, проекция вызывает отвержение и обостряет проблему власти.

4. Единственный способ исцелить пошатнувшиеся отношения — осознать наше стремление «вернуться домой» и взять на себя ответственность за свою индивидуацию.

Давайте более подробно познакомимся с каждым из этих принципов:

1) *То, что мы не знаем о себе, будет проецироваться на Другого*

Мы не можем осознать того, в чем мы являемся бессознательными. Юнг даже сказал, что все наши психологические теории представляют собой формы исповеди, в которых содержится наш индивидуальный материал⁴⁶. Отношения всегда тормозятся, портятся, заходят в тупик под воздействием феномена, который терапевты называют «перенос» и который обусловлен сходством наших психических функций. Иначе говоря, психика — это историческая реальность. У нас внутри содержится вся наша индивидуальная история. Настоящее всегда «считывается» через призму этой истории. По сути, человеческая психика всегда задается вопросом: «Где и когда это уже происходило со мной раньше? На какое прошлое ощущение похоже то, что я ощущаю сейчас? Какие возможны аналогии?» Таким образом, оказывается, что очень трудно просто увидеть происходящее в данный момент, ибо сам этот момент всегда видится сквозь призму индивидуальной истории.

Очевидно, что переживание близости будет активизировать у человека все его предыдущие переживания близкого Другого, в особенности первичные отношения с родителями. Таким образом, всегда будут присутствовать ранимость, постоянная потребность в заботе и внимании, поведенческие стратегии самых первых произвольных способов сближения, и это всегда будет мешать формированию отношений в настоящем. По существу даже образ любимого Другого сильно искажен родительскими комплексами. Это не значит, что в своем Возлюбленном мы ищем мать или отца; это значит, что при вступлении в близкие отношения у нас возобновляется аналогичное ощущение Первых Других, которое отыгрывается в сценариях, взятых из нашей индивидуальной истории.

Точно так же мы не хотим признавать ни свой нарциссизм, ни свой эгоизм, ни свою ярость и т. д., то есть все содержание Тени. Поэтому оно вытесняется и/или проецируется на Другого. Муж одной моей пациентки

обладал очень ограниченным диапазоном эмоций. Поэтому он должен был провоцировать жену, чтобы она злилась, печалилась или ссорилась с ним, словно эти эмоции были его собственными, а затем обвинял ее в эмоциональной несдержанности. Так Тень дает знать о своем присутствии в межличностных отношениях.

Тень, этот «громадный медведь, преследующий меня», этот «глупый клоун душевных волнений»⁴⁷, всегда при нас и изо всех сил сопротивляется своему разоблачению. С одной стороны, Эго угрожает автономия Тени, с другой стороны, нарастание этой автономии становится серьезной угрозой для восприятия самого себя. Однако наше вполне понятное сопротивление теневому материалу становится источником проекций многих наших качеств на наших капризных партнеров и основным источником неудовлетворенности в межличностных отношениях. И не забудьте: там, где пара людей, существуют две Тени...

Осознание бессознательного содержания, овладение своим эмоционально заряженным материалом — чрезвычайно трудная задача, решение которой не зависит от нашего желания. Мы осознаем содержание бессознательного, исследуя свои поведенческие стили — не только те, которыми мы пользуемся сейчас, но и те, которые существовали на протяжении всей нашей истории отношений с окружающими. Нам нужно выяснить, когда и почему мы бывали слишком возбуждены, то есть понять, когда комплексы проявляются чаще всего. Когда наши эмоциональные реакции становятся слишком сильными и сопровождаются множеством рациональных объяснений, мы можем быть уверены, что здесь задействованы комплексы. Вступить с кем-то в близкие отношения — почти что попросить его (или ее) взяться за руки, но лишь после того, как мы вместе с этим человеком прошли через минное поле, которое сами же и заминировали.

Как раз с обвинениями своего партнера в том, что он наступил на мину, заложенную другим партнером, приходит на терапию подавляющее большинство супружеских пар. Кроме того, этим партнером является человек, который очень хорошо знает нас, может быть, даже лучше, чем мы сами знаем себя (по крайней мере, наши теньевые качества). Хотя бывает унижительно и небезопасно слушать откровенные замечания Другого, — и мы имеем полное право не доверять такой информации, — все-таки трудно переоценить тот вклад, который наш партнер вносит в наше самопознание.

2) Мы проецируем на Другого свои детские травмы и потребность в индивидуации

Несомненно, на человечество надеяться нельзя. Как заметил в XVII

веке в своих «Мыслях» Паскаль, мы — только слабые колоски, но все же колоски, которые могут написать Бранденбургский концерт, построить концентрационный лагерь или вообразить собственную кончину.

Ни один из нас не свободен от патологии, ибо никому не удастся избежать детских травм. Как уже отмечалось, слово *pathos* — это производное от греческого слова, означающего «страдание». Термин «психопатология» можно дословно перевести как «выражение душевных страданий». Дело не столько в том, травмирован человек или нет, а если да, глубоко или нет; гораздо важнее, каким способом ему удалось адаптироваться к жизни.

Организация психической деятельности человека включает диапазон восприятия Я и Другого и совокупность рефлекторных стратегий, управляющих энергией взаимодействия между этими объектами. Главный мотив таких стратегий — стремление справиться с тревожностью, которая в контексте отношений с другими людьми может появиться вследствие экзистенциальных проблем. Их может создать Другой, нарушив наши границы или покинув нас. Таким образом, наши отношения страдают не в результате неизбежной жизненной травмы, а из-за тех стратегий и сценариев, которые сформировались в течение нашей индивидуальной истории и которые мы проецируем на Другого. В той мере, в которой мы хотим любить Другого и, в свою очередь, хотим, чтобы он любил нас, мы переносим на него свою историю. А как мы можем этого не делать? Очевидно, что не вся наша личная история — это история страданий, и нельзя сказать, что мы совсем не умеем формировать отношения с окружающими, но все хорошее себя бережет. А все плохое портит отношения с окружающими.

Более того, сами условия нашей жизни определяют наше страстное стремление к Другому. Как только в начале жизни произошло наше первое отделение от Другого, мы постоянно стремимся к нему вернуться. Можно сказать, что культура современной эпохи — это культура, основанная на тоске. Мы тоскуем по богам, ушедшим в «мир мертвых». Мы тоскуем по отношениям с другими людьми, по стабильности. Мы все являемся зависимыми и пытаемся наладить связи с помощью фармакологии, власти и денег, а в своем большинстве — с помощью Доброго Волшебника. Мы тоскуем по заботе, по тихой гавани, по целостности.

Наверное, так было всегда, но представители нашей культуры тоскуют еще больше: может быть, вследствие отсутствия таких отношений в семье и хранивших родоплеменную мифологию социальных институтов, которые служили людям в прежние времена. Незаметное исчезновение этих

соединяющих нитей постепенно заставило нас сесть на мель узкого островка нарциссизма, одиночества, страха, эгоизма и тоски по любому Другому, который нас спасет.

Наверное, ни в одном современном стихотворении так проникновенно не отражена страстная жажда появления Другого, как в стихотворении Мэттью Арнольда «Дуврский пляж». Сравнивая дуврские отливы с упадком «Эпохи Веры», Арнольд приходит к следующему выводу: истощились все возможности восстановить утраченные связи и спастись, за исключением одной, а именно — Возлюбленной (или Возлюбленного). На Возлюбленных можно надеяться, они будут верными всегда, даже если им придется остаться...

... здесь, на самолете, летящем во мраке,
Охваченном страшной тревогой перед борьбой и полетом,
Когда в ночи сражаются бездумные армии⁴⁸.

Арнольд — далеко не единственный. Как отмечалось ранее, не будет большим преувеличением сказать, что в наше время люди чаще ищут спасения в отношениях с другими, чем в молельных домах.

Для развития личности необходимо выполнение двух условий. Во-первых, мы берем на себя ответственность за свое странствие. Независимо от эмоциональных травм, порожденных нашей индивидуальной историей, мы должны сейчас и впоследствии отвечать за свой выбор. Во-вторых, нам нужно усвоить, то есть научиться видеть, что наша жизнь определяется последовательностью выборов, психодинамика которых исходит у нас изнутри. Нам нужно прислушиваться к своим психологическим рефлексам, спрашивая себя: «Откуда у меня это берется? К какому эпизоду в моей жизненной истории это имеет прямое отношение? Какое ощущение это мне напоминает? Какие скрытые источники постоянно воспроизводят одни и те же модели моего поведения?»

Эти вопросы необходимы для личностного роста; с другой стороны, их не слишком часто задают даже те люди, которые добровольно приходят на терапию. Эти вопросы не слишком популярны в нашей материалистической, экстравертированной культуре. Принятие на себя ответственности за свое странствие — это часть процесса индивидуации. Задача каждого индивидуума состоит в том, чтобы стать индивидуальностью, чтобы эксперимент, который осуществляет через нас Природа, принес свой результат.

Некоторым из нас все это очевидно, но ужас, который мы испытываем во время странствия, многим внушает тревогу. Мы боимся стать самими собой, боимся взять на себя всю полноту ответственности. Конечно, где-то существует Другой, готовый разделить наше бремя. Разумеется, есть социальные институты, личный Бог, Добрый Волшебник, которые освободят нас от этого ужасного бремени нашей свободы и ответственности; или, возможно, кто-то вообразит, что сможет найти ответ в книге, которую он читает, как искренне полагал юнгианский аналитик Дэрил Шарп:

У меня была фантазия, что где-то существует Большая Книга человеческой мудрости, которая называлась «Что делать, если...» В ней можно заранее найти любое решение любой жизненной проблемы. Если у вас конфликтные отношения, вы можете просто заглянуть в книгу и поступить в соответствии с тем, что там написано. Такая фантазия порождается отцовским комплексом. Если бы даже такая книга существовала, я не должен был руководствоваться тем, что в ней написано, а просто поступать так, как предписывает обычай⁴⁹.

Юнг заметил, что «невротическое страдание — это бессознательный обман, в котором не содержится такой нравственной добродетели, как в истинных страданиях»⁵⁰. В другом месте он пишет, что «в конечном счете невроз следует считать страданиями не осознавшей себя души»⁵¹. Раз это так, нам нужно взять на себя ответственность за свои страдания, когда они случаются, и пытаться искать в них смысл. Каждый из нас время от времени хочет избавиться от этой нравственной суеты, переложив ее на Другого. Поступая так, мы ведем себя как нормальные люди, но при этом наносим серьезный вред нашим отношениям с окружающими. Взять ответственность за себя — это самая ужасная сторона нашего странствия и самый великий дар, который мы можем принести Другому.

3) Проекция вызывает отвержение и актуализирует проблему власти

Хотя главная фантазия тоски, присущей современному обществу, заключается в поиске Доброго Волшебника для облегчения бремени нашей индивидуации, еще никому не было дано его найти. И даже если бы мы смогли найти того, кому удалось бы облегчить наше бремя, мы оказались бы крепко привязаны к очень регрессивным отношениям, для которых характерны жесткие правила, инфантилизм и застой в развитии. Все мы

хорошо знаем подобные отношения, которые не внушают нам никакого оптимизма. Обоим партнерам присуща «идентификация со своей травмой», то есть они не только травмированы эмоционально, как любой из нас, но психологически зависимы от своих травм и ограничены рамками мифологии своего патологического расщепления. Когда один из партнеров испытывает крайнюю потребность в другом, а другой испытывает потребность в том, чтобы быть ему нужным, формируется созависимость — состояние, в котором каждый из партнеров эмоционально ограничен, остановился в своем индивидуальном развитии и испытывает психологически наивную фантазию, что о каждом из них обязательно позаботится Другой. Добро пожаловать на «островок невротичного счастья!» — так назвал это состояние один из пациентов Юнга⁵².

Как-то ко мне на прием пришла женщина, у которой совсем недавно от сердечного приступа умер муж. Совершенно серьезно она меня спросила: «Кто же теперь будет вставать ночью и сопровождать меня в туалет, если мне это понадобится?» Когда я ответил женщине, которая физически была вполне здоровой, что ей, в конечном счете, придется самой позаботиться о себе, она покинула мой кабинет и больше не пришла на терапию.

Стремление к слиянию постоянно приводит к появлению разных симптомов. Наша психика знает, что является для нас благом и что нужно для нашего личностного развития. Если мы используем Другого, чтобы не решать задачу самостоятельно, то на какое-то время можем себя одурачить, но психика не позволит издеваться над собой. Она выражает протест через физическое недомогание, активизацию комплексов и беспокойные и неприятные сны. Душа стремится к самому полному своему выражению; она существует, как метко выразился Руми, «чтобы радоваться самой».

Давайте пофантазируем дальше о поиске Другого, желающего решить за нас нашу задачу индивидуации. Наступит время, когда Другой созреет до того, что станет возмущаться происходящим, даже если он (или она) в свое время добровольно и молчаливо на это согласился. Это возмущение проникнет в отношения и обязательно их испортит. Никто не испытывает более сильного гнева, чем человек, который «все делает правильно» и тайно желает чего-то еще. Никто не испытывает более сильной фрустрации, чем человек, который стирает белье своего партнера за свой собственный счет.

Чаще всего, когда мы направляем наши родительские проекции на партнера и видим, что он сбрасывает с себя это бремя, мы испытываем недоумение, гнев и расстаемся со своими иллюзиями. «Почему ты ничего

не делаешь, чтобы я почувствовал себя хорошо? — спрашиваем мы, как правило, бессознательно, а иногда прямо и откровенно. — Почему ты не удовлетворяешь мои потребности?» Но перед нами сидит Другой, который вызывает у нас фрустрацию и ощущение неприязни, а совсем не тот Другой, на которого мы рассчитывали. В самом начале нам нравилась непохожесть на нас другого. Но теперь это нас возмущает. Он (она) обязательно должен измениться! Как легко ощутить, что тебя предали, посчитать себя обиженным и применить всю свою власть. Покинуть корабль? Нет, это в принципе невозможно: надо обязательно подумать о детях. И тактически используя либо зависимость, либо гнев, либо контроль в совокупности с эмоциональным и сексуальным отчуждением, мы пытаемся заставить Другого вернуться обратно, в состояние изначального воображаемого слияния с нами.

Применение такой стратегии обычно свидетельствует о наступлении в отношениях второй стадии, на которой начинает проявляться подлинная непохожесть на нас Другого, а проекции, которые вначале способствовали формированию отношений, начинают постепенно распадаться. Такое развитие процесса редко оставляет возможность для личностного развития или для того, чтобы узнать, кем действительно является Другой, если он не крючок, на который, как нам кажется, мы попались. Совсем наоборот, теперь мы обижаемся на своего бывшего любимого за то, что он назло нам перестал быть любимым. Мы платим ему той же монетой, применяя власть. Повторяю: сама по себе власть нейтральна; она представляет собой только обмен энергией между людьми. Такой обмен может быть любим: благотворным или злокачественным, исцеляющим или причиняющим боль, но он существует всегда.

Если супружеская пара сталкивается с проблемой власти, то очень легко проявляется критичное отношение к Другому. Внезапно мы начинаем прозревать и видеть все изъяны его характера и особенности его поведения, которые нас раздражают. У нас появляется желание завести любовника (или любовницу) — в реальности или хотя бы только в фантазии, — так как у нас пробуждается архаичное влечение к Доброму Волшебнику, на поиски которого устремляется либидо. Этому глубинному материалу не нужно много времени, чтобы найти подходящий объект, на который можно направить проекцию. Такого искушения не возникает, если первичный Другой по существу себя ведет в соответствии с известным негласным соглашением, предполагающим «возвращение домой». Но если он ведет себя иначе, мы проецируем этот архаичный материал на следующего Другого — в поисках обновления, восстановления энергии и

возрождения надежды. Совершенно ясно, что лишь немногие люди, которые заводят связи на стороне, хотят разорвать супружеские отношения или досадить супругу, частота таких супружеских измен убедительно доказывает силу архаичного, бессознательного стремления вернуться в Эдем.

Итак, проблема власти присутствует во всех отношениях, а во многих из них она выражается открыто. Ее широкая распространенность свидетельствует об универсальности нашей экзистенциальной травмы. Под воздействием энергии фрустрированных желаний мы обращаемся к Другому, чтобы с его помощью как-то их удовлетворить. Агрессивный партнер меньше всего способен к осознанию и страшно боится потерять контроль над Другим. Этот Другой может причинить ему такую же боль, какую причиняли ему раньше, поглотить его эмоционально или оставить его в одиночестве. Говорят, что язык агрессии не выражается словами. Так, склонный к насилию партнер использует агрессию, потому что не может осознать переживание первичной травмы, которое могло бы привести к интрапсихическому исцелению.

Ощущая свою сознательную или бессознательную власть над Другим, мы отрицаем его индивидуальность, совершаем насилие над его душой и отталкиваем его еще дальше от себя. Всем супружеским парам приходится сталкиваться с проблемой власти. Это неизбежно. Однако некоторым супругам удастся решить эту проблему и возместить ущерб, нанесенный отношениям, и тогда они будут менее обременительными и более реальными.

Повторяю: здесь очень полезным является понятие Тени. Как и комплекс, Тень — это неиссякаемый источник рефлексии и познания. Функционально Тень представляет собой «нечто, существующее у меня внутри и вызывающее ощущение дискомфорта». Так как все мы стараемся избежать всего, что вызывает у нас ощущение дискомфорта, то редко осознаем, каким образом мы отыгрываем разные зависимости, связанные с проблемой власти. Мы можем ощущать теневые проявления власти у нашего партнера, его отступление, присоединение и сопротивление, но вместе с тем редко допускаем отыгрывание проблемы власти у себя. Несомненно, что Тень влияет на отношения; вопрос лишь в том, насколько мы осознаем это влияние и насколько пагубными оказываются его последствия.

Наверное, самое пагубное свойство власти заключается в принуждении Другого взять на себя часть нашей ответственности. Как мы когда-то надеялись на родительскую защиту и безопасность, которую она

дает, так и во взрослом состоянии мы ждем, чтобы Другой нас защитил, вел нас по жизни и помогал нам. Поскольку эта несбыточная надежда в своей основе является бессознательной, проблема власти становится нашей проблемой; мы попадаем в плен ее теневого лабиринта. Поскольку наше состояние оказывается уязвимым, проблема власти возникает повсеместно. И оттого, что наши отношения всегда воспроизводят нашу историю, наши эмоциональные травмы и наш нарциссизм ложатся тяжким бременем на нас и наших партнеров.

Признать эту дилемму — совсем не значит пессимистически смотреть на формирование и развитие отношений. Это значит открыть доступ к свободе себе и Другому, чтобы каждый из нас мог стать тем, кем он мог бы быть. Это значит вступить в отношения, которые называются любовью.

4) Единственный способ исцелить пошатнувшиеся отношения — взять на себя ответственность за свою индивидуацию

Какое разочарование и как неромантично — если Другой существует на этой земле совсем не ради меня, не ради заботы обо мне и не для того, чтобы защитить меня от моей жизни! Какое глубокое разочарование — оно имеет такое же великое значение, как утрата связи с раем, которую мы называем рождением, или наше первое легкое содрогание при ощущении истинности своей смертности. Да, оказывается, мы смертны. И в одиночестве идем по дороге к смерти.

И все же мы не совсем одиноки. На этом пути много других людей, похожих на нас. Мы можем ободрять друг друга, сочувствовать друг другу и даже в чем-то друг другу помогать, но мы не можем прожить жизнь за другого человека — точно так же, как он не может умереть за нас. Но если он не может умереть нашей смертью, то почему мы должны жить его жизнью? Разве смысл пребывания здесь не заключается в том, чтобы стать такими, какими нас хотели сделать боги или природа?

Для индивидуации необходимо больше напряжения и энергии, чем требуется для нарциссических грез о возвращении в Эдем. Иногда она требует смирения, иногда вызывает ужас, но всегда создает возможности углубления сознания. Стать самим собой — это не работа Эго, хотя Эго может поддержать или застопорить этот процесс. Эго также может быть отброшено в сторону сокрушающей силой, когда инстинкт индивидуации уже невозможно отрицать, как многим из нас уже известно. Хотя все это остается великим таинством, мы покинули рай и оказались здесь, на пути к зрелости. Если мы полностью осознаем таинство, оно потеряет свой смысл и станет лишь воплощением планов Эго. Вместе с тем, как мы уже знаем, Эго является хрупким, напуганным, зависимым и тоскующим по

Другому. Принятие странствия — это принятие человеком своего страха и его отказ от своих основных фантазий.

Отказ от ожидания спасения Другим — одна из самых главных проблем в нашей жизни, поэтому основной аспект долговременной терапии — постепенное принятие человеком ответственности за себя. На этот счет существует очень красноречивое и убедительное высказывание Фреда Хана:

Цель терапии состоит в том, чтобы помочь пациенту выйти за рамки рациональных объяснений и других способов сопротивления на уровень, позволяющий ему самостоятельно двигаться по неизвестной территории, чтобы искать и, страдая и мучаясь, в конце концов полностью осознать свое состояние и открыть, что он может выжить, что жизнь на самом деле может быть абсурдной и изменчивой, что человек не является всемогущим, что в отсутствие волшебства в качестве последней защиты иногда появляется такая боль, которую невозможно описать словами. И чтобы, испытав страдания и скорбь не только по потерянными объектам своих фантазий, но и по самим фантазиям и иллюзиям, научиться жить почти без иллюзий. Чтобы узнать, что Время является и другим, и врагом одновременно. Чтобы признать, что счастье — это не состояние, а эфемерное и ценное ощущение; что если человек живет без иллюзий, он должен придавать смысл своей жизни; что надежда должна сменить ожидания и требования; что активность должна сменить пассивность; что реалистичная надежда должна быть направлена на развитие и рост личности (и это означает более глубокое ощущение человеком и радости, и грусти), что ворота в тот райский сад для него закрыты навсегда и охраняются ангелами с острыми мечами, что его мать умерла навеки, навеки, навеки⁵³.

Вот в общем-то и все. «Мать», о которой пишет Хан в последнем предложении, — это энергетически заряженный материнский комплекс, существующий у нас внутри и заставляющий нас искать безопасности, поддержки и прибежища. Состояние пребывания в Райском Саду, предсознательное слияние с Другим, теряет свою надежность и становится очень зыбким. Сколько нужно мужества для того, чтобы просто *быть*. Вместе с тем мужественно отвечая на вызов, мы больше всего помогаем

своим партнерам. Мы сбрасываем с них невыносимое бремя нашей жажды возвращения в Эдем. Мы будем радоваться вместе с ними, становясь как можно лучше, — разве это не подарок?! И если, совершая свое странствие, мы освобождаем своих партнеров для того, чтобы они оказались в собственном тупике на пути решения задачи, которую поставила перед ними жизнь, только тогда мы больше всего о них заботимся и больше всего их уважаем. Может быть, любовь — самое подходящее слово для такого отношения, хотя светлое время нашей «влюбленности» осталось далеко позади.

Четыре принципа, которые приведены выше, лежат в основе непрерывного развития отношений и становятся вызовом близости. Всем нам хорошо известны первые три стадии. Кто из нас не влюблялся, не испытывал безумных влечений, не встречал ответного желая Другого, а затем не вступал с ним в конфликт? Эта парадигма давно известна. Некоторые из нас когда-то вступали в противоречие и даже в борьбу с четвертым принципом, а точнее, с его требованием покончить с нашим глубинным стремлением «вернуться домой», взять на себя ответственность, быть взрослым, а не ребенком, то есть с вызовом, связанным с нашим личностным ростом. Мы постоянно держим у себя внутри этого испуганного ребенка, и власть, присущая взрослому, которым мы хотим стать, должна уравновесить требования этого внутреннего ребенка. Но если мы сможем успокоить этого малыша, встав на защиту своей души, тогда мы сможем пережить трансформацию.

Джозеф Кэмпбелл выразил эту цель, причем, как всегда, прямо и откровенно:

По-моему, одна из проблем супружества заключается в том, что люди не представляют себе, что оно значит. Они считают, что это длительная любовная связь, но это не так. Супружество не имеет ничего общего со счастьем. Оно связано с трансформацией, и когда это состояние трансформации становится доступным для осознания, человек испытывает исключительно сильное переживание. Но он должен подчиниться. Он должен уступить. Он должен отдать. Он не может просто диктовать свои условия⁵⁴.

Итак, если супружество не имеет никакого отношения к счастью, — что тогда? Неужели оно связано с трансформацией? Если бы счастье было

состоянием стабильным, то было бы все прекрасно, но оно никогда не бывает прочным — оно остается эфемерным и всегда ускользает из наших рук. И хотя в изначальной проекции на Другого содержится фантазия, обещающая счастье, в реальности это обещание невыполнимо. Едва Другой раскрывается как подлинный Другой, а не носитель наших проекций, — сразу начинаются неприятности.

Трансформация непосредственно связана с развитием, а развитие обычно происходит только через страдания. Остановитесь и поразмышляйте над переживаниями развития. Несомненно, они возникают из-за конфликтов и потерь, ибо осознание приходит только в результате напряжения противоположностей. Открытие непохожести на нас Другого может привести к «незаинтересованной» любви, которая воплощается в заботе о другом человеке как о Другом, в оценке по достоинству его непохожести на нас и воздании ей должного.

Для тех, кому просто повезло найти такую «незаинтересованную» любовь, трансформация содержится в самих отношениях. Мы становимся значительно богаче, чем раньше, даже в результате утраты или конфликта. Мы должны благословить тех, кто причинил нам больше всего боли, ибо они больше всего способствовали нашей трансформации. Мы можем даже полюбить их, позволив им оставаться такими, какие они есть, даже если сами продолжаем бороться во время жизненного странствия, двигаясь к финалу, предопределенному нам судьбой.

ГЛАВА 4. ОСОЗНАНИЕ ТРАВМ, НАНЕСЕННЫХ ЭРОСУ

Как дерево сгибается под напором ветра и времени, а ветви растений тянутся к свету, так и наша жизненная сила, наш Эрос формируется под воздействием наших переживаний. Все искажения нашего восприятия происходят под влиянием судьбы.

У нас есть только такой, а не другой набор хромосом, у нас есть только эти родители, и мы выросли в определенной культуре, которую можем одобрять, а можем и отвергать. Каждая из этих случайностей оплетает и видоизменяет Эрос, направляя его на выполнение своих миссий: исцелять, наносить повторные травмы и нарушать предназначения самой судьбы. Вообще говоря, мы не осознаем эти миссии. Когда мы прожили настолько долго, что у нас сформировались устойчивые стили поведения, и при этом, вероятно, немного освободились от нашего бессознательного, и наше Эго стало достаточно сильным для честной рефлексии, — только тогда мы увидим обломки кораблекрушения и всплывшую часть груза, которые сопутствовали нашей жизни во время выполнения этих миссий. Иногда мы будем чувствовать унижение, иногда — поражение, но очень редко мы сможем честно признать, что всегда знали о том, что с нами происходит.

Пять клинических случаев, которые приведены ниже, являются демонстрацией формирующего воздействия Эроса, а также результатов влияния такого первичного отпечатка на жизнь человека.

Мальчик, которому не хватало мамы

Еще мальчиком Грегори понял, что представляет реальную жизненную ценность — это то, что важно для его матери. Его отец знал свое место — зарабатывать как можно больше денег. В десятилетнем возрасте Грегори целый день бродил по заснеженной Филадельфии, продавая подписку на «Сатердей ивнинг пост». Когда уставший, замерзший и голодный мальчик вернулся домой и признался матери, что не смог продать последнюю подписку, она послала его обратно в холод и темноту и велела не возвращаться, пока он не сможет продать все до конца.

Из этого и других подобных воспоминаний у Грегори сформировалась жизненная философия. Имело значение лишь то, что было важно для босса — для его Матери. Она ценила деньги и власть, а также людей, которые имели и то, и другое. Он также стал смотреть на деньги и власть глазами этой женщины, которая в детстве пережила бедность и была лишена возможности удовлетворять свои желания. Нереализованная детская потребность в безусловном принятии привела к формированию деятельной личности, которая добилась выдающегося успеха на стадии развития, называемой «первой взрослостью». С 20 до 50 лет он успешно работал, стал очень богатым, а его социальный статус вырос до президента большой корпорации. Он женился из чувства долга на женщине, к которой не испытывал большой любви. Руководствуясь обязанностью отца, он воспитывал двух детей. Он злоупотреблял алкоголем, периодически имел связи на стороне и практически постоянно пользовался услугами проституток. Деньги и власть были той игрой, в которую он постоянно играл: и того, и другого у него было в изобилии. Он занимал высокое социальное положение, имел множество привилегий, ему были доступны любые развлечения и поездки, он пользовался уважением других людей. За деньги он купил даже то, что, по его мнению, называлось любовью: «Тогда, — говорил он, — я был уверен в том, что женщины, которых я покупал, действительно меня любили».

Осознав, что цена, которую он платил за свой алкоголизм, оказалась выше, чем получаемое от него удовольствие, Грегори вступил в клуб анонимных алкоголиков и окончательно бросил пить. Чувствуя, что ему нужно упорядочить свою жизнь, он в этот же период развелся с женой, перестал посещать проституток и решил наслаждаться жизнью, занявшись игрой в гольф. При этом он ограничился только тремя любовницами. Свидетельством его трезвого образа жизни и его искренности служили его откровенные рассказы каждой из трех партнерш о существовании других. Каждая из них испытывала недовольство, но терпела этот *ménage à quatre* (семейный союз вчетвером).

К терапевту его привел не кризис. Он заявил, что причиной его обращения является главным образом любопытство: просто он хотел лучше узнать самого себя, хотя можно было предположить, что у его самости были более широкие намерения. Он считал брак ловушкой, потерей свободы и не имел ни малейшего желания вновь совершать эту ошибку. Хотя во всех трех его связях присутствовали сексуальные отношения, сам по себе секс играл для него второстепенную роль. Все его любовницы были молодые женщины, которые только-только начинали свою

профессиональную карьеру, и Грегори поддерживал их всех материально и эмоционально. Для всех трех он играл роль ментора: можно сказать, заботился об их анимусе, хотя делал это совершенно бессознательно. Хотя для каждой из них эта связь была выгодна по нескольким причинам, все они стремились к тому, чтобы отношения стали более прочными и постоянными, но Грегори не поощрял их намерений.

Здесь уже хорошо просматриваются отличительные черты раненого Эроса: в детстве Грегори испытывал дефицит в искреннем материнском тепле и быстро научился зарабатывать то, что хотела его мать, — деньги и власть. Вместе с тем ему надо было избегать обязательств перед теми, кто не был ему нужен.

Как мы уже видели, поведение всегда приобретает определенную логику, как только мы можем распознать нанесенные Эросом раны, оказавшиеся причиной такого поведения. Все, что следует потом, является психо-логическим последствием желания эти раны исцелить. Грегори женился, потому что это было нужно, имел детей, потому что это тоже было нужно, и даже успеха в жизни он добился потому, что это было нужно. Он искал «любви» у женщин, выполнявших роль суррогатной матери, и при помощи водки заглушал боль своей внутренней женственности, своей анимы. Конечно, он не испытывал никакого желания вновь окунуться в такие отношения, которые опять причиняли бы ему боль.

Хотя каждая из трех любовниц Грегори испытывала к нему чувственное влечение, отношения ни с одной из них не могли развиваться, так как его установки и ожидания были основаны на психодинамике и психо-логике его детских переживаний, связанных с матерью. В отношениях с каждой из женщин Грегори ощущал двойственную и противоречивую динамику. Бессознательная программа предписывала ему быть настолько ценным для каждой из них, чтобы они в нем нуждались, испытывали к нему влечение и существовали только для него, но при этом он не брал на себя никаких обязательств. Такое поведение Грегори объяснялось глубокой пропастью, которая образовалась еще в детстве из-за постоянного страха, что его бросят.

Динамика переноса типична для всех отношений; при этом судьба обладает способностью вносить бесконечные вариации, которые и определяют особенности человеческих отношений. Любой терапевт, в особенности тот, кто работает с супружескими парами, должен уметь распознавать бессознательную динамику, управляющую отношениями, подпитываемую первичными отношениями, существовавшими давным-

давно. Девизом для своей жизни Грегори мог бы выбрать известное выражение Уолта Уитмена: «Рядом со мной всегда неслышно скользит тень Матери».

Грегори пришел, чтобы понять эти психологические структуры. Вся эта власть, все эти деньги нужны были для защиты ребенка, которому не удалось продать подписку на «Сатердей ивнинг пост». У того ребенка до сих пор сохранилось это всепоглощающее чувство, что он недостаточно хорош для того, чтобы его полюбили. Теперь Грегори знает, что на самом деле он ищет не власти и не денег, а любви, не связанной никакими условиями. Он больше не прикладывает к бутылке, не ходит к проституткам, так как знает, что потом к нему опять вернется одиночество и недовольство тем, что он в очередной раз не нашел Другого. Сейчас он, возможно, впервые в своей жизни хочет ощутить благодать, быть любимым таким, какой он есть, не чувствуя необходимости доказывать, что он этого заслуживает. Он нуждается в благодати, как ее определил Пауль Тиллих: «Примите то, что с вами мирятся, несмотря на то, что с вами примириться нельзя»⁵⁵.

Теперь Грегори заново перепроверяет все свои отношения, концентрируясь на сходстве их скрытых программ. Хотя сознательно он совершенно не хочет, чтобы его подруги заменяли ему мать, стиль его отношений с ними был порожден старой детской травмой. Он балансирует на грани осознания того, что он действительно хочет в жизни, и того, что удовлетворяет его внешне, но совсем не удовлетворяет внутри. Вся его взрослая жизнь оказалась следствием детской травмы его Эроса, как, впрочем, и у всех нас.

Мера нашего возможного исцеления зависит от степени нашего желания и возможности обратиться к таким травмам, к нашим бессознательным структурам, к нашим самым глубинным желаниям. Грегори готов расширить свое понимание отношений с Другим, и теперь он точно знает, что дальнейшее развитие этих отношений возможно только через расширение отношений с самим собой. Маленький мальчик, который по-прежнему остается частью его личности, может и дальше бродить по заснеженным улицам Филадельфии в поисках кого-то, кто помог бы ему угодить матери, но желания этого мальчика больше не будут автоматически управлять жизнью Грегори.

Пятидесятилетний Стивен состоял в браке 25 лет. На первых сессиях он рассказал об общем недомогании и размышлял о необходимости изменить свою карьеру. Он рассказал, что любит свою жену и делает все возможное, чтобы ей было хорошо, но несколько лет назад у него пропало к ней всякое сексуальное влечение, о чем они оба сожалели.

Как и Грегори, Стивен пришел на терапию добровольно, но без понимания ее цели, а просто признав, что его разговор с самим собой затянулся слишком надолго. Хотя он считал, что то общее заболевание, которым он страдал, может указывать на необходимость сменить работу, он также чувствовал, что получил приглашение от своей внутренней фемининности вступить с ней в контакт, и это приглашение ему не следовало оставлять без внимания.

У пятидесятилетних мужчин сексуальное желание пропадает не так уж редко. Очень легко все свалить на усталость, на возрастное снижение уровня либидо и/или на рутину повседневности, уменьшающую эмоциональную остроту любых отношений. Но влечение может снижаться также из-за того, что подруга мужчины полнеет, седеет и больше соответствует материнской роли, ибо стареет вместе с ним. И тогда совершенно неосознанно для мужчины происходит наложение образа подруги на имаго его матери, существующее у него с детства. Все, что олицетворяет для него «мать», является вполне желанным, но вместе с тем ее образ активизирует табу на инцест.

Страх перед инцестом — это, по сути, страх перед своим бессилием и регрессия к инфантильной зависимости. Столкнувшись в переносе с этой властью, он бессознательно воспринимает Другого как угрозу своей детской независимости. В этом может заключаться одна из причин того, что разведенные мужчины более склонны вступать в связь с женщинами, которые гораздо моложе их, чем с женщинами приблизительно одного с ними возраста и с таким же жизненным опытом.

В детстве Стивена отец в основном оставался на заднем плане, тогда как мать играла главную роль в формировании его сознательных и бессознательных ценностей. Кроме того, в процессе строгого религиозного воспитания Стивену внушались четко сформулированные ценности Супер-Эго. Поэтому, в отличие от Грегори, Стивен не стал искать смысл жизни на дне бутылки или в погоне за ночными бабочками. Сначала он «запряг свой Эрос», чтобы использовать его энергию для карьерного роста и воспитания детей, а когда дети покинули родительский дом — исключительно для карьерного роста. Такое использование собственной энергии в то время казалось ему совершенно правильным, но

оно все больше отчуждало его и от самого себя, и от жены. Согнув тонкий стебель своего Эроса, Стивен добился всего, что может иметь в Америке так называемый средний класс, но он вместе с тем отделил себя от архетипических энергий, скрытых в глубине любых отношений.

Однажды, обсуждая со Стивеном его сексуальное охлаждение к жене, я спросил его, как она сама относится к такому сексуальному охлаждению. Он ответил, что точно не знает, но, по всей вероятности, она готова все время молиться, чтобы эта проблема разрешилась. Сочувствуя ей, он считал, что причиной потери его сексуального влечения является побочное воздействие таблеток антидепрессанта, которые выписал ему врач для устранения слабой депрессии. Он уверял жену, что к ней у него нет никаких претензий. Мы пришли к выводу, что, наверное, ее мольбы дошли до адресата, поскольку теперь он готов признать, что от его холодности страдают они оба и он хочет понять ее причину.

Развивая этот парадокс, я предположил, что, возможно, он забыл или никогда не думал о том, что сексуальный акт является священным даром, имеющим религиозный характер. Хотя никто из супругов явно не пренебрегал его религиозным смыслом, все равно они забыли о религиозной стороне сексуальности⁵⁶. Когда Юнг отметил, что невроз напоминает обиженного бога, он имел в виду, что бог — это воплощение определенной архетипической энергии, пренебрежение которой или насилие над которой вызывает мучительные страдания. Пренебрежение богом или его оскорбление в конечном счете травмирует нас, ибо боги воплощают в себе действующие через нас природные силы. Несмотря на свою внешнюю приверженность религиозным ценностям, Стивен и его жена утратили контакт с богами, которые движут природой и историей. С точки зрения Юнга, невроз — это самоотчуждение, а значит, отчуждение человека от своих внутренних богов. Пренебрегать хтоническими богами и вместе с тем почитать богов духовных — значит ненамеренно выступать против Божества. По моему ощущению, причина депрессии Стивена, по крайней мере, частично заключалась именно в его агрессивном самоотчуждении, которое применение лекарств могло только замаскировать.

Я предположил, что, наверно, Стивену и его жене следует поискать бога и найти его в сексуальных отношениях. Оказалось, что эта идея его увлекла. С одной стороны, его задача заключалась в том, чтобы установить подлинную связь с глубинными уровнями своей психики и психики своей жены, а с другой — устранить блокирующее воздействие своего жесткого материнского комплекса.

«Быть может, вам следует найти бога, которого Рильке назвал темным “проточным богом крови”»⁵⁷, — сказал я. — Боги хотят, чтобы мы их почитали. Если вы считаете себя религиозным человеком, то следует почитать и этого бога. Пренебрегая этим властным божеством, вы можете ожидать, что он вам отомстит в любой момент».

Стивен должен был также решить свою глубинную проблему, связанную с расширением взгляда на религиозность. Высшие силы — это ведь тоже силы, но существуют и низшие силы, которые тоже не терпят насмешек и издевательств над собой. Стивен нашел для себя выход именно в таком взгляде на религиозность. Поскольку такой контакт с «проточным богом крови» является духовным призванием, которое ведет человека к личностному росту, он обладает более высокой энергией по сравнению с регрессивной энергией детских комплексов. По существу, для снижения энергетической заряженности любого комплекса нам требуется имаго, обладающее значительно большей силой.

Другая задача Стивена состояла в том, чтобы проверить свои предположения относительно жены. Ему пришлось заново открыть в ней желанную и желающую его женщину и увидеть в ней дар для себя, а в себе — дар для нее, то есть сделать этот чудесный взаимный подарок. Воссоздание нового образа жены, которая хотела бы погрузиться вместе с ним в религиозную глубину, стать для него открытой и уязвимой, его погружение глубоко в себя по существу произвело эффект реанимации его анимы.

В конечном счете идея сакральности сексуальности, этого темного «проточного бога крови», привела к обновлению интимных отношений. То, что сначала Стивен и его жена ощущали как потерю, постепенно стало приобретением, которое позволило им получать еще более глубокие переживания, чем раньше.

Парадокс Абилина

Невозможно переоценить силу воздействия скрытой программы бессознательного стремления вернуться в Эдем. Оно лежит в основе нашего переживания собственной уязвимости и присущей Другому силы.

Одна супружеская пара пришла на терапию с проблемой, которая состояла в том, что каждый из супругов искал пути для «поправки» другого. Джойс и Джо вышли на пенсию, обретя, наконец, долгожданную свободу, чтобы делать только то, что им хочется, и вдруг оказалось, что

каждый из них стоит на пути у другого. Каждый из них чувствовал свою ответственность за Другого, а если одному было плохо, то другой ощущал растерянность или депрессию, или же, наоборот, проявлял раздражение. Каждый из них считал себя обязанным сделать все возможное, чтобы вернуть Другого к прежнему состоянию, чтобы партнер снова был во всеоружии и принялся за старое. Встретившись с супругами вместе и с каждым по отдельности, я поразился тому, насколько похожи были их рассказы и логические выводы относительно Другого. В свою очередь, каждый из них ожидал от меня решения проблемы — проблемы Другого. Постепенно я стал осознавать, что столкнулся с разновидностью феномена, известного под названием «Парадокс Абилина».

Это выражение принадлежит Джерри Харви, высочайшему профессионалу в области организационного развития. Как-то Харви заметил, что в страшную жару, хотя никто на самом деле не хотел ехать из городка в западном Техасе в Абилин за мороженым и никто об этом не говорил вслух, однако битком набитая сердитыми и раздраженными взрослыми людьми машина совершала путешествие в Абилин, а на обратном пути все пассажиры страшно ругались между собой. Этот феномен, который получил название «парадокс Абилина», имеет место тогда, когда пары или группы явно или неявно подразумевают согласие по какому-то кругу вопросов, но почему-то при этом поступают наоборот. Самой поразительной иллюстрацией этого феномена может послужить процесс принятия решения, который привел к катастрофе Челленджера в 1986 году. Более сорока разных служб указывали на то, что состояние космического корабля не соответствует условиям его запуска. Но после голосования решение было принято, остальное нам известно.

Для следующей совместной сессии с Джойс и Джо я напечатал для них следующий список.

Парадокс Абилина

(Как группы или пары могут соглашаться на что-то, но поступают при этом прямо противоположным образом)

Вы оба согласны с тем, что:

1. Вы любите Другого, заботитесь о нем, цените его и хотите оказывать ему поддержку.
2. Вы верите, что ваш Другой находится в состоянии депрессии.
3. Вы считаете, что Другой находится в депрессивном состоянии по причинам внутренним, а не внешним. (У Другого есть проблемы, требующие индивидуального подхода.)
4. Вместе с тем вы чувствуете себя ответственным за депрессию

Другого.

5. Вы боитесь предпринять самостоятельные действия, независимые от Другого, потому что опасаетесь, что они вызовут у Другого недовольство, гнев или депрессию.

6. Пребывание в этом безвыходном положении вызывает у вас гнев и депрессию, и вы отчасти вините в этом Другого.

7. Вы любите Другого, но в данный момент чувствуете себя отчужденным от него эмоционально.

8. Вы полагаете, что психотерапевт разрешит это противоречие, помогая Другому избавиться от его проблем.

В детстве каждый из них был запрограммирован на то, что должен нести ответственность за состояние и самочувствие Другого. Эта идея всегда порочна: она обременяет любого человека и в конечном счете становится бесполезной, поскольку направлена на то, чтобы уберечь человека от страданий, которые являются необходимой предпосылкой его личностного роста. На самом деле ни один из супругов не заявлял, что находится в депрессии, хотя каждый диагностировал депрессию у Другого. Оба пребывали в угнетенном состоянии и раздражении из-за того, что, выйдя на пенсию и получив свободу, добытую ими с таким трудом, они не могли вести себя независимо, то есть удовлетворять свои личные интересы из-за страха оставить своего спутника. Короче говоря, каждому из них мешала его собственная установка, но при этом он проецировал свои чувства на партнера. Естественно, они ждали, что терапевт согласится с их оценкой и решит проблемы Другого, и тогда в отношениях между ними снова наступят мир и согласие.

Однако супруги не понимали, что каждому из них нужно критически отнестись к своей собственной установке на то, чтобы брать на себя слишком большую ответственности за Другого и выбирать стиль поведения, ведущий к самоограничению. Только благодаря такому критическому отношению, если оно вообще возможно, отношения могут развиваться в мире и согласии.

Слушая зачитываемые им пункты парадокса Абилина, Джойс и Джо с каждым из них соглашались. Когда они прочитали последний пункт списка, они громко рассмеялись. Напряжение разрядилось, поляризация постепенно стала сглаживаться, и отношения получили толчок к развитию. Задача терапии заключалась не только в том, чтобы указать им на существующие противоречия в их мышлении, но и побудить каждого из них к тому, чтобы начать улучшать отношения с супругом с улучшения своей собственной жизни.

Четвертый принцип, о котором говорилось в предыдущей главе, проявляется здесь особенно ясно, а именно: самое лучшее, что мы можем сделать для своего партнера, — это следовать своему процессу индивидуации. Тогда отношения не будут отягощены таким количеством неосуществимых проекций.

Забота о тех, кто заботится

Бекки, которой исполнилось тридцать пять лет, была социальным работником. Она «выбрала» эту профессию неслучайно: в своей семье она была ребенком-родителем. С детских лет она пыталась вылечить свою мать, все время надеясь, что, выздоровев, мать станет выполнять свои родительские функции. Судьба послала ей слабую, эмоционально недоразвитую мать и нарциссического, недоступного отца. Когда тот оставил семью и отправился на западное побережье, напевая песню «Мечтая о Калифорнии», она стала матерью своей матери.

Позже, когда Бекки стала лесбиянкой, никто из родителей никак на это не отреагировал, ибо никто из них не интересовался ее жизнью. К сожалению, история взаимоотношений Бекки повторяла ее опыт общения с теми Первыми Другими. Ее привлекали к себе либо эмоционально истощенные женщины, нуждающиеся в заботе, как и ее мать, либо нарциссические женщины, которые только предъявляли требования, но сами никогда не проявляли ни щедрости, ни великодушия. Поскольку Бекки очень хорошо освоила роль героини, она могла поддерживать оба стиля отношений, работать на двух работах, платить налоги и при этом постоянно грустить и испытывать некоторое недоумение. Хотя внешне она казалась преуспевающей и довольной, в глубине души она всегда оставалась брошенной, одинокой девочкой.

Кризис ее жизни наступил тогда, когда, прогорев в Калифорнии, отец решил вернуться обратно, на восточное побережье. Бекки прекрасно знала, что это означает: он захочет, чтобы она заменила ему женщин, которых он всегда находил для удовлетворения всех своих прихотей. Хотя ни одна из них надолго не задерживалась, у него никогда не было недостатка в кандидатах на это место. С одной стороны, Бекки бесило то, что этот мужчина, который давно ее бросил, теперь вернулся и ждет, что она будет ему прислуживать. С другой стороны, она чувствовала, что переполняющая ее тревога переходит все допустимые пределы, мешая ей сказать «нет». Она выражалась достаточно ясно, говоря отцу и матери, что ей необходимо

жить своей жизнью, но ее решимость сходила на нет, когда первый заявлял, что «ему больно и его неправильно поняли», а вторая становилась совершенно несчастной и одинокой.

Мы можем видеть, что ясность сознания взрослого человека зачастую подавляется страхом, который активизируется при встрече с Первыми Другими. Эта регрессивная активизация энергии искажает все зрелые отношения. Такое влияние особенно сильно, если человеку приходится иметь дело с собственными родителями, так как сформированное в прошлом имаго многократно усиливается благодаря физическому присутствию Первого Другого.

Проблема Бекки типична для всех нас: как нам оценить точно свои возможности и принять разумное решение, если на нас так сильно воздействует наше прошлое? Наша способность всегда и везде оставаться самими собой очень проблематична. На бумаге выбор кажется ясным, на терапевтической сессии выбор тоже кажется ясным. Но сохранять ясным свое сознание, когда нас эмоционально переполняет наша индивидуальная история, — едва ли не самое трудное дело в жизни. И даже если у нас получилось это сейчас, нет никакой гарантии, что завтра у нас это снова получится. Только настойчивые усилия, направленные на постоянное сохранение сознательного отношения к своему уникальному жизненному странствию и к препятствующей ему запрограммированной в детстве парадигме, открывает возможность зрелого выбора.

Когда я пишу эти строки, Бекки нервничает в ожидании возвращения своего отца. Либо она сможет твердо установить свои границы, возможно, развязав при этом эмоциональный Армагеддон, либо она пожертвует собой ради Мамы и Папы.

Одинокий паладин

Натан был преуспевающим бизнесменом сорока четырех лет. Когда он пришел на психотерапию, у него, как и у Грегори, было три любовницы; кроме того, он строго следил за своим сыном, который учился в колледже, и навещал свою бывшую жену. Ему казалось, что три постоянных связи с любовницами затрагивали его чувства, и он был уверен, что ни одна из них не захочет прекращать с ним отношения.

Парадоксально, что кризис Натана возник вместе с появившейся у него возможностью сделать главный и очень серьезный выбор в своей карьере. Ему предложили уйти из второй по значимости в этом сегменте

рынка компании и занять руководящую должность в другой компании, ее ближайшем конкуренте. Хотя выбор казался ясным, ибо предлагали гораздо большую зарплату и круг его возможностей значительно расширился, у Натана появилось ощущение сильной тревоги и тупика. В конечном счете в процессе терапии он осознал, что на самом деле боится обязательств, связанных с новой должностью. Хотя она много ему давала, но и требовала от него гораздо больше, и ему могло понадобиться несколько лет, чтобы в ней освоиться.

Таким образом, сделанное ему предложение заставило Натана решать сложную проблему. Он хотел, чтобы его поведение по отношению к теперешним коллегам и к его новой компании было этически безукоризненным, но одновременно чувствовал, что изнутри его разрывает страх, который, казалось, был совершенно не связан с задачами, поставленными перед ним на новой должности. Внутренний конфликт тормозил принятие решения, и, в конце концов, Натан мог лишиться этого выгодного предложения.

Если вспомнить о том, что психика логична, всегда логична, хотя обслуживает логос, который может вести себя иначе, чем Эго, то можно сказать, что страх заключить соглашение с новой фирмой — это фактически страх поглощения близкими отношениями. Ребенок не рождается с этим страхом; наоборот, он стремится к близости и хочет получить эмоциональную поддержку, чтобы быть уверенным в себе. Страх заключить соглашение — это страх перед слишком тесным сближением, и человек может испытывать этот страх, если только он уже переживал такие всепоглощающие чувства раньше, особенно когда он ощущал свое бессилие при установлении границ.

Я спросил Натана, чего, по его мнению, он боится. Он откровенно сказал, что боится доминирования со стороны Другого и что в этих отношениях он обязательно себя потеряет. И карьера, и супружеская жизнь лишили его ощущения многообразия и разносторонности жизни, физической и эмоциональной подвижности, и его жизнь стала скучной и рутинной.

Размышления о такого рода страхе навели Марию-Луизу фон Франц на мысль о классическом психологическом описании *puer aeternus*, или *вечного юноши*, которого все новое чрезвычайно возбуждает, а все старое вгоняет в нестерпимую скуку⁵⁸. Такая социальная установка — удобное рациональное объяснение быстрой смены партнеров или возможностей, и тогда новые партнеры и возможности, еще не обремененные историей, остаются ценными, пока их ценность не растворяется в обыденности и

рутине.

Когда Натан описал свои эмоции, я подтолкнул его к дальнейшему осознанию: «Какие страхи скрываются под этим, известным вам страхом? Вы — сильный человек. Вы можете справиться с теми страхами, в которых уже разобрались». Эти мои замечания задели какую-то струнку глубоко внутри Натана, и он смог выразить свои мысли, которые были эмоционально заряжены и, казалось, исходили из другой части его психики: «Жизнь небезопасна, — сказал он. — Люди вовсе не такие, какими они кажутся».

Когда я спросил, откуда он это знает, он рассказал, что его семье пришлось бороться с бедностью и трудностями, пытаясь выжить в новой для них стране. Он вспоминал, что родители никогда не говорили о том, что их окружало, и никогда не поощряли открытого выражения чувств. Такое поведение характерно для многих иммигрантских или малообеспеченных семей, в которых выражение эмоций считается роскошью. Но эту скупость в выражении эмоций маленький Натан воспринимал так: он не мог понять, что представляли собой взрослые, и вместе с тем чувствовал, что они его не понимают и не особенно в нем нуждаются. Так разрушилась сама основа его веры в Других, которые были рядом с ним.

В детстве Натан часто думал: «Я не такой, как они». Он не знал, каким он был в действительности, но тот, кем он интуитивно себя считал, совершенно отличался от того, кем его считали окружающие. Так родился его индивидуальный миф: самодостаточный герой, который в другую эпоху был бы странствующим рыцарем, одиноким бродягой, скитающимся от одного пристанища к другому и нигде не задерживающимся настолько, чтобы выросла трава, которая смогла бы уцепиться за его ноги. Его профессиональный успех, очевидно, стал компенсацией за ту борьбу, которую вела его семья. Его брак был ранним, поспешным и был продиктован обычаями. Его нынешний стиль поведения, который состоял в том, чтобы выполнять обязательства, соблюдая осторожность и не вовлекаясь в них эмоционально, служил ему защитой не только от поглощения Другим, но и от боли из-за возможного предательства Другого, который никогда не мог стать таким, как обещал.

Принимая во внимание эту центральную установку, образ подавляющего, предающего, разочаровывающего Другого, в стратегиях Натана, направленных на избежание дальнейших травматических переживаний, явно просматривается определенная логика. И только его внутренний конфликт, вызванный тем, что ему предложили новую

должность со всеми ее очевидными преимуществами (и это вызвало у него амбивалентные чувства, сопряженные со страхом), привел его *психо-логику* к осознанию происходящего. Можно предположить, что способность осознавать свои травмы и все вытекающие из них психологические стратегии требует, чтобы мы осознанно выстрадали страх, содержащийся в этой психодинамике. Натан не может избежать этой боли, но, будучи взрослым человеком, способным осознать ее инфантильную природу, он может выдержать то, что не мог бы выдержать ребенок. Как взрослый человек он заслуживает того, чтобы стать первым претендентом на высокую должность, предполагающую небывалый карьерный рост. Его способность осознавать свое имаго, сформированное в другом месте и в другое время, дает ему возможность оказаться здесь-и-сейчас, а затем совершить выбор, соответствующий желанию жить взрослой жизнью, а не оставаться под властью изначально необходимых ребенку, а теперь подавляющих его Я защитных механизмов.

Судьба припасла Натану сюрприз. Пока у него внутри происходила борьба, вызванная новым предложением, он осознал, что единственной привлекательной стороной этого предложения были деньги и престиж. Но, столкнувшись с проблемой выполнения обязательств на новой работе, он почувствовал глубоко затаившийся страх, который вызывают любые обязательства. И когда одна из трех женщин, которой он действительно оказывал много внимания, решила переехать в другой город, довольно далеко от него, Натан осознал не только то, что любил ее, но что именно страх не позволял ему по-настоящему сблизиться с ней. В данный момент он всерьез рассматривает возможность переехать в тот же город, чтобы быть с ней рядом и оттуда руководить своим бизнесом. Это для него почти революция.

Натан совершил прорыв через ограничения, наложенные на него родительской семьей. В конечном счете, вопрос заключался не в том, где ему работать: там или здесь, в той или другой компании, а в том, есть ли у него все необходимое для личностного роста. После этого прорыва все остальное решается относительно легко.

Неизбежные вопросы

В задаче осознания травм, нанесенных эросу, содержатся определенные вопросы, ответы на которые предполагают описание качеств Я и Другого. Если мы сами не ответим на эти вопросы, на них

ответят наши партнеры, либо мы упремся лбом в стену, и тогда нам все равно придется на них отвечать. Вот некоторые из них:

1. Как в отношениях с окружающими проявляется моя зависимость?
2. Что я как взрослый человек могу делать для себя сам, но прошу своего партнера сделать это для меня?
3. В чем именно я постоянно ограничиваю себя в силу моих установок и поведенческих стилей, сформировавшихся в процессе моей индивидуальной истории?
4. Не слишком ли высокую ответственность я беру на себя за эмоциональное состояние Другого? Таким образом, не совершаю ли я за него (или за нее) его жизненного странствия, а если да, то почему так происходит?
5. Живу ли я с установкой, что буду счастлив в результате собственного выбора? Если нет, то когда я планирую начать так жить? Какие страхи, запреты или прежние модели поведения мешают мне жить своей жизнью?
6. Что я делаю, чтобы избежать страданий?⁵⁹

Такие вопросы западают глубоко в душу. Они берегут старые раны, проверяют прочность наших защит и проясняют поведенческие стратегии, которые мы отыгрываем в отношениях с партнерами. Наконец они позволяют нам понять не только причину нарушения существующих отношений, но и способы их исцеления, а прежде всего — самих себя.

Разумеется, невозможно жить так, чтобы не травмировать эрос. Вместе с тем следует признать, что для многих людей такие травмы послужили толчком к созданию величайших творческих произведений или к сублимации природных влечений ради служения культуре. Исторически прогресс цивилизации всегда зависел от множества самых разных внешних проявлений эроса: строительства собора на протяжении четырех веков, готовности рядовых солдат умереть за абстрактную идею и многих других повседневных жертв индивидуального человеческого Я ради конвенциональной морали. Но в каждом случае травма наносилась конкретной человеческой душе. Сколько человек прожили всю свою жизнь, испытывая чувство вины и подавленности за малейшее проявление естественных стремлений собственной души? Сколько людей было наказано и даже замучено за то, что следовали велениям своей судьбы?

Мы можем молча скорбеть о людях, погубленных репрессивными идеологиями и социальными институтами, властью чудовищных вождей. Мы можем скорбеть об утрате стольких возможностей любви, стольких нераскрытых индивидуальных способностей, попавших под каток общественной морали. Но в конечном счете, невзирая ни на что, мы

должны настойчиво идти своим собственным путем в направлении к целостности. Мы несем в себе неизгладимые травмы эроса, но как взрослые люди мы обязаны нести ответственность за эти травмы, за их осознание, за их исцеление, чтобы тем самым освободить от своей болезни и самих себя, и тех, кто нас окружает.

ГЛАВА 5. ЭРОС В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Вся жизнь строится на отношениях. Как мы уже знаем, качество наших взаимоотношений с окружающими непосредственно зависит от того, как мы относимся к себе, которое, в свою очередь, во многом определяется интериоризацией наших взаимоотношений с Первыми Другими.

Итак, мы всегда переносим в настоящий момент и в настоящие отношения психодинамику, сформированную в другое время и в другом месте. А другие люди, в свою очередь, переносят на нас свою психологическую историю. Таким образом, даже оставаясь одни, мы никогда не освобождаемся от психодинамики отношений с людьми. Разумеется, большую часть нашей жизни мы не остаемся в одиночестве; большинство из нас, находясь в бодрствующем состоянии, взаимодействует с людьми в семье, на работе или каких-то других социальных институтах. Таким образом, в дополнение к нашему обсуждению близких отношений очень важно рассмотреть также и психодинамику социальной жизни.

Социологи четко отличают *общество* и *сообщество*. Общество — это совокупность людей, организованная для того, чтобы служить определенным целям, которые могут быть и кратковременными, и долговременными. Незнакомые между собой пассажиры, находящиеся на борту самолета, представляют собой временное общество, чья цель или мотив состоит в перемещении из одного места в другое. Во время полета можно спать, смотреть в иллюминатор или беседовать с соседом, посланным нам судьбой. По прибытии каждый из пассажиров продолжает свой собственный путь, общество распадается и уже никогда не восстанавливается в прежнем составе. Таким образом, общество в целом очень нестабильно. Оно живет лишь до тех пор, пока его члены объединены одной целью. Когда эта цель достигается или же члены общества теряют к ней интерес, общество распадается.

Сообщество образуется, если члены общества испытали общее трансцендентное переживание, которое вывело каждого из состояния изоляции и побудило его участвовать в трансформации. Если бы, например, самолет потерпел аварию, то люди, пережившие катастрофу, вполне могли бы составить сообщество, ибо такое важное событие вызвало бы у них совместное трансцендентное переживание. Каждый человек остается индивидуумом, но теперь каждый из них психологически

идентифицируется с трансцендентным переживанием; каждый из них приобретает для себя что-то новое. Такова природа общего племенного переживания, когда общая история, общие предки и общая мифология создают вертикальную размерность, связывающую каждого человека со всем сообществом. Как мы уже отмечали, даже сообщества рискуют потерять контакт с общей трансцендентной историей; тогда они могут деградировать на уровень общества, у которого, в свою очередь, не хватает энергии, чтобы обеспечить долговременную связь своих членов.

Прекрасной иллюстрацией перехода от сообщества к обществу может служить постепенное исчезновение индейской народности кайова. Лучшие охотники на бизонов, кайова процветали до тех пор, пока продолжала существовать тотемная связь с бизоном, то есть их связь с богами. Молитвы до и после охоты и почитание всех частей этого животного, которым они делились с богами, помогало племени формировать и поддерживать трансцендентную тотемную связь. Когда бизоны оказались на грани истребления, связь с сакральным миром прервалась, и индейское племя кайова исчезло под напором англо-европейской культуры. Эта история служит нам предостережением, ибо на опыте этого племени мы видим, что получается, если сообщество теряет общую цель. Это явление хорошо просматривается и в ведущих культурах, где преступность, социальное беззаконие, разные зависимости и социопатия становятся явными признаками распада сообщества. Сейчас мы составляем общество, а не сообщество.

Большинство людей воспринимает свою рабочую среду как общество, а не сообщество и страдает от этого несоответствия. Большинство рабочих мест организуется для производства продукта или создания услуг. Вообще говоря, исполнители не идентифицируют себя ни с продуктом, ни с услугой. Один мой друг работал на большой фирме, производящей продукты питания, и сказал, что ему пришлось уйти, как только он осознал, что в свое свободное время ему и его коллегам хотелось говорить только о печенье. Нечто похожее я слышал от разных людей, работавших в других больших компаниях. Конечно же, это мифы, но ни один продукт и ни одна услуга не утолит жажду нашей души. Организации, преследующие только такую «горизонтальную» цель, теряют вертикальную размерность, которая придает ощущение смысла и совместного участия в чем-то трансцендентном, ощущение членства в живом сообществе. Короче говоря, этим организациям не хватает души.

Мы не можем сразу определить, что такое «душа», но безошибочно ощущаем ее присутствие или отсутствие. Желая того или нет, мы

привносим потребности своей души в рабочую атмосферу и страдаем от того, что они не находят в ней удовлетворения. Другой мой друг, руководитель службы персонала большой транснациональной корпорации, разработал стандартное обращение к новым работникам. Его слова могли показаться шокирующими, бесчувственными, но на самом деле он произносил их из сочувствия. «Компания, — говорил он им, — не любит вас. Она нанимает вас только на тот срок, пока ваша деятельность будет приносить фирме прибыль». Он говорил это для того, чтобы новые работники осознали свои истинные потребности и тот факт, что корпорация вовсе не должна их удовлетворять. Таким образом их ориентировали на то, чтобы они жили своей личной жизнью, развивали свои собственные близкие взаимоотношения и ясно представляли, что компания должна им обеспечить (доход), а что — не должна (любовь).

Человек, потерявший контакт со своей душой, попал в беду. Точно так же попадают в беду организации, которые не придают значения душе, даже если они успешны с точки зрения бизнеса. Современная практика так называемых «оптимизаций» количества персонала (downsizing), медицинского обслуживания по системе управляемого здравоохранения (managed care) и заинтересованного только в прибылях мышления (bottom-line thinking) в бизнесе и науке привела к выхолащиванию души и к гнилой морали. «Оптимизация» — это эвфемизм, фактически означающий лишение людей средств существования. «Управляемая» медицинская помощь — это в действительности помощь, от которой выигрывают только страховые компании. Заинтересованное только в прибылях мышление очень часто оказывается мышлением, когда ваша голова находится на уровне вашего зада.

Давным-давно Американская медицинская ассоциация выиграла сражение у социальной медицины, но затем проиграла его корпоративному капитализму. Все известные мне врачи, психологи и социальные работники говорят, что в их профессиональные суждения и планы лечения вмешиваются страховые компании, и этому вмешательству сопутствует как понижение качества лечения, так и утрата профессиональной и индивидуальной морали.

Научный мир задолго до большого бизнеса стал с выгодой использовать студентов как малооплачиваемых и частично занятых работников, без всяких гарантий или страховых пособий. Тот, кто много времени провел в студенческом общежитии, знает, что профессора постепенно становятся все более циничными и бесчувственными и у них все ярче проявлялись характерные признаки паранойи. Любовь к своему

предмету, которая привела их к профессии преподавателя, постепенно затмевается политическими и административными амбициями. Поэтому непосредственные контакты между преподавателями и студентами стали ущербными и бездуховными; в них отсутствовал эрос. При наличии эроса познание становится заразительным. При отсутствии эроса студенты начинают ощущать презрение со стороны преподавателей и интересоваться не самим предметом, а только оценками. И в науке, и в бизнесе (если между ними еще есть разница) уровень морали очень низок, зато очень высок уровень подозрительности и цинизма. Социальные институты больше не являются сообществами; они превратились в очень слабые и нестабильные общества, которые не опираются на трансцендентные ценности.

Сегодня даже малые предприятия нанимают специалистов в области так называемого организационного развития. Их работа заключается в том, чтобы мобилизовать энергию занятых на фирме людей и направить ее на выполнение корпоративных задач, причем максимально учитывая «человеческий фактор». У каждого из нас есть свои индивидуальные цели, и на организацию своей деятельности мы тратим определенную энергию. Если наша энергия направлена на достижение цели, совпадающей с душевными устремлениями, у нас появляется ощущение удовлетворения. Если же либидо направлено на достижение целей, расходящихся с телеологией души, мы становимся невротиками. Если проводить эту аналогию дальше, можно прийти к заключению, что те организации, в которых направление энергетических потоков не совпадает с направлением их истинных целей, также будут испытывать внутреннее «расщепление», то есть фактически коллективный невроз.

Рискнув провести такую аналогию между личностью и организацией, мы будем временно ее придерживаться. Организация — это совокупность отдельных людей и одновременно нечто большее, чем сумма отдельных частей. В корпорации находит свое воплощение и синергия, которая, как и в межличностных отношениях, может достигать такого уровня развития, который суммирует вклад всех работников. Поскольку все мы как индивиды являемся невротиками, то эта психопатологическая динамика переносится и на нашу корпоративную жизнь.

В своей работе «Психопатология обыденной жизни» Фрейд утверждал, что для того, чтобы увидеть психопатологию, не обязательно посещать психиатрическую клинику. Ее можно наблюдать у обычных людей в обычной обстановке: она проявляется в забывчивости, в оговорках и т. п. — в повседневных событиях, которые свидетельствуют о наличии

крайне напряженной динамики в непостижимом конфликте между Ид, Эго и Супер-Эго. Позже Юнг доказал существование комплексов, функционирующих автономно в каждом из нас. Активизация этих заряженных кластеров энергии переносит в настоящее переживания, относящиеся к другому месту и другому времени, подрывая тем самым нашу способность к осознанному выбору и превращая нас в пленников своего прошлого.

Все взаимоотношения искажаются под влиянием бессознательного материала, в особенности при активизации комплексов. Вполне естественно, что близкие отношения вызывают активизацию наших первичных комплексов, так как близость является прямым аналогом изначальных детско-родительских отношений. В организациях чаще всего активизируются родительские комплексы и комплексы, связанные со стремлением к власти. Как ребенок, находящийся под пристрастной опекой со стороны родителей, вынужден развивать адаптивные стратегии поведения, так и человек, включенный в корпоративную культуру, переносит в настоящее все уловки и хитрости, помогавшие ему в прошлом. Как известно, природа создала нам возможность выбора — бей или беги. В самых крайних случаях стратегия «бей» проявляется у наемных работников в форме открытой агрессии и саботажа, а стратегия «беги» — в пассивно-агрессивном поведении: лень, уклонение от своих обязанностей, бранные высказывания и прогулы.

Точно так же проекция родительского авторитета на работника вызывает у него ожидание, что компания будет его любить, защищать и отвечать его эмоциональным потребностям. Как бы не так! Но человек всегда приходит в шок, когда его «опускают», ибо он бессознательно ожидает, что корпоративный Другой будет для него «хорошей грудью». Испытав в детстве зависимость и бессилие, вполне естественно проецировать на корпоративного Другого силу, мудрость и желание о нас позаботиться — все, что мы когда-то ждали от родителей. И то, что такое чувственное состояние не исчезает даже при столкновении с непосредственно ощущаемой реальностью, служит доказательством его силы.

Интериоризированное детское переживание не только влияет на наши межличностные отношения, но и переносится на наше отношение к организации. Ощущая себя внутри всасывающей воронки, мы учимся умиротворять властного Другого. Крайняя форма такого поведения называется созависимостью: в этом случае индивидуальность и благополучие отдельного человека приносится в жертву Другому. В

корпоративной культуре такая созависимость порождает услужливых работников, которые ни в коем случае не станут рисковать, высказывая своему руководителю всю правду, или же проявлять инициативу, направленную на развитие корпорации. Такая предвзятость власти порождает множество разных стилей уклончивого поведения, совсем не содействующего укреплению благосостояния фирмы, которое зависит от максимально возможного вклада каждого работника. С другой стороны, у людей, которые ощущают эмоциональную опустошенность, вызванную травматическими переживаниями раннего детства, и которые, соответственно, обладают заниженной самооценкой, тоже существуют внутренние барьеры, мешающие им вносить максимальный вклад в достижение корпоративных целей. Движимые потребностью в поддержке со стороны Другого, эти люди склонны ждать похвалы и одобрения от любого человека — от подхалима до начальника.

Все служащие приносят в корпоративные отношения определенный уровень тревоги. Некоторые из них просто не способны направить свою конструктивную энергию в русло корпоративной культуры, да и уровень их морали нельзя считать высоким. Грегори, о котором шла речь в предыдущей главе, однажды заметил, что тайна его успеха в руководстве компанией заключалась в его способности повышать самооценку людей в процессе их производственной деятельности. По его словам, даже те служащие, которых он вынужден был уволить, сохраняли с ним дружеские отношения, так как их самооценка все равно повысилась, а не понизилась.

Когда мы вспоминаем, что «взрослеющая личность» — это целая совокупность разных поведенческих стилей, установок по отношению к своему Я и Другому и рефлексивных стратегий для борьбы с детской тревогой, становится понятно, что корпоративная культура может нести на себе печать прошлого. Нет ничего удивительного в том, что некоторые фирмы приходят в состояние застоя. Корпорация в чем-то аналогична первобытному обществу; в ней постоянно отыгрывается психодинамика родной семьи и периодически активизируется комплекс власти. Поэтому работа в организациях и социальная жизнь вообще часто травмируют человека и заставляют его регрессировать на уровень инфантильного состояния. Религиозные институты мешают людям пережить состояние трансформации; учеба в школе порождает у детей недоверие к знаниям, правительства притесняют тех, на кого они обязаны работать; в больницах пациенты болевают еще сильнее; корпорации недоумевают, почему их работники им не преданы. Чем больше активизируется ложное Я, тем больше историческое прошлое вмешивается в настоящее и тем больше

искажаются отношения в рабочем коллективе.

Многие организации руководствовались при своем создании благородными идеями или высокими целями, но со временем их фундаментальные ценности могли забыться или просто перестали отвечать веянию времени. Тогда устанавливаются иные приоритеты, обеспечивающие их выживание и защиту их престижа. Организация может отказаться от своих базовых ценностей и принимать жестокие и безжалостные решения, основанные на абстрактных формулировках корпоративных интересов, а не на благополучии своих работников. Пасторы внушают, что они необходимы людям, профессора считают себя незаменимой элитой, а руководители компаний спереди демонстрируют свои высоко задранные носы и припрятывают на спине золотые парашюты.

В таком случае социальные институты могут не только потерять свою душу, но стать демоническими организациями. Даже благая идея превращается в дьявольскую, если она становится односторонней, эксклюзивной и недоступной для обсуждения.

Так как социальный институт — это даже больше, чем просто совокупность отдельных людей, то он сполна характеризует его руководителей. Если руководитель находится в психологическом тупике, то руководимая им корпорация находится в состоянии застоя. Как может церковь способствовать возрождению духовной жизни, если ее священники не осознают собственной Тени? Как может компания пользоваться доверием у потребителей и у своих сотрудников, если она живет ложью? Как могут учителя и воспитатели просвещать, если они не в состоянии пролить хоть чуточку света на свою собственную темноту? Юнг писал:

Каждый учитель и воспитатель... должен постоянно себя спрашивать, действительно ли он следует своему учению в отношении самого себя и в своей собственной жизни, исходя из своих знаний и с совершенно ясным сознанием. Психотерапия учит нас, что, в конечном счете, целебное воздействие имеют не знания и не технические приемы, а личность врача. То же самое относится к образованию: оно предполагает самообразование⁶⁰.

Как ребенку приходится нести бремя бессознательной жизни своего родителя — о чем говорил Юнг, — так и скрытое психологическое бремя любого социального института воплощает индивидуальные психологические проблемы его руководства. Искажения корпоративных

отношений и корпоративной культуры не столь заметны, как индивидуальный невроз, но все равно они просачиваются на все уровни.

В своем труде «Республика» Платон спрашивает: кто годится для того, чтобы править людьми? Платон не был демократом; он отдавал предпочтение «царю-философу», которого сегодня мы могли бы назвать «психологически интегрированным лидером». Если бы такой человек нашелся, он привнес бы глубокую осмысленность и образованность (то есть сознательность) в употребление дарованной ему власти. Известно, что люди, которые стремятся к власти над другими, часто компенсируют таким образом ощущения собственной небезопасности. Те, кому нужны эмблема или автомат для ощущения своей силы, недостойны народного доверия. Те, кто жаждет государственной должности, не годятся для нее. Те, кому требуется власть, попадают в плен собственных комплексов и, в конечном счете, заставляют страдать окружающих. Жители Соединенных Штатов прошли трудный путь, начиная с эпохи таких талантливых граждан, как Вашингтон, Франклин и Джефферсон, которые оказались на вершине власти по просьбе своих товарищей и из-за высокого чувства общественного долга. Сегодня мы видим профессиональных политиков, которые, не задумываясь, изменяют свою систему ценностей, подстраиваясь под общественное мнение, и основная мотивация которых заключается не в служении народу, а в том, чтобы стать знаменитыми.

Стиль организации неизбежно распространяется сверху вниз, начиная с высшего исполнительного звена. Низкорослый мужчина с наполеоновским комплексом; магнат игорного бизнеса, называющий своим именем казино; руководитель, имя и фотография которого не сходят с первых страниц его корпоративных изданий, — таковы прототипы индивидуального невроза как корпоративной патологии.

Однажды я занимался психотерапией с двумя профессиональными финансистами, работавшими на среднего размера семейном предприятии в сфере развлекательного бизнеса. Семейная психопатология практически привела компанию к банкротству, а этих двух финансистов, соответственно, — к психотерапевту. Владельцы компании, члены семьи, были незрелыми, жадными и нарциссическими личностями — именно эти качества определяли их решения и поступки. Они постоянно привносили в психологическую атмосферу фирмы гремучую смесь этих качеств. Они любили щеголять своим богатством, ради этого даже приобрели самолет. Их незрелость проявлялась в отсутствии личной дисциплины, в неспособности к концентрации внимания, в желании постоянных удовольствий; они легко выходили из себя и не обращали ни малейшего

внимания на реакцию своих сотрудников на их поведение. Два моих клиента, отвечавшие за то, чтобы компания оставалась на плаву, несколько раз спасали фирму от финансового краха.

Насколько «излечима» эта ситуация? Найти другую работу! Любой терапевт скажет, что клиент с плохой дисциплиной, слабой концентрацией внимания, желающий постоянно получать удовольствие и безответственно относящийся к последствиям своих действий, не придет на психотерапию, но даже если это и случится, не будет сильно утруждать себя на сессиях. Такие люди создают больные компании и набирают больной персонал. И они не изменятся даже в том случае, если с ними больше не станет работать ни один банк. Бывает так, что ситуацию еще можно «вылечить», но бывает и так, что с работы надо просто уйти. Оба упоминаемых выше мужчины просто заболели из-за условий, в которых они работали, и из-за иллюзорных ожиданий, которые они должны были претворить в реальность. Оба предпочли спасти себя, а не продолжать страдать от последствий чьей-то неудавшейся жизни.

А вот другой случай. Мне довелось работать с главой производственной фирмы, который унаследовал этот бизнес в третьем поколении. Когда отец Эдварда отошел от дел, ему пришлось приехать из другой части страны, оставив любимое дело, чтобы взять на себя ответственность не только за компанию, но и за всю семью, включая близких и дальних родственников, ибо их доход зависел от успешной работы предприятия. Ожидания всей семьи, включая жену Эдварда, были настолько велики, что он ощутил необходимость пожертвовать своим призванием. Он пришел на терапию в состоянии депрессии, не понимая ее причин. Вскоре стало ясно, что причина его депрессии заключается в отказе от своего призвания. Этот конфликт переживался им очень глубоко, и все сны Эдварда, казалось, указывали на ту цену, которую он платит за отказ от своего призвания.

Через несколько месяцев, на протяжении которых Эдвард многократно получал в своих сновидениях такие послания, он поверил в их истинность. Он чувствовал, что ему все-таки надо поддержать свою большую семью, но вместе с тем он должен более осознанно идти к произошедшему в нем расщеплению. Сейчас у Эдварда есть реалистичный пятилетний план, созданный с целью вывести компанию на определенный уровень производства, который необходим для обеспечения семьи, и когда его удастся осуществить, Эдвард с честью отойдет от дел. Он нанял менеджера, который стал вести текущие дела, освободив себя для разработки долговременной стратегии и отдельных проектов. Он по-

другому оформил свои офисы, чтобы сделать их более привлекательными, и устроил себе личную комнату отдыха, где можно было играть на музыкальных инструментах, читать и писать все, что захочется. Его семья знает о таком отдыхе, но никому не разрешается его прерывать. Так Эдвард заботится о своей душе и вместе с тем несет ответственность за всю семью. А между тем его бизнес процветает, как никогда раньше.

Большинство организаций не уделяет внимания проблемам, связанным с качеством жизни своих работников. Такие вопросы многим руководителям кажутся излишним и дорогим баловством. Но работники половину жизни проводят в созданной в организации атмосфере, которая непосредственно влияет на их нравственное состояние, а то, в свою очередь, — на производительность труда. Заинтересованное только в прибылях мышление должно уделять больше внимания проблемам качества жизни.

Однажды я преподавал в колледже, расположенном в здании, архитектурный проект которого был удостоен национальной премии. Это сооружение состояло из серии прямолинейных коридоров с отделкой из стекла и стали и трансформирующимися стеновыми перегородками. Хотя, несомненно, оно было функционально и составляло интересный контраст с окружающим его лесом, это здание оказывало негативное влияние на процесс обучения. Эта архитектурная среда навевала идеи однотипности, мобильности, взаимозаменяемости и повторения одинаковых элементов. Все эти качества гораздо лучше подошли бы для аэропорта, а не колледжа, образовательная миссия которого зиждется на идеях основательности, централизации и взаимосвязанности.

Когда люди проводят в таких зданиях долгие годы, то у них постепенно накапливается состояние скуки и депрессии. Трех разным директорам этого колледжа я предлагал нанести яркие краски на серые стены этого колледжа, чтобы привнести больше тепла в ощущение человека, находящегося в коридоре или классной комнате. Вероятно, директора посчитали меня сумасшедшим и, безусловно, решили, что это ничего не даст. В этом колледже мы построили общество, которое отвечало сознательно поставленной цели, но мы не создали никакого сообщества.

Хотя несомненно, что организации и университеты не должны играть роль Матери, теряется нечто очень важное, когда руководители не осознают, что их собственное выживание в определенной мере зависит от благосостояния их подчиненных. Существование программ психологической помощи сотрудникам — это хороший знак, ибо такие

программы предполагают наличие полной конфиденциальности и безнаказанности для сотрудников, которые обратились за помощью. С точки зрения долговременной перспективы, эти программы явно дешевле, чем стоимость рабочего времени, потерянного из-за стрессов, психических расстройств и психологического давления. Не менее хорошо известно, что на настроение и моральное состояние сотрудников оказывают влияние цвет, звук, запах и тактильные ощущения, поэтому именно здравый смысл подсказывает нам, что при создании интерьера рабочих мест следует учитывать все факторы, от которых зависит состояние людей.

Стиль общения также оказывает существенное воздействие на корпоративную культуру и, в частности, на корпоративные отношения. Пристальный интерес к мнениям и предложениям сотрудников благотворно влияет на их моральное состояние и на ощущение общей причастности. Один консультант, занимавшийся корпоративным обучением, начал с того, что провел индивидуальные интервью с ключевыми сотрудниками. Он хотел узнать как можно больше о них самих, об их семьях, интересах, а также о том, какую максимальную отдачу можно от них получить. Он сказал сотрудникам фирмы, что, наверное, они лучше его знают, что им подходит, а что нет, но хочет услышать от них максимально искренний ответ. Эти консультации дали ему много чрезвычайно важной и полезной информации и позволили получить представление о настроениях людей, работающих на фирме. Все это кажется слишком очевидным, но разве многие из нас могут похвастаться тем, что чувствовали к себе подобное отношение на работе?

Уровень корпоративной морали также становится существенно выше, когда поощряется наличие собственной точки зрения сотрудников и их желание поделиться предложениями со своими непосредственными руководителями, которые относятся к ним вполне серьезно. Много лет назад, когда мой отец работал на заводском конвейере, он придумал перспективную организацию процесса производства, которая повышала одновременно и производительность труда работников, и уровень их морали. Профсоюз и руководство завода согласились с тем, что его предложение позволяет достичь этой двойной цели, но его было проще положить под сукно, чем реализовать, поскольку оно несло элемент неопределенности. В силу того, что руководство не могло предугадать непредвиденные последствия и управлять ими, оно сохранило старую схему, которая не улучшала психологическое состояние ни всей компании в целом, ни каждого ее работника в отдельности. (Эта ситуация тоже похожа на парадокс Абилина: сначала все соглашались, а затем все делают

наоборот.)

Если мы станем проводить дальнейшую аналогию между личными и корпоративными отношениями, то можем прийти к выводу, что «лечение» корпоративной культуры должно использовать те же приемы и стратегии, что и лечение отдельных индивидов. Юнг считал, что невроз — это симптом, свидетельствующий об ограниченном видении жизни и узком мировоззрении. Человек, стремящийся к исцелению, должен восстановить контакт со своей душой. Для «излечения» корпоративной структуры нужно, чтобы ее менеджеры задались вопросами души. Но мы не можем ожидать, что они станут это делать для своей компании, если они до сих пор не сделали этого для себя. Юнг постоянно предупреждал, что терапевт не может продвинуться вместе с пациентом дальше того, чего достиг он сам. Таким образом, прежде, чем сотрудник сможет внести свой посильный вклад в «лечение» компании, он должен обратить самое пристальное внимание на собственное излечение.

Надо сказать, что все это предъявляет серьезные требования к корпоративной культуре, в которой ведется строгий учет прибылей и издержек, где во главу угла ставятся интересы акционеров и в которой принято выполнять свою работу, не задевая других. Но, как отмечал Платон в своем трактате «Республика», здоровье правителя неминуемо отражается и на здоровье его подданных.

Как индивид и как профессиональный управляющий каждый из нас должен заняться исследованием своей персональной тени. «Что у меня внутри такого, чего я стараюсь не замечать, и откуда оно берется? Какие комплексы определяют мое состояние и мое поведение? Что значит для меня власть над другими людьми? Какого рода опасности я стараюсь предотвратить?» Эти вопросы являются нелегкими для любого человека, в особенности для тех, кто обучался прежде всего внешним умениям и навыкам и скрывал то, что находится у него внутри. Уже само по себе обращение к подобным темам является героическим и революционным шагом, и при серьезном подходе к ним корпоративная атмосфера может претерпеть удивительные трансформации. Исходящая от нас энергия воздействует на окружающих людей вплоть до того, что заражает их, но всегда так или иначе отражается на их отношении к происходящему. Степень здоровья нашей персональной энергии является индикатором того, в какой степени окружающий нас мир может измениться к лучшему. Это справедливо как для рабочих контактов, так и для близких отношений.

Можем ли мы подвергнуть психоанализу корпоративную жизнь, если такое исследование вызывает затруднения даже на индивидуальном

уровне? Скорее всего, нет, но, по крайней мере, необходимо поднять уровень осознания проблем души в тех организациях, где этими проблемами пренебрегали в ущерб всему и вся. Даже люди, которые работают в сфере здравоохранения, зачастую руководствуются экономическими соображениями, а не заботой о душе. Подумайте об этом. Сколько терапевтов в Северной Америке считают, что они следуют психодинамическому подходу, то есть ориентированы на глубинную работу, связанную с отношением сознания и бессознательного? Насколько мне известно, их очень мало, наверно, процентов десять. Остальные занимаются изменением поведения, когнитивной структуры или используют психофармакологию. Каждый из них вносит свой посильный вклад, но все они оставляют без внимания вопрос, который беспокоит нас больше всего, — вопрос о смысле жизни. Как заметил Юнг, «клиническая психотерапевтическая практика — это сущий паллиатив, который в силу своих возможностей предотвращает наши нуминозные переживания»⁶¹.

Поиск смысла жизни — это квинтэссенция человеческой сущности. Пренебрежение им приводит к трагедии. Если мы вспомним, что по-гречески душа называется *psyche*, то придем к совершенно абсурдному парадоксу, что большинство современных психологов утратили связь с психикой.

В конечном счете, именно исцеление души приводит к излечению и отдельного человека, и целой корпорации. Оно означает, что человеку необходимо приучить свое Эго спокойно и откровенно спрашивать: «Чего хочет от меня моя душа?» — а затем использовать все свои способности, чтобы выполнить это желание. Почти вся современная психология растерялась, столкнувшись с важными и насущными вопросами души, а потому сузила свою миссию и зачастую свела ее к банальным вещам. Современная корпоративная деятельность слишком редко снисходит до проблем души. При столкновении со всемогущими квартальными отчетами мы сразу забываем о душе, но конечный результат всегда свидетельствует о понесенных потерях.

Всем нам на всех уровнях участия в общественной жизни нужно вернуть себе душевную силу и обрести волю и мужество, чтобы задавать больше вопросов о смысле жизни, чтобы противостоять обезличиванию, чтобы укрепить свою душу. Юнг как-то заметил, что наша жизнь — это «лучезарная пауза между двумя великими таинствами»⁶². Наша задача — как на индивидуальном, так и на корпоративном уровне — обрести уверенность в том, что во время этой паузы мы не растрачиваем свою

энергию впустую. Эта задача возникает уже на заре нашей жизни, проходящей под крышей родного дома, но мы обязаны продолжить ее решение и после выхода во внешний мир.

ГЛАВА 6. ПРОБЛЕСКИ РАЯ

О, Времена, безграничные и ужасные, сделайте нас бессмертными.
О, галеоны певцов в пламенеющем Карибском море,
Не везите нас к земным берегам, пока
Из глубины нашей могилы не получите в ответ
Проблесков рая в широко открытых глазах тюленя.

Харт Крейн. «Путешествия»

Как мы уже знаем, образ Другого строится преимущественно на основе непосредственных детских переживаний первичных отношений. Этот образ присутствует всегда — и в близких, и в групповых отношениях. Но тогда разве не резонно предположить, что такое бессознательное программирование присутствует и в нашем поиске отношений с Абсолютно Другим, которого традиционно называют Богом?

Здесь мы ступаем на опасную почву. Люди, придерживающиеся какой-то определенной веры, будут настаивать на существовании Абсолютно Другого, обладающего своими собственными индивидуальными качествами, которые можно ощущать только «сквозь тусклое стекло» (1 Кор. 13:12) или через их проявление в исторических событиях, или как они описаны в священных писаниях. Хотя религиозные установки большинства людей просто порождены обществом или традициями, для некоторых людей религиозные постулаты неопровержимы, ибо они ощущаются ими как непосредственный данный внутренний опыт. И несмотря на то, что собственная сензитивность может быть расширена путем соприкосновения с реальностью другого человека (в этом и состоит основное назначение межличностных отношений), трудно бывает добиться успеха, противопоставляя свою реальность той, в которой находится другой человек. А то, что такие «реальности» окружены и охраняются комплексами, делает их даже более пригодными для использования догматических защит.

Общеизвестно негативное отношение Фрейда к идее религиозного переживания. Это отношение он выразил даже в названии одного из своих основных трудов на эту тему — «Будущее одной иллюзии». По мнению

Фрейда, религии возникали из экзистенциальной потребности человека в отстаивании своей автономии в условиях враждебной ему природы. Развитие цивилизации, полагал он, состоит в отказе от инстинктов ради достижения абстрактных целей, например, коллективной безопасности. Такая двойная цель — создание «иллюзии» безопасности в небезопасном мире и принятие таких абстракций, как «долг», «жертва» и «служение племени», контролирует и направляет нарциссически обусловленное удовлетворение инстинкта. Фрейд пришел к выводу, что «главная задача цивилизации, ее *raison d'être**, состоит в том, чтобы защитить нас от природы»⁶³.

Таким образом, Фрейд соглашается с утверждением Вольтера: если бы Бога не существовало, то нам следовало бы его придумать. Да, но какого Бога? Фрейд утверждает, что наше инфантильное ощущение своего родителя переносится на космос. Фрейд таким способом возвращает нас на хорошо знакомую почву, так как нам уже известно, как в других близких отношениях мы переносим на Другого имаго своего ощущения родителя со всей присущей ему психодинамикой. Фрейд считает этот перенос иллюзорным, ибо «все иллюзии характеризуются тем, что порождаются человеческими желаниями. В этом смысле они близки к патологическим галлюцинациям»⁶⁴. Идея Бога как идея исполнения желания эмоционально притягательна и не требует внешнего подтверждения.

Но дело в том, что Фрейд попался на собственную удочку, полагая, что его методология свободна от иллюзии. Часть *его* иллюзии заключается в том, что «научная работа — это единственный путь, который ведет нас к познанию внешней реальности»⁶⁵. Он игнорирует реальность гнозиса, прямого, непосредственного феноменологического ощущения, которое мы можем получить, например, через искусство, интеллектуальную деятельность, мистическое переживание и т. п. Он низводит религиозные суждения до детских фантазий о совершенном родителе: самом мудром, самом сильном и самом заботливом. Вместе с тем наши инфантильные страхи вызвать неудовлетворенность Другого или же наше скрытое сопротивление его власти над нами может вызывать у нас чувство вины.

Фрейд был уверен в том, что перенос на космос психодинамики ранних детских отношений делает нас инфантильными. «Тогда религия становится универсальным неврозом навязчивости всего человечества»⁶⁶. Как любое навязчивое состояние, то есть нежеланная, но неотвязная мысль, религия препятствует личностному росту и заставляет человека и общество в целом погрузиться в трясины регрессивных детских желаний и

устремлений. Человечество, утверждал Фрейд, должно обладать достаточным мужеством, чтобы покончить со своей зависимостью от Небесного Отца, продвинувшись в своем развитии и, отбросив все защиты, повернуться лицом к вселенной и увидеть реальность, свободную от иллюзий.

Сами по себе религиозные учения и обряды могут считаться либо прогрессивными, либо регрессивными в зависимости от роли, которую они играют в жизни человека. Если они расширяют горизонты его мировоззрения, поддерживают его психосоциальное развитие и создают важные для него связи с космосом и с человеческим сообществом, то, с психологической точки зрения, религия считается здоровой. Если же религиозные установки порождают у человека чувство вины, зависимость, поляризованное мышление, теневые проекции и т. д., мешая ему взять на себя личную ответственность, то, конечно, они являются нездоровыми.

Мы должны принять, что многие выводы, сделанные Фрейдом, действительно обоснованны. На религиозных верованиях лежит ответственность за множество фактов погромов и резни, за невежество и порабощение людей, а также за оправдание несправедливости и фанатизма. Более того, мы знаем, что все исходящее от человека несет на себе человеческие черты, что мы не можем не очеловечивать непостижимое. То, что мы говорим о Боге, в конечном счете больше говорит о нас самих, чем о Таинстве, которое мы называем Богом. Кроме того, мы можем видеть инфантильные установки во многих теологических утверждениях. В том, чтобы желать совершенного родителя, нет ничего плохого, но это, скорее всего, как утверждал Фрейд, является иллюзорным переносом нашего желания на свой собственный космос, посредством которого мы пытаемся снизить нашу тревогу.

Однако Фрейд склонялся к тому, чтобы отказаться от целостного переживания трансцендентного, объясняя это тем, что многие человеческие проблемы возникают на основе инфантильных переживаний. Фрейд страстно отстаивал это убеждение, что говорит о наличии у него собственного активизированного комплекса. Безусловно, он поднял мятеж против патриархального иудаизма своей семьи и оказался в плену материализма и позитивизма, царивших в Европе конца XIX века. Тем не менее нам всем было бы полезно изучить свои взгляды и содержащиеся в них инфантильные желания. В нашей религии мы сможем найти их ничуть не меньше, чем в близких или корпоративных отношениях. Нам потребуется немало морального и интеллектуального мужества, чтобы обратиться к этим инфантильным идеям, искажающим наши земные

отношения, и не меньше мужества потребуется для того, чтобы проследить их влияние на наше понимание абсолюта. Фрейд был отчасти прав, но только отчасти.

Для Юнга, наоборот, религиозные импульсы не были ни инфантильными, ни исполняющими желания. Он считал нашу потребность в религии такой же инстинктивной, как нашу потребность в пище. «Религия, — писал он, — это присущая человеку инстинктивная установка, и ее проявления можно найти на протяжении всей человеческой истории»⁶⁷. Она возникает благодаря эволюционному развитию человеческого рода и становится самым наглядным воплощением нашего поиска смысла жизни. Теолог Пауль Тиллих утверждал, что нашу религию можно найти везде, где находится наша «конечная цель»⁶⁸; таким образом, для одних людей религия заключается в стремлении к власти и богатству, а для других — в стремлении к безопасности. Совершенно очевидно, что не все проявления религиозности обязательно приведут к трансценденции, однако они будут направлять психическую энергию на службу той системы ценностей, к которой стремится Эго.

В соответствии со сказанным выше мы можем встретить религиозность в наших зависимых отношениях с Другим, что может подтвердить каждый влюбленный. Или же мы можем обнаружить религиозные мотивы, которые действуют в бессознательном и проецируются на культурные артефакты. Так, например, некоторое время тому назад я взял с собой в казино Атлантик Сити гостившего у меня отца, поставив перед собой некоторую антропологическую задачу. Он выиграл 320 «квотеров»^{*}. Вокруг нас были тысячи разных людей, почитающих этот храм, который привлекал к себе ежегодно гораздо больше посетителей (около 35 миллионов каждый год в 1990-е годы), чем даже Нью-Йорк или Диснейленд. Их миграция является религиозной по сути, хотя по большей степени и бессознательной. Они ищут связи с Другим (вспомним, что этимологически слово «религия» означает «вос-соединение с...»), возвышения над повседневностью (чтобы подняться по вертикали над горизонтальной плоскостью обыденности) и трансформации (переживания высвобождения).

Несомненно, что стремление к соединению, трансценденции и трансформации является глубоко религиозным порывом. Это стремление невозможно удовлетворить с помощью денег, и это очень скоро становится понятным собирающимся в казино современным паломникам, но иллюзия

оказывается настолько сильной, что многие к ней снова и снова возвращаются.

Я пишу эти строки, наблюдая совершенно иную сцену из театра человеческой комедии: именно сегодня проходят похороны принцессы Дианы Спенсер, фотографии которой сейчас можно увидеть в каждом доме во всем мире. Такого торжественного события и такого небывалого всплеска человеческих эмоций, наряду с ощущением общего, объединяющего и трансцендентного переживания, в Объединенном Королевстве не было со времени фашистских бомбежек во время Второй мировой войны. В проявлении такого массового чувства следует видеть не только социополитическое событие, но и движение души, и излияние огромной по своему масштабу психической энергии. Так как лишь очень небольшое количество из нас, наблюдавших за этими событиями по телевизору, знали Принцессу Уэльскую лично, многое из того, что мы чувствовали в отношении нее, было, наверное, проекциями нашей собственной психики, драматизацией архетипических мифологем, которые мы почти не осознавали. Многие помнят ее мучительные переживания по поводу измены супруга, ее зависимость и невротическое расстройство, связанное с приемом пищи, но многие другие помнят и о ее благотворительной деятельности, о ее помощи несчастным и обездоленным людям. Каждый из нас стремился спроецировать свои травмы и надежды на эту далекую харизматическую фигуру, которая, наверное, действительно не оставила равнодушным никого из тех, с кем она встречалась.

Разумеется, за этой народной драмой ощущается грандиозное смещение народного чувства. Отношения, которые когда-то служили империи, а затем продолжали служить правящим кругам, теперь, кажется, утратили связь не только с бесправными и обездоленными, но и с современным Евросоюзом, киберпространством и мировым сообществом. Как резко высказался один телекомментатор, «люди устали от денди в твидовых костюмах, которые не появляются на выборах, занимаясь охотой на шотландских куропаток». (Здесь имеется в виду и последняя смена правящей партии, и «потеря» Гонконга, и другие факты, свидетельствующие об изменениях социальной структуры и ожиданий.) На Диане сфокусировались эмоциональные переживания людей, а всеобщее выражение любви и скорби на ее похоронах фактически стало референдумом относительно будущего Англии.

Но во время потрясения, смятения и отрицания того, что произошло, которое было похоже на переживания многих из нас сразу после убийства

Джона Фицджеральда Кеннеди, пришло в движение нечто более фундаментальное, изменившее наше глубинное представление о космосе. Возникает следующий, очень глубокий вопрос: почему кому-то, например Диане, пришлось оказаться в центре внимания публики, стать фокусом публичного обсуждения и проявления любопытства, настолько сильного, что папарацци лезли из кожи вон, чтобы удовлетворить ненасытную жажду толпы? И этот вопрос касается всех нас. Именно то, что мы не задали этого вопроса, но при этом считаем себя представителями цивилизации, заставило Диану мучиться и страдать.

В грандиозных проекциях на таких людей, как Диана, или на таких идиологов музыкального искусства, как, например, Элвис Пресли, мы можем разглядеть свою собственную психодинамику. Карл Ясперс и Пауль Тиллих настоятельно убеждали нас учиться «считывать» артефакты нашей культуры, чтобы распознавать скрытые движения души⁶⁹. В смятении, которое охватило нас после ее смерти, был не только естественный шок от внезапной травмы, но и невозможность поверить в случившееся, как будто тысячи других людей не умирали примерно в то же время, став жертвами аварий, катастроф или кораблекрушений.

Именно в результате этого неверия у нас в глубине и рождается фантазия о возможности существования каких-то волшебников. А если такие волшебные, чудесные, уникальные, свободные существа действительно существуют, значит, у нас появляется надежда. Но автокатастрофа в парижском туннеле лишает нас этой фантазии — никто из нас не является чудесным, уникальным и свободным. Смерть — великий уравниватель, который ни для кого не делает исключений. Разумеется, умом мы все это понимаем, но в глубине сердца все же надеемся на Доброго Волшебника. Если на свете действительно существуют волшебники, значит, они могут нас спасти. Если же волшебства нет ни в священных храмах, ни в деяниях великих людей, значит, для нас все кончено — или это то, чего мы боимся.

Вряд ли это чувство можно назвать новым. Его архетипическая природа ясно просматривается в дилемме Иова. Он был набожным человеком, который жил по закону, полностью полагаясь на свой договор с Абсолютно Другим. Со своей стороны, он вел себя соответственно писанию, а значит, и вселенная должна была вести себя точно так же. Может быть, Яхве считал, что такое поведение Иова сродни наивному поведению хорошего мальчика, который должен шире смотреть на мир. Так, Иов узнал, что никакого договора не существует. Ибо при всех его потерях: семьи, собственности и душевного покоя — самое большое

потрясение вызвало нарушение договора, на который он надеялся. Как и все мы, Иов хотел чего-то особенного: он хотел волшебства. Именно благодаря своим невольным и незаслуженным страданиям он обрел величие. Он совершил психологический переход от обиженного, набожного ребенка, который ведет себя соответственно ожиданиям взрослых, к мужчине, у которого произошло подлинная встреча с мистическим. «О Тебе слышали мои уши, — говорит он Яхве, — теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов. 42:5). Поиск Иовом Доброго Волшебника — это наш поиск, и конец его — это наш конец.

Наиболее глубинное психическое переживание в данном случае является и глубоко религиозным. Мы стремимся возложить на Другого все трудности нашего странствия. Часть нашей задачи состоит в том, чтобы понять, что нужно сделать для собственного развития (как, собственно, и поступил Иов) и повернуться лицом к космосу без помощи Доброго Волшебника.

Всю последнюю неделю я только и думал о земляке Дианы, Томасе Нэше. В 1792 году во время эпидемии Великой Чумы, опустошившей всю Англию, он преподал урок демократии. Король и простолудин, священник и чиновник, крестьянин и горожанин — все находились во власти ужасной болезни, которая проявлялась в высыпании черных бубонов на лимфатических узлах, и в течение сорока восьми часов человек умирал, испытывая страшную боль. В своей «Молитве во время Великой Чумы» Нэш дает урок, который все мы должны выучить и периодически повторять. Воспевая исчезнувшую красоту Трои, он напоминает нам не только о Диане, но и о нас самих:

Воздух наполнен светом;
Королевы умерли молодыми и прекрасными;
Прах закрыл глаза Елены⁷⁰.

Все культурные формы проявления души, как и явления природы, заслуживают того, чтобы быть подвергнуты анализу, как наши сны и комплексы. Сходным образом нам приходится анализировать, какие психические уловки могут быть скрыты в явно религиозных феноменах. Юнг утверждал, что «термин “религия” означает установку, присущую сознанию, измененному вследствие *нуминозного* переживания»⁷¹. Он раздражал многих теологов своими отказами определять природу *нуминозного*, независимо от того, находится ли оно у нас внутри или «вне

нас». Это, — говорил Юнг, — вопрос метафизических спекуляций или индивидуальной веры. Его задача заключалась в определении содержания человеческой психики, то есть была исключительно эмпирической.

Парадоксально, что отказ Юнга преодолеть метафизическую преграду фактически привел его к почитанию таинства в Таинстве. Вспомним, что этимологически слово «numinous» (загадочный, сверхъестественный) связано с глаголом «to wink» (мерцать). Создается впечатление, что у нас в глубине нечто мерцает и побуждает нас как-то реагировать. Это мерцание активизирует нашу внутреннюю архетипическую структуру, которая преобразует нашу внутреннюю энергию в то, что Юнг называл «имаго бога». (Функция архетипа заключается в том, чтобы формировать не содержание, а намерение, не создавать само значение, а направлять либидо в сторону того гештальта, который переживается как значимый.)

Заметим, что Юнг не говорит, что имаго — это Бог, а говорит, что имаго — это наше ощущение нуминозного в посткантианскую эпоху. Такое почитание Таинства соответствует религиозной установке. Он предупреждал, чтобы мы не влюблялись в артефакты собственного Эго и не истолковывали буквально свои метафоры:

Бог — это таинство, и все, что мы о нем говорим, было сказано другими людьми и стало для них символом веры. Мы создаем образы и понятия, и когда я говорю о Боге, то всегда имею в виду его образ, созданный человеком. Но никто не знает, как он выглядит и был ли изображенный человек богом⁷².

Такое напоминание о конечных возможностях нашего мышления, о наших богословских учениях, которых не меньше, чем пятен Роршаха, об антропоморфном следе наших психических проекций, о нашем глубоко субъективном прочтении таинств, воспринимаемых через призму культуры и индивидуальных неврозов, — это лишь удобный повод для призыва к смирению, который должен быть вполне понятен.

К сожалению, история теологии — от ветхозаветных пророков до современных телепроповедников — это история высокомерного и самонадеянного представлений об Абсолютном Другом и самообмана. Нам нужно остерегаться тех людей, которые, пообщавшись утром с Богом, лезут к нам в душу, указывая, что является для нас благом, а потом внушают нам, что все наши жалобы появляются из-за отступления от их программы, формируя у нас чувство вины.

Внутренним носителем имаго бога является сущность, которую Юнг

назвал самостью. Таким образом, идея бога имеет отношение не к родителю, как полагал Фрейд, а к нашему стремлению к целостности. Это не значит, что мы стремимся стать Богом, мы лишь хотим достичь такого выражения целостности, которое станет свидетельством нашей божественной сущности. Так как Бог остается Абсолютным Другим или Совершенно Другим (согласно определению Карла Барта), мы не можем знать Бога как такового, но в своем отношении к целостности мы интуитивно предполагаем целостность Совершенно Другого. Роль Эго во всем этом процессе — сотрудничество с тем балансом противоположностей, который лежит в основе нашего видения истины.

Юнг лаконично определил, что причиной невроза является односторонность души. Какой бы ни была абсолютная истина, мы можем воспринимать ее лишь через противоположности; именно об этом иногда забывают святые отцы и проповедники. Маленькие истины легко опровергаются. Но все, что противоположно великой истине, также оказывается истинным. Юнг рассуждал так: «Человеческое Я проявляется в противоположностях и в противоречиях между ними... Следовательно, путь к самости проходит через конфликт»⁷³.

Увы, конфликт вызывает у Эго беспокойство, поэтому мы прибегаем к многочисленным уловкам, чтобы исключить проявления несогласия через вытеснение и диссоциацию, исказив их так, чтобы они соответствовали нашей скрытой программе. Если главной потребностью Эго является безопасность, то его отношение к конечному таинству, то есть к истине Совершенно Другого, содержит в себе скрытую проблему, и нам очень трудно смириться с непохожестью на нас Другого, как мы убедились на примере межличностных отношений. Но Юнг, по существу, предложил понимать внутренний конфликт именно так. Сосредоточившись на этом конфликте — либо в сфере межличностных отношений, либо при нашей встрече с Таинством, — мы со временем придем, если не к полной ясности, то, по крайней мере, к расширению своего понимания. На возражения, что многие конфликты внутренне неразрешимы, Юнг отвечал следующим образом:

Люди иногда придерживаются такого взгляда, так как думают лишь о своих внешних решениях, которые, по существу, вообще не являются решениями... Настоящее решение приходит изнутри и только изнутри, ибо у пациента внутри изменилась внутренняя установка⁷⁴.

Таким образом, в межличностных отношениях главное назначение Другого заключается в том, чтобы *оставаться* Другим, а не превращаться в артефакт импульсов, подвластных Эго. Это может вызвать у Эго тревогу, но такова необходимая предпосылка психологического роста. В греческих трагедиях можно увидеть, что только через страдания мы приходим к мудрости. Никакое Эго не стремится к страданиям, но в каждом конкретном страдании содержится перспектива нашего внутреннего развития, если, конечно, мы сможем перетерпеть его.

Итак, Иов, самый главный и самый известный древний страдалец, постепенно переходит от желания вызывать жалость к встрече с живым и ужасным Богом. Он вовсе не хотел так хорошо узнать Бога. Но у Таинства были другие цели, и Иов стал прототипом всех нас, ибо мы говорим, что хотим отношений с другими, но фактически имеем в виду только те отношения, в которых мы сохраняем возможности управления. Да, независимость Другого действительно внушает страх — неважно, существует ли она в близких отношениях или в отношениях с космосом.

В душе Юнг был глубоко религиозным человеком, прежде всего потому, что много внимания уделял своему личному отношению к Таинству. Еще в детстве ему приснился сон, приведший его в замешательство, — о том, как Бог испражняется на главные башни Базельского Собора⁷⁵. Увидев этот сон, Юнг ужасно испугался и пришел в смятение, так как он был сыном пастора евангелической церкви. Впоследствии Юнг решил, что тот самый «официально признанный» Бог, которому отец посвятил свою жизнь, захотел, чтобы ребенок узнал, что его жизненное странствие будет отличаться от жизни его отца. Таким образом, испражнения бога, если можно так выразиться, открыли Юнгу непосредственный доступ к божественному через энергию сновидений.

Спустя много лет, в 1939 году, в своей речи, обращенной к Гильдии церковных психологов, Юнгу пришлось напомнить своей аудитории, что они слишком часто подменяли реальный дух старыми установками института церкви. Наши предки, заметил он, знали о том, что тишина не молчит, а темнота испускает свет. Тем, кто об этом знает и ждет этого, сакральное посылает сообщения через активизацию тех внутренних имаго, которые снова связывают нас с Таинством. Наши предки знали об этом; именно так происходила их индивидуальная трансформация, а впоследствии они сообщали племени о своих видениях. Когда племя формализовало эти видения с помощью догм и совершения ритуалов, люди забывали, что даже если религиозное переживание не является прямым и личным, оно все же принадлежит кому-то. Слишком часто религиозные

институты подменяли предписанные ритуалы непосредственными религиозными переживаниями. Как нам напоминает Юнг,

...религиозное учение — это вероисповедание, проповедь которого имеет отношение ко всему миру в целом, а значит, становится светским занятием, тогда как смысл и цель религии заключается в установлении связи отдельного человека с Богом (христианство, иудаизм, ислам) или в поиске пути к освобождению и спасению (буддизм)⁷⁶.

Как и воспоминание о детском сновидении, встреча Юнга с Таинством имела форму непосредственного опыта. «Я не *верю*, — писал он, — я просто *знаю* о существовании силы, очень личностной по своей природе, перед которой невозможно устоять. Я называю ее “Бог”»⁷⁷. Такое столкновение с непохожестью Другого утверждает реальность трансцендентной связи, поисками которой мы занимаемся. При максимальной индивидуальности этого переживания его итоговым результатом является та энергия, которая связывает отдельного человека с вневременным странствием души. Так как каждый человек — это генетический носитель религиозного процесса, уникальность каждого индивидуального переживания вносит свой вклад в богатство коллективного переживания Таинства. Вместо того чтобы уравнивать людей, религиозная жизнь должна быть индивидуализирована: не только для того, чтобы обеспечить возможность разнообразия переживаний, но и разной степени проникновения в суть Таинства.

Духовность и душа

Сейчас нам придется пройти испытания и оценить первичную ответственность за свою духовность. В определении нашего отношения к Космическому Другому могут оказаться полезными три показателя.

Первый — это принцип *резонанса*. Так как энергия души невидима, мы можем заметить ее движение только по ее мимолетному воплощению в образах⁷⁸. Таким образным представлением может быть аффект (эмоциональное состояние, в частности, паника, когда страдает бог Пан), физическое ощущение (например, телесное состояние, которое может включать и травму, и стремление души исцелиться), сновидение (которое представляет собой автономную деятельность бессознательного) или же

какие-то внешние явления, будь то горящий куст или рок-звезда. Безусловно, великие религиозные традиции сохранили для нас огромное количество образов, и некоторые из них по-прежнему несут в себе душевную энергию для определенных людей. Каждый из нас должен пробраться через величественные руины и найти те образы, которые нам о чем-то говорят и вызывают в душе определенный отзвук. Активизация нашего внутреннего психического камертона свидетельствует о наличии у нас души. Подобное стремится к подобному. Закон резонанса говорит нам, кто мы такие, что думают о нас, что подходит нам, даже если он сохраняет свое таинство. Но никакие усилия Эго не могут наделить образ таинством, если таинство уже исчезло.

Второе испытание нашей духовности может произойти во время нашего соприкосновения с *глубиной*. Что бы ни затягивало нас в глубину бытия, даже причиняя при этом боль, открывает нам великую правду жизни, протекающую вне исторических рамок и скрытую под слоем повседневности⁷⁹. Душа — это эпифеномен; она вездесуща и сопричастна феноменальным переживаниям. Окунуться в глубины в процессе общения с Возлюбленным, соприкоснуться с собственными глубинами, пережить благоговейный трепет перед Природой — все это истинно религиозные переживания. Взглянуть на невидимый мир, который одушевляет мир видимый, — значит пережить Таинство, которое расширяет сознание.

Третьим принципом является *нуминозность*. Когда Таинство трепещет в нас, мы сознаем, что душа находится не только внутри, но и во внешнем мире. Этот трепет являет автономию души в мире, который хочет с нами соединиться. Такое стремление можно заметить в божественной сущности природных явлений — от движения планет до видимой только в микроскоп пляски жизни. Его можно найти в исторических событиях, в безумствах народных волнений и повседневных встречах с разными людьми. Традиционное приветствие индусов состоит в том, что человек складывает ладони и совершает поклон; смысл этого приветствия заключается в признании и почитании в Другом существующей в нем души.

Эти три модальности, а именно: резонанс, глубина и нуминозность — являются главными признаками присутствия независимого Другого, которого мы называем душой. Мы пришли в этот мир приспособленными к тому, чтобы быть носителями души, реципиентами души и строителями души. Если вообще существует какой-то иной мир — это мир души.

Люди, которым посчастливилось жить в обществе, где созвучные им образы соединяют племя и отдельного человека с миром Таинства — с

космосом, природой, соплеменниками — переживают психическую связь с Другим и обладают самоощущением, основанным на трансцендентном миропорядке. Эти образы являются проводниками в природный мир с его уникальными племенными мифами, а впоследствии помогают членам сообщества совершить переход в мир бессмертия. Более того, такие образы ведут людей через разные стадии их развития, помогая пониманию и принятию закономерностей умирания и возрождения, что характеризует движение к зрелости. И — что самое главное — они обладают чудесной силой, вселяющей в нас ощущение духовного дома в мире, наполненном нескончаемой скорбью. Вот как об этом говорится в строках, принадлежащих неизвестному автору:

Иногда мне хочется себя пожалеть,
И все время
Сильные ветра носят меня по небу⁸⁰.

Эти «сильные ветра» по существу представляют собой движение души через жизненный путь и чувственную сферу человека.

Увы, для большинства из нас возможность быть унесенным такой силой не имеет никакого смысла. Еще Юнг, чаще чем кто-либо иной из наших современников, повторял, что эти «сильные ветра» пронизывают каждого из нас⁸¹. Он напоминал нам о том, что источником этих обобщающих образов, которые вдохновляли наших предков и связывали их с Таинством, является функция символаобразования, имеющаяся у каждого из нас. Из той же таинственной области, откуда появляются наши сны, возникают и образы-посредники, когда мы встречаем таинственного Другого.

С архетипической точки зрения, образ бога возникает из наших собственных глубин. В таком случае бог — это аффективно заряженный образ, возникший в результате нашей встречи с Таинством. Такие образы являются нуминозными; их глубинное мерцание внутри нас активирует резонансный отклик. Они являются Совершенно Другими, ибо мы не имеем над ними никакой власти. Они необъяснимы, ибо они являются продуктами скорее непосредственного опыта, чем познавательного процесса. Они ведут к расширению нашего сознания. И они собирают внутри нас всевозможные метафорические ассоциации. Например, смерть принцессы — это больше чем просто утрата одного человека, больше чем напоминание о конечности жизни; эта смерть порождает широкий спектр

ассоциаций и вызывает резонанс на очень глубоких уровнях психики у самых разных людей.

Как мы знаем, образы, которые выражают глубинные устремления души, могут также конкретизироваться, терять свою ясность и даже исчезать. Нам следует помнить, что образ — это не бог, а лишь оболочка для божественного содержания. По-видимому, все мы склонны к тому, чтобы обожать образ, а не соответствующее ему Таинство. Такое заблуждение превращается в грех идолопоклонства, который порождается нашим тревожным желанием не отпускать от себя Таинство и как-то его удержать. Когда к этому нас побуждает невротическое стремление Эго к безопасности, мы богохульствуем, ибо таким образом стараемся ограничить автономию Таинства. Это похоже на попытку заказать себе конкретный сон или стремление изменить его смысл.

Мне вспоминается одна пациентка, которая каждую неделю приходила на сессию с прекрасно написанным эссе, в котором она анализировала свои сновидения и очень точно определяла их смысл. Когда я предложил ей другую интерпретацию сна, она занервничала и заняла оборонительную позицию. Она стремилась управлять своим внутренним Таинством, так как его автономия угрожала ее слабому Эго.

Таким образом, мы богохульствуем, когда стремимся поклоняться образу, контролировать бога и управлять Таинством. Эта человеческая черта заметна не только в религиозных традициях, но и в нашем обычном желании управлять своими психическими процессами вместо того, чтобы прислушиваться к ним, получать от них энергию и развиваться в диалоге с ними. Тот Другой, которого мы ищем «вовне», является также Другим, существующим «внутри».

Конкретизация образа в историческом процессе или в нашем желании зафиксировать его смысл в приемлемой для Эго форме приводит к известному оксюмору, который называется «смерть Бога». Как может умереть бог, который по определению бессмертен? На самом деле бог не умирает, а исчезает энергия образа, который когда-то воплощал это Таинство. Когда энергия исчезает, остается лишь идолопоклонство по отношению к образу. После распятия последователи Христа увидели, что его могила пуста. Телесная форма, в которой раньше воплощалась его энергия, уже отсутствовала; теперь она активизировалась в их архетипическом сближении с Таинством. Фундаментализм и буквализм в конечном счете ведут к отрицанию души. Когда энергия души утекает в другое место, остаются лишь произведения искусства, реликвии, могилы. В конце концов, образ — это лишь оболочка, в которой когда-то оживало

Таинство. Поклонение оболочке лишено смысла; именно из-за конкретизации исторически насыщенных образов многие из нас теперь лишены возможности соприкосновения с Таинством.

Значит, чрезвычайно важно проследить движение души: как оно появляется, уходит вглубь и возникает в новом образе. Цепляться за старый образ, когда божественное существует всюду, в конечном счете, не слишком религиозно, да и не слишком умно. Этот грех совершает не только официальная религия, но и современная психология. Эрнст Беккер писал:

Все, чего достигла современная психология, так это того, что она сделала внутреннюю жизнь предметом научного исследования, а сделав это, разрушила идею души. Однако именно душа когда-то связала внутреннюю жизнь человека с трансцендентной схемой космического героизма⁸².

Замечание Беккера подводит нас к осознанию того, что, конкретизируя Таинство, мы принижаем его и самих себя. Наши боги съезживаются, так как мы оказались слишком маленькими. Чтобы воссоздать правильное отношение к богам, нам следует признать их автономию и понять, можем ли мы отслеживать их герменевтические изменения. Юнг отмечал, что, покинув Олимп, боги попали в наш кишечник, и результатом их отвержения становятся наша социопатия и душевные болезни:

Мы думаем, что можем поздравить себя с тем, что уже достигли такой высокой степени ясности, вообразив, что оставили всех этих призрачных богов далеко позади. Однако позади нас остались лишь вербальные выражения, а не психические факты, свидетельствующие о рождении богов. Мы по-прежнему находимся в их власти в той же мере, в какой они до сих пор находятся на Олимпе. Сегодня они называются фобиями, навязчивыми состояниями и т. д., то есть невротическими симптомами. Боги превратились в болезни; Зевс теперь правит не Олимпом, а солнечным сплетением, вызывая паразитарные заболевания, о которых можно узнать в кабинете врача, или же нарушения работы мозга у политиков и журналистов, которые невольно распространяют эпидемии психических расстройств на весь мир⁸³.

Юнгианская психология сохраняет ощущение трепетного благоговения перед Таинством и вместе с тем стремится к такой практической деятельности, которая позволяет следовать воле богов и сохранять связь с глубочайшими таинствами Другого. Этот Другой одухотворяет природу и создает наши сновидения, то есть содержание, которое мы никогда не сможем полностью постичь и вместить в себя. Иначе Другой просто не был бы настоящим Другим, не был бы настоящим Таинством.

Трагедия западного мира заключается в том, что боги ушли в потусторонний мир. Мы все это знаем, но все-таки боимся сказать об этом. Поэтому мы пытаемся еще раз наполнить энергией старые образы, а значит, еще больше удалиться от Таинства. Мы отчаянно ищем богов или, стремясь унять боль, вызванную их потерей, спасаемся бегством, страдая фобиями и пагубными пристрастиями, а также попадая в зависимость от других людей. Мы ищем спасения в образе Доброго Волшебника. Вместе с тем, по иронии судьбы, наша жизнь всегда устроена так, что мы уклоняемся от встречи с Другим, либо избегая близких отношений, либо пренебрегая возможностью осознания. В. Х. Оден заметил:

Мы скорее погибнем, чем изменимся.
Мы скорее умрем от страха,
Чем позволим распять себя на кресте повседневности
И позволим умереть нашим иллюзиям⁸⁴.

Почему? Как гласит одно из положений программы «Двенадцать шагов»: «То, чему мы сопротивляемся, следует преодолеть». Несомненно, причиной является наш вездесущий страх, который ограничивает нас и заставляет навязчиво воспроизводить прежние способы мышления и действия. «Дух зла, — пишет Юнг, — это страх и отрицание, это враг, который противостоит жизни в ее борьбе за вечное продолжение»⁸⁵. Только экзистенциальное мужество может позволить нам понять себя, повысить свою значительность в отношении к безмерной вселенной.

Хватит ли у нас отваги, чтобы совершить свое странствие? Сможем ли мы прорваться через воображаемые рамки своего окультуривания и своих комплексов? Эти вопросы обескураживают нас, и ответы на них определяют наше психическое здоровье. Вот что говорит об этом Юнг в автобиографии:

Я часто видел, как люди становились невротиками, если они довольствовались неадекватными или неправильными ответами на вопросы, которые ставила им сама жизнь. Они стремились к успеху, браку, достижению социального положения, славе, но при этом оставались несчастными и страдали неврозами, даже достигнув поставленной перед собой цели. Такие люди страдают какой-то духовной узостью, их жизнь обычно бедна содержанием и лишена смысла. Если они находят путь к духовному развитию и самовыражению, их невроз, как правило, исчезает. Поэтому я всегда придавал столько значения самой идее развития личности⁸⁶.

Честно говоря, большинство из нас осознают, что мы страдаем духовной узостью. В таком случае нам следует задаться некоторыми вопросами, чтобы лучше понять свое положение:

1. Если главная задача первой половины жизни заключается в том, чтобы создать крепкую эго-идентичность, покинуть Маму и Папу, вступить в мир, в котором и нужно работать и формировать отношения с окружающими, то в чем же тогда состоит задача второй половины жизни? В чем, по сути, заключается: наше подлинное призвание? Если в течение первой половины жизни следует получить ответ на вопрос, чего от нас хочет мир, то, наверно, во второй половине жизни нужно ответить на вопрос, чего хочет наша душа?

2. Какая часть непрожитой нами жизни преследует нас, довлеет над нами, осуждает нас? Этот вопроса все мы знаем, но ежедневно уклоняемся от ответа на него. Мы пребываем в ожидании, словно кто-то другой знает ответ и готов нам его предложить. Но ни один человек не знает, что именно действительно нам нужно: ни священники, ни родители, ни спутники, ни терапевты, но нечто у нас внутри точно знает и через наши симптомы выражает свой страх, который проявляется в нашем равнодушии.

3. На какой стадии своего развития мы затормозились? Какие страхи довлеют над нами? Не являются ли они отличительными чертами детства, воспоминаниями о полученных травмах, об ощущении эмоциональной опустошенности или подавленности? Не существует ли у нас тайного согласия с этими страхами, которое до сих пор заставляет нас вести себя по-детски?

4. Чего мы не позволяем сами себе? Где мы потеряли свою страсть, через которую наша истинная сущность стремилась к своему выражению? Получали ли мы в свое время неадекватную поддержку от родителей или

учителей, лишившую нас уверенности в себе? Как получилось так, что мы недостаточно хорошо себе представляли предстоящее нам странствие? Что бы ни уготовила нам судьба — признание, страсть или рутину, — нам следует преодолеть старые парадигмы, сделав все возможное, чтобы оказаться готовым к странствию, к которому призвали нас боги.

5. Как мы определяем, воплощаем и интегрируем свою духовность? Пока наша духовность не будет развиваться осознанно, мы будем жить поверхностно, проявлять зависимое поведение или вступать в конфликт с обществом. Наша духовность — это самая важная сфера в наших отношениях, ибо характер нашей духовности определяет содержание и результат всех отношений.

Конечно, интуитивно мы знаем ответы на эти вопросы, ибо все они определяются телеологией нашей природы. Что-то внутри нас всегда знает, хотя мы даже можем и не знать того, что мы знаем, можем бояться это знать или, как это случилось в старой притче о встрече со смертью в Тегеране, можем упустить то, что всегда существует у нас внутри и добивается нашего признания⁸⁷. Жить, отвечая на эти вопросы, — только так можно узнать свою духовность и свое отношение к Таинству. Нас просят пойти на риск и поставить на карту свое развитие, страсть, отвагу, одиночество и, наконец, рискнуть стать тем, кем мы хотели бы стать по велению богов.

Три поэта, которые общались с богами

Сейчас мы подробнее остановимся на обвинении, которое Эрнст Беккер предъявил современной психологии, об этом мы говорили чуть выше. Трагедия современности заключается в том, что духовенство забыло о психическом, забыло о том, что религиозное переживание, для того чтобы быть подлинным, должно быть индивидуальным. Все психологи забыли о душе, о поиске смысла жизни, о Таинстве, которое творит символы, о том, что именно они являются нашей глубинной реальностью. Давайте обратимся не к работам Юнга и его последователей, а к современному поэту, чтобы найти в его творчестве какие-то отголоски души.

Главная задача литературы эпохи модерна и постмодерна заключалась в том, чтобы отразить процесс развенчания старых иерархических институтов, с одной стороны, и трудности жизни без связанных с ними мифов, с другой. Поэтому о современных духовных противоречиях чаще

можно узнать от художника, который изображает душевные глубины, чем от священника или врача.

Из множества самых звучных голосов, в которых слышится это противоречие, я хочу выделить следующих трех поэтов: Уоллиса Стивенса, Харта Крейна и Райнера Марии Рильке. Творения каждого из них — это само по себе исследование, свидетельствующее о глубоких религиозных чувствах, хотя зачастую эти чувства находят свое выражение в светских, мирских метафорах. (Сюда же я мог бы включить Йетса, Элиота и многих других.)

Уоллис Стивенс

В одном из своих стихотворений⁸⁸ Уоллис Стивенс описывает женщину, которая воскресным утром сидит за чашечкой кофе и читает газету. Она погружена в размышления, и перед ней встают образы ее детства:

... через моря, вплоть до молчащей Палестины,
простирается царство крови и могил.

Вместе с тем поэт задается вопросом, что заставило душу этой женщины открыться образам, которые сейчас для нее мертвы.

Что же это за божество, если оно может явиться
Только в снах и в молчанье теней?

Она приходит к выводу, что божество «должно жить у нее внутри». Стивенс верит, что божество существует, оно находится внутри и открывается в переживании, однако его больше нельзя найти в покинутых богами оболочках. Поэт рисует в своем воображении:

Буйное и податливое кольцо мужчин
Устроит оргию воскресным утром.
Их неистовое поклонение солнцу
Не как богу, но как богу, каким он мог быть,—
Обнаженным среди них, как дикое начало.

Главная мысль этого стихотворения содержится в строчке: «Не как богу, но как богу, каким он мог быть, — обнаженным среди них...» Это явно современное ощущение. Изначальное переживание таинства природы на анимистической стадии развития цивилизации воплощалось непосредственно в виде божества. Позже эта божественная энергия покидает оболочку, и участник оргии чувствует себя покинутым. Однако Стивенс, который является посткантианцем и постницшеанцем, верит в то, что можно феноменологически переживать божественность этого мира, но это переживание можно выразить только в метафорах, существующих в сознании. Перечитайте снова и снова этот фрагмент — и вы ощутите, как его содержание тонет в одной строке: «Не как богу, но как богу, каким он мог быть, — обнаженным среди них».

Такое осознание метафоричности образа позволяет поэту избежать конкретизации, которая является ловушкой, расставленной фундаментализмом и психозом. У Стивенса везде присутствуют резонанс, глубина и нуминозность. Признание непохожести Другого заставляет его осознанно использовать языковую конструкцию предположения, чтобы не ограничивать автономию Другого. Это противоречие, таким образом, повторяет ситуацию, которая, как мы предполагаем, существует и в близких отношениях. Позволить Другому быть Другим — это непростая задача, но это единственный путь к тому, чтобы его любить. Это верно и в отношении богов, ибо нам хочется приблизиться к большинству из них.

Харт Крейн

Заключительная строфа поучительного стихотворения Харта Крейна «Путешествия» характеризуется особой глубиной и эллиптичностью. Она не поддается легким интерпретациям, ее трудно перевести на язык прозы:

О, Времена, безграничные и ужасные, сделайте нас
бессмертными.
О, галеоны певцов в пламенеющем Карибском море,
Не везите нас к земным берегам, пока
Из глубины нашей могилы не получите в ответ
Проблесков рая в широко открытых глазах тюленя⁸⁹.

Крейн ставит вопрос не о трансцендентности нашего земного состояния, а о том, что, оказавшись связанными временем, мы попали в

плен этого состояния со всеми его превратностями и эмоциональными «временами года», и большинство из нас полно благоговейного трепета. Трепет считается высшим религиозным переживанием. Трепет — это подлинное переживание другого как истинного Другого. Каждый человек, становясь родителем, чувствовал этот трепет. Точно так же мы застываем в оцепенении в присутствии Возлюбленного (или Возлюбленной). И — более того — мы наполняемся трепетом, ощущая глубину космического пространства, признавая безмерность этого Космического Другого.

Ключевая метафора этого стихотворения Крейна описывает жизнь как путешествие, и существует множество других современных примеров использования этой архетипической идеи. Так как больше не существует социальных институтов или мировоззрения, которые опирались бы на твердую основу, мы ощущаем себя изгнанниками или странниками. Действительно, можно сказать, что дом нашего современника — это и есть странствие. Этот дом — галеон певцов, плывущий по морским просторам, воспламененный страстями, наполняющими наши паруса и влекущими нас туда, куда дует ветер. Но Крейн не стремится к берегу, где он может обрести свободу и безопасность; он хочет остаться на бескрайних просторах души. Если странствие — это наш дом, то он хотел бы, чтобы странствие продолжалось.

О конечном пункте нашего странствия говорится в емкой завершающей строке: «Проблесков рая в широко открытых глазах тюленя». Перед нами — эфемерным творением природы, похожим на брызги и пену морских волн, стоящим с широко раскрытыми глазами, — предстает все величие и весь ужас космоса. Это творение живет без осознания, без определенности, глядя на глубинную непохожесть на него Другого, то есть взирая на проблески рая. (Здесь мне вспоминаются часто цитируемые строки Джона Китса: «В прекрасном — правда, в правде — красота, / Вот знания земного смысл и суть»⁹⁰.) Радикальное желание позволить себе просто быть вместо того, чтобы контролировать себя, требует великого мужества и свидетельствует об окончательном признании Таинства.

Райнер Мария Рильке

С моей точки зрения, Райнер Мария Рильке был художником, очень глубоко погруженным в духовное состояние современного общества. Очень многие его стихотворения свидетельствуют об ужасающей прелести бессознательного. Он последовательно отказывается называть и материализовать таинство Другого, а также привязываться к нему

независимо от того, кем является этот Другой: чьим-то любовником или кем-то из богов. Среди множества его произведений, на которые можно сослаться, в данном случае особенно подходит следующее:

Настало время, чтобы боги вышли
Из обжитых вещей...
И стены в моём доме, словно книгу,
Перелистнули. Новая страница...
О боги, боги!
Вы, приходящие, вы, спящие в вещах,
Встающие с зарею, чтобы в реках,
Что снятся нам, омыть лицо и шею,
Легко свою вливающие силу
В жизнь, что нам полной кажется до края.
Пусть снова будет ваше утро, боги.
Мы повторяем. Вы же начинали.
Мир с вами восстает, и вновь сияет
В разломах наших неудач начало⁹¹...

(Перевод Евг. Борисова)

Миф — это невидимая плоскость, которая поддерживает видимую сознательную жизнь. Если мы чувствуем присутствие мифов и ощущаем их, то мы ощущаем и свою основу, и связь с окружающим миром. Но если Другой Мир действительно является таковым, нашему духовному чувству требуется настройка. Находясь в окружении артефактов, иллюзорных и соблазнительных сирен поп-культуры, мы должны найти решение стоящей перед нами задачи: интуитивно ощутить присутствие богов и освободить свою душу от этой обманчивой поверхностной оболочки.

Боги всегда находятся рядом с нами, хотя мы можем их не замечать. Иисус сказал: «Царство Небесное простирается по всей земле, а люди его не видят»⁹². А раз так, то все, что мы ищем, уже находится здесь, покоится в глубинах, скрываясь за тем, что лежит на поверхности. Боги появляются из-за фасада, из-под земли, и тот, кто имеет глаза, их видит. К тому же они часто могут нарушать и даже разрушать сознательные установки. Боги могут разрушить нашу старательно построенную жизнь и развеять ее по ветру. Каждый человек, ощущавший реальность психики, очень хорошо знает революционную мощь таких энергий.

Кто из нас не раздумывал над тем, где сегодня находятся боги? Почему они не появляются в горящем пламени, не вещают из смерча, не вдохновляют новых пророков? Но для Рильке боги *существуют*. Они по-прежнему скрываются в глубине всего сущего и всегда могут вызвать у нас потрясение. Юнг как-то сказал:

Бог — это имя, которым я называю все, что насильно и безжалостно препятствует моему волеизъявлению, все, что опровергает мои субъективные взгляды, планы и намерения и изменяет к лучшему или худшему мой жизненный путь⁹³.

Таково глубинное описание божества как Космического Другого, обладающего собственной волей и способностью разрушить наш сознательно намеченный курс.

Вывод Рильке — это гимн богам, в котором звучат и вопрос, и побуждение, и желание осознать всю глубину встречи с ними. Боги являются источником всего сущего, включая нас самих, и могут даже помочь нам исправить наши неудачи, сделать нас более сильными и способными осознать свои недостатки. Будучи энергией космоса или Первого Другого, они являют собой силы, вызывающие душевные потрясения и таким образом расширяющие и углубляющие нашу душу.

Эти краткие примеры лишь в малой степени отражают те разнообразные формы и способы, в которые облекается в наше время процесс поиск души. Поэты, которых мы цитировали выше, почувствовали себя неуютно в отсутствие племенных мифов, прочной, фундаментальной стабильности наших институтов и духовных координат, которые могли бы сделать их жизненный маршрут понятным, а жизненный путь — предсказуемым. Оказавшись одни на широких просторах своего душевного океана, они научились ценить свое странствие, видя в нем собственный дом. Они отвергли желание жить догмами и соблазнительное стремление ограничить Таинство разумом. Они предпочли неоднозначность метафоры, ее выход за пределы той бессмысленной определенности, которая заставляет скрываться богов.

Как уже говорилось, Фрейд обесценил религиозный импульс, низведя его до регрессивного желания контролировать вселенную (и такая мотивация у нас действительно существует). Но Юнг понял, что под этими универсальными инфантильными желаниями лежит нечто гораздо более глубокое: стремление придать смысл нашему мимолетному земному путешествию. В приведенных выше стихотворных строках поэты не стали

считать вселенную своим родителем. Они нашли в себе мужество позволить Другому быть совершенно Другим. Их видение лишило их покоя и безопасности, зато придало им достоинство и помогло найти смысл жизни. Их отношение к противоречиям нашего современного существования нельзя назвать регрессивным, как предсказывал Фрейд: оно позволило им погрузиться еще глубже в жизнь и ощутить более глубокий уровень связи с Таинством.

Существует выражение, которое полностью описывает эту установку поклонения Другому, — *благоговейный трепет*. Существует слово, характеризующее позицию человека, который, сталкиваясь с зыбкой неопределенностью, не отступает от нее, и это слово — *мужество*. Существует слово для ощущения почтения к непохожести Другого, и это слово — *любовь*.

Прошлой ночью, когда я спал,
Мне приснилось — изумительная ошибка! —
Что вот здесь, прямо у меня в сердце
Был Бог⁹⁴.

*

Когда ты согласишься, ты тотчас увидишь меня —
Ты найдешь меня в крошечном домике времени...
Ученик, скажи мне, что такое Бог?
Он — дыхание в дыхании⁹⁵.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ДВЕ БЕССОННИЦЫ

Когда я с тобой, мы всю ночь не спим,
Когда тебя нет, я не могу сомкнуть глаз.
Воздадим хвалу Богу за эти две бессонницы!
И за различие между ними.

Руми

Ранее я честно предупреждал читателя, что мои слова могут его разочаровать и что мне самому не нравятся причины, по которым я их пишу. Возможно, их единственное достоинство заключается в том, что, несмотря на наши сердечные порывы, они все-таки правдивы. Совершенно очевидно, что Доброго Волшебника все же не существует, что мы оскверняем взаимоотношения своим собственным психическим мусором, что наилучшие взаимоотношения, которые мы сможем выстроить с Самым Близким Другим, с корпоративным Другим и с Совершенно Другим, зависят прежде всего от нашего отношения к себе. Если все это правда — а я верю, что это правда, — то наилучшее, что мы можем сделать для тех, кого любим, да и для всего мира тоже, — это отказаться от своих проекций и сознательно приспособить их к своему индивидуальному странствию. Но кто хочет об этом слышать?

Так что давайте, скажите, что все это слишком заумно, слишком рационально, слишком требовательно, слишком цинично, даже элитарно. Прочитайте высказывание философа XVII века Блеза Паскаля, что сердце понимает то, о чем молчит разум. И вы будете совершенно правы и окажетесь в подавляющем большинстве.

Однажды после семинара, посвященного межличностным отношениям, ко мне подошла очень приятная женщина и показала поздравительную открытку. На ее обложке была изображена карикатура энергичной и полной энтузиазма женщины, которая улыбалась, жестикулировала одной рукой, а в другой держала чашечку кофе; при этом она говорила следующее:

Я не нуждаюсь в мужчине, который бы показывал мне, кто я такая, или заполнял бы какие-то пустоты в моей жизни. Я

чувствую себя сильной и независимой. Мне не нужен никто в качестве эмоционального костыля, чтобы ковылять с ним по жизни. Я сама — это остров, который снабжает меня всем, что требуется для счастливой и полноценной жизни. Я нахожусь в гармонии с самой собой и с вселенной.

Внутри открытки была всего одна строчка: «Боже, как я одинока!»

И вспомним надпись над столом администратора Общества К.Г. Юнга в Онтарио: «Внутреннее бракосочетание — это прекрасно, но, к сожалению, ночью оно не греет мне ноги».

После семинара в Нью Джерси одна леди подошла ко мне, буквально грозя кулаком, со словами: «Я совершенно согласна с тем, что вы сказали, но все-таки я верю в любовь». Я стал рыться в своей памяти, чтобы понять, в каких моих высказываниях можно было усмотреть отрицание любви. Вообще-то я всегда «за любовь» и уверен, что это ясно всем, кто читает эти строки, и как раз поэтому я за то, чтобы прояснить возможные препятствия, которые возникают на ее пути. Я подозреваю, что если я каким-то образом покусился на священную корову романтизма, на священную корову проекций, на священную корову Доброго Волшебника, то никогда не буду прощен за эти преступления.

Хорошо, спросите вы, а есть ли вообще какое-то место, какие-то законные основания для проявления человеческого влечения, сочувствия, эмпатии? Конечно, есть. Это целительный дар, который позволяет нам ощутить сострадание к нашим спутникам, когда им больно, продемонстрировать им свою неизменную поддержку и доверие, когда жизнь их подвела, приободрить их на том опасном пути, который проходит рядом с нашим. Несомненно, что мы — слабые и смертные существа — всегда уязвимы, находимся в полной власти непредсказуемой вселенной и ищем возможность остановиться. Такое желание очень типично для человеческой природы и проявляется всегда и во всем. Но когда оно начинает бессознательно доминировать в нашем поведении и управлять им, мы оказываемся в плену зависимостей и регрессивных изменений, которые в конечном счете не дают возможности развиваться ни нам самим, ни нашему партнеру, заставляя его удовлетворять наши потребности, ни обществу, благополучие которого зависит от психического здоровья составляющих его взрослых людей.

Я очень ценю работу психологов, которые занимаются психотерапией семейных пар. Я знаю, что они действительно делают много полезного, работая с разрушившимися человеческими отношениями. Любую помощь в

этой сфере следует приветствовать. Вместе с тем у меня есть ощущение, что в желании поменять партнера кроется тайная или неосознаваемая фантазия, что Другой как-то поможет исцелить наши старые травмы. Это все та же старая фантазия о Добром Волшебнике, от которой совершенно невозможно избавиться. Хотя бывает полезно как можно лучше узнать потребности каждого партнера, я все-таки утверждаю, что каждый из нас все-таки знает, в чем заключается наша работа. И такая работа — наконец начать отвечать за себя и свои поступки — действительно оказывается весьма обременительной.

Эти рассуждения никоим образом не снижают ценность человеческих отношений. Другие люди нужны нам для того, чтобы с ними общаться, чтобы увидеть себя в отраженном от них свете, и мы нужны им по тем же причинам. У Юнга, как всегда, есть важное высказывание на эту тему:

У человека, который не взаимодействует с другими людьми, отсутствует целостность, ибо он может достичь состояния целостности только через свою душу, а душа не может существовать без своей другой стороны, которая всегда находится у Тебя. Целостность — это комбинация Я и Ты, и тогда они оказываются частями трансцендентного единства⁹⁶.

Поясняющее замечание к приведенному выше фрагменту текста выглядит следующим образом:

Разумеется, я имею в виду не синтез и не отождествление двух отдельных людей, а осознанное объединение Эго со всем, что было спроецировано на Ты. Таким образом, целостность — это продукт внутреннего психического процесса, в существенной степени зависящего от отношения одного человека к другому. Отношения прокладывают путь к индивидуации, делая ее возможной, но сами по себе не служат доказательством целостности⁹⁷.

Замечание Юнга кажется достаточно простым, однако в нем есть нюансы, заслуживающие более подробного обсуждения. Если мы ведем уединенную жизнь, оказавшись в изоляции от других людей, то в конечном счете можем обрести уверенность в том, что мы представляем собой целый космос, не иначе. Это универсальное человеческое заблуждение, вечный соблазн антропоморфизма, этноцентризма и эгоцентризма:

вселенная простирается не далее конца моего носа. Но когда Другой настаивает на том, чтобы быть Другим, тогда оказывается, что моему эгоцентричному взгляду на мир брошен вызов. Если я его не отрицаю и не избегаю, то мне приходится расширить свое ощущение реальности. Как ни велик дар проявления заботы и сострадания, самым ценным даром для любых отношений оказывается желание вступить в диалог с Другим, который, в свою очередь, может привести к обретению большей индивидуальной свободы. Диалог с Другим, каким бы неприятным или болезненным он ни был, становится катализатором процесса индивидуации.

Вместе с тем Юнг придавал большое значение внутреннему напряжению противоположностей и настаивал на принципиальной значимости встречи с внутренним Другим, на диалоге между Эго и историей, между Эго и комплексом, между Эго и Самостью. Насколько необходима встреча Эго с окружающим миром, в процессе которой происходит формирование наших отношений с родителями, с товарищами, с организациями, настолько же обязательна встреча с тем Другим, которым мы тоже являемся, Другим, который одновременно знакомый и чужой, который знает нас и не только нас, который формирует наши сновидения, наши аффекты и наши симптомы.

Когда в процессе терапии люди вступают в этот внутренний диалог, работая с активным воображением или со сновидениями, они больше узнают об этом Другом. Придет время, и они поверят даже в то, что этот Другой, которым они отчасти являются, иногда знает, как им лучше всего поступить.

Цель любой жизни, будь это корневище, которое стремится стать растением со стеблем и листьями, или эмбрион, который стремится стать человеком, обладающим душой, — это целостность. В приведенном выше отрывке Юнг ясно высказал мысль, что целостность всегда зависит от отношения противоположностей, Я и Ты. Если мы признаем сакральную ценность Другого, будь это другой человек или часть нашего Я, этот Другой становится Ты. Вспомним два изречения, начертанных на внешних и внутренних воротах храма Аполлона Дельфийского: «Познай себя» и «Ты — творение». Эти две отдельные реальности парадоксально раскрываются как разные аспекты одной сущности. Неважно, в чем противоположности противоположны: духовное и телесное, мужское и женское, человеческое и божественное. Ощущать их как аспекты единой, всеобъемлющей реальности — значит ощущать целостность. А указание на целостность, даже преходящую абсолютно религиозно, ибо в этом состоянии человек

ощущает связь, почитая противоположности, и одновременно познает трансценденцию.

Такие мгновенные видения целостности либо в образе Возлюбленного, либо как Космического Другого существуют вне чистой логики. Только символы, метафоры и образы помогают ощущать невысказанное и невыразимое. Это символическая эпифания — явление бога в самых удивительных местах: во время встреч с Возлюбленным (или Возлюбленной), при молчаливом созерцании вечности, при ликовании после победы в семейном сражении или при внезапном угасании страсти. Когда возникает ощущение этого трансцендентного единения, даже мимолетное, мы становимся такими, какими нас замыслили боги, и предстаем перед самостью. Так как самость содержит священную энергию космоса, то в такие моменты мы предстаем и перед Божеством. Этим сказано все, и больше нечего добавить, да и незачем.

Опять хочу повторить, что при странствии через эти тернии поэт нам может помочь больше, чем священник или врач. Так же как Стивенс, Крейн и Рильке, поэтесса из Торонто Кэти Уэйн в своем стихотворении под названием «Обычное» рассказывает нам о том, где можно найти трансцендентное:

Не думайте,
Что божествам, которые ходят,
Или ангелам, которые летают на своих огромных,
Обремененных мудростью крыльях,
Требуется откровение:
Все происходит обычно⁹⁸.

Мы могли бы найти божественное даже в нашем возлюбленном Другом, или же в остатках депрессии, или в ошеломляющей встрече с внутренним Другим. Что-то древнее у нас внутри знает это, хотя мы сами об этом забыли.

В процессе моего общения с другими людьми мне везло в том, что удавалось что-то почерпнуть для себя, хотя не без определенных издержек. Одна из таких встреч состоялась недавно с моим другом Питером Грантом, который познакомил меня с мыслями пастора Генри Ноуэна. В своей книге «Дневник бытия» Ноуэн рассказывает о своем пребывании в траппистском монастыре в течение семи месяцев. Он пишет:

Моим первым намерением было — и оставалось много дней — соединить любовь с чем-то особенным у меня внутри, что сделало бы меня способным любить. Если люди относятся ко мне дружелюбно, то, проявляя доброту, я чувствую себя счастливым, так как думаю, что их влечет именно ко мне и именно меня они по-своему любят. Здесь эта более или менее осознанная установка вызвала у меня некоторое беспокойство, когда монах, который был добр и дружелюбен со мной, оказался таким же добрым и дружелюбным со всеми остальными. Поэтому мне стало трудно поверить в то, что он любит именно меня, поскольку он никак не выделял меня среди всех прочих...

Для меня очень важно было уяснить, каким ограниченным, несовершенным и слабым оказалось мое понимание любви, не только умозрительное понимание, но и понимание ее проявлений в моих эмоциональных реакциях на конкретные ситуации...

Когда мы обретаем свою собственную уникальность в любви к Богу и можем утверждать, что мы действительно способны любить, ибо таким образом через нас проявляется Божественная любовь, тогда мы можем обратиться к другим — в ком мы открыли новое и уникальное проявление такой же любви — и вступить в с ними близкие отношения⁹⁹.

Мой друг Питер, который упорно пытался разгадать парадокс, что значит любить и быть любимым, написал такой комментарий к запискам Ноуэна:

Если бы я принял тот факт, что Бог любит меня безусловно, «не дергая за ниточки», мне не нужно было бы искать поддержки у окружающих. Я был бы способен «быть» самим собой и стремиться к другим и вступать с ними в близкие отношения... Когда в нас ослабевает такая вера, мы становимся жертвами своих мыслей о том, что нас действительно не любят и что нам необходимо заслужить любовь других. Если вся любовь идет от Бога и начинается с Бога, то создается совершенно иная перспектива в отношении того, что значит любить других и быть ими любимым¹⁰⁰.

Парадокс, как выразился Питер, состоит в том, что какой бы ни была

энергия любви, ее нельзя заслужить и заработать, ее нельзя принудить, ею нельзя управлять. Такую энергию можно только ощущать, разделять и видеть ее проявления. Такая энергия — это действительно «незаинтересованная» любовь, она не нуждается в конструировании особого, оберегающего отношения Другого. Она позволяет сущности Другого *оставаться* Другой. Она не заставляет нас подчинять Другому свою обособленность и свою психологическую интегрированность, чтобы добиться от него чего-то в ответ. Она также позволяет нам быть свободными.

Но это легко сказать. Старая программа дает о себе знать. Две бессонницы Руми делают ночи беспокойными. Требуется чертовски много мужества, чтобы самому за себя отвечать. И как часто это мужество тоже одиноко.

Кардинал исчез на целый месяц. Я стал думать, что он, наверное, нашел себе подругу или, по крайней мере, понял, что не стоит биться головой о стеклянную стену. Но нет, он вернулся. И снова несколько раз в день он подлетает к окну, несмотря на прозрачные границы, стоящие на пути его влечения. Может быть, наступит день, когда он поймет, что не нужно быть таким глупым, как мы. Может быть, наступит день, когда он прорвется через вуаль иллюзии, которая соблазняет всех нас.

Его работа — это наша работа; его страдания — наши страдания; его тоска — наша тоска. Несмотря на наши различия, мы осознаем себя этой птичкой и, оказавшись, как и она, в плену своих многочисленных желаний, мы волей-неволей должны уединиться и осознанно страдать, даже только затем, чтобы увидеть эту неугасающую страсть ее хрупкого и страстного сердца, да и нашего тоже.

ГЛОССАРИЙ ЮНГИАНСКИХ ТЕРМИНОВ

Амплификация (Amplification) — метод интерпретации, развитый Юнгом и заключающийся в том, что образы или мотивы сна конкретного пациента расширяются, проясняются и наполняются смыслом посредством сравнения их с аналогичными образами из мифологии, фольклора или религии.

Анима (Anima) (*лат.* душа) — бессознательная женская часть личности мужчины. В сновидениях анима воплощается в образе женщин. Спектр персонажей очень широк — от проститутки и соблазнительницы до духовной наставницы. Анима несет в себе закон Эроса и подчиняется ему, поэтому развитие мужской анимы отражается в отношении мужчины к женщине. Идентификация с анимой может проявляться в подверженности перепадам настроения, в изнеженности и чрезмерной чувствительности. Юнг называл аниму архетипом самой жизни.

Анимус (Animus) (*лат.* дух) — бессознательная мужская часть личности женщины. Он подчиняется закону Логоса. Идентификация с анимусом проявляется у женщины в жесткости, стремлении отстаивать свою точку зрения и склонности к аргументации. Говоря о позитивной стороне анимуса, можно представить его как внутреннего мужчину, который, подобно мосту, соединяет Эго женщины с творческими ресурсами ее бессознательного.

Архетипы (Archetypes) — понятие, которое трудно представить конкретно, но воздействие архетипов проявляется в сознании в качестве архетипических образов и идей. Это универсальные паттерны или мотивы, которые всплывают из коллективного бессознательного и являются основой религий, мифов, легенд и сказок. В психике человека они возникают в снах и видениях.

Комплекс (Complex) — эмоционально заряженная совокупность идей и образов. В «центре» комплекса находится архетип или архетипический образ.

Констелляция (Constellation) — о констелляции (возбуждении, активном состоянии) комплекса свидетельствует сильная эмоциональная реакция на человека или ситуацию.

Эго (Ego) — центральный комплекс, существующий в поле сознания.

Сильное Эго может объективно относиться к возбужденному содержанию бессознательного (то есть к другим комплексам), а не идентифицироваться с ним.

Чувство (Feeling) — одна из четырех психических функций в юнгианской модели типов личности. (Другими являются мышление, ощущение и интуиция.) Это функция, с помощью которой человек оценивает ценность отношений и ситуаций. Чувство следует отличать от эмоций аффектов, возникающих при активации комплекса.

Индивидуация (Individuation) — осознание человеком своей уникальной психологической реальности, включающей в себя как его сильные, так и слабые стороны. Индивидуация приводит к тому, что регулирующим центром психики становится Самость.

Мистическая сопричастность (Participation mystique) — примитивные бессознательные связи, в которых человек не может отличить себя от других людей или даже предметов. Это то, что лежит в основе феноменов идентификации и проекции.

Персона (Persona) (от *лат.* маска актера) — социальная роль человека, обусловленная его воспитанием и общественными ожиданиями. Персона бывает полезна для облегчения контактов с другими людьми и как средство защиты, но идентификация с конкретной персоной (врач, учащийся, артист и т. п.) тормозит психологическое развитие личности.

Проекция (Projection) — естественный процесс, в котором бессознательная характеристика самого человека воспринимается им как качество внешнего объекта или другого человека.

Самость (Self) — архетип целостности и регуляторный центр психики, переживаемый как нуминозная энергия, выходящая за пределы Эго (например, Бог).

Тень (Shadow) — преимущественно бессознательная часть личности, характеризующаяся как позитивными, так и негативными чертами и установками, которые сознательное Эго часто отвергает или игнорирует.

Символ (Symbol) — наилучшая форма выражения для чего-то малоизвестного. Символическое мышление нелинейно, имеет отношение к правому полушарию и комплементарно линейному логическому мышлению, относящемуся к левому полушарию.

Синхрония (Synchronicity) — акаузальное значимое совпадение между событием во внешней жизни и психологическим состоянием человека.

Трансцендентная функция (Transcendent function) — примиряющая новая перспектива, возникающая из бессознательного (в виде символа или новой установки) после того, как конфликтующие противоположности

были сознательно дифференцированы и между ними сохранилось определенное напряжение.

Перенос и контрперенос (Transference and countertransference) — особые разновидности проекций, которые обычно используются для описания бессознательных эмоциональных связей, возникающих в аналитических или терапевтических отношениях между аналитиком и пациентом.

ЛИТЕРАТУРА

- Auden, W.H. *Collected Poems*. New York: Random House, 1976.
- Becker, Ernest. *Escape from Evil*. New York: MacMillan, 1985.
- Bertine, Eleanor. *Close Relationships: Family, Friendship, Marriage*. Toronto: Inner City Books, 1992.
- Bly, Robert, ed. and trans. *The Soul Is Here for Its Own Joy: Sacred Poems from Many Cultures*. Hopewell, NJ: Eco Press, 1995.
- Bly, Robert; Hillman, James; and Meade, Michael, eds. *The Rag and Bone Shop of the Heart: Poems for Men*. New York: Harper Collins, 1992.
- Buber, Martin. *I and Thou*. Trans. Walter Kaufmann. New York: Scribner, 1970.
- Campbell, Joseph. *This Business of the Gods*. In *Conversation with Fraser Boa*. Caledon East, Ontario: Windrose Films, 1989.
- Carotenuto, Aldo. *Eros and Pathos: Shades of Love and Suffering*. Toronto: Inner City Books, 1989.
- Davis, Keith E. «Near and Dear: Friendship and Love Compared.» In *Psychology Today*, vol. 19, no.2 (Feb. 1985).
- Dunn, Stephen. *New and Selected Poems, 1974–1984*. New York: W.W. Norton and Co., 1994.
- Ellmann, Richard, and O'Clair, Robert, eds. *Modern Poems: An Introduction to Poetry*. New York: W.W. Norton and Co., 1976.
- Faulkner, William. «A Rose for Miss Emily.» In *Collected Stories*. New York: Random House, 1956.
- Fitzgerald, Penelope. *The Blue Flower*. New York: Houghton-Mifflin, 1995.
- Flores, Angel, ed. *An Anthology of German Poetry from Holderlin to Rilke*. New York: Doubleday Anchor, 1960.
- Freud, Sigmund. *The Future of an Illusion*. New York: W.W. Norton and Co., 1961.
- The Gospel According to Thomas*. New York: Harper and Brothers, 1959.
- Hahn, Fred. «On Magic and Change.» In *Voices*. October 1975.
- Hanna, Edward. «The Relationship between the False Self Compliance and the Motivation to Become a Professional Helper.» In *Smith College Studies in Social Work*, vol. 18, no.3 (1990).
- Hollis, James. *The Middle Passage: From Misery to Meaning in Midlife*. Toronto: Inner City Books, 1993.
- Hollis, James. *Swamplands of the Soul: New Life in Dismal Places*.

Toronto: Inner City Books, 1996.

Hollis, James. *Tracking the Gods: The Place of Myth in Modern Life*. Toronto: Inner City Books, 1995.

Hollis, James. *Under Saturn's Shadow: The Wounding and Healing of Men*. Toronto: Inner City Books, 1994.

Hopkins, Gerard Manley. *A Hopkins Reader*. Ed. John Pick. New York: Doubleday, 1966.

Homey, Karen. *Neurosis and Human Growth: The Struggle toward Self-Realization*. New York: W.W. Norton and Co., 1991.

Jacoby, Mario. *The Analytic Encounter: Transference and Human Relationship*. Toronto: Inner City Books, 1984.

Jung, C.G. *The Collected Works* (Bollingen Series XX). 20 vols. Trans. R.F.C. Hull. Ed. H. Read, M. Fordham, G. Adler, Wm. McGuire. Princeton: Princeton University Press, 1953–1979.

Jung, C.G. *Letters* (Bollingen Series XCV). 2 vols. Ed. Gerhard Adler and Aniela Jaffe. Princeton: Princeton University Press, 1973.

Jung, C.G. *Memories, Dreams, Reflections*. Ed. Aniela Jaffe. New York: Pantheon Books, 1961.

Kafka, Franz. *The Diaries of Franz Kafka, 1914–1923*. Trans. Martin Greenberg. Ed. Max Brad. London: Secker and Warburg, 1949.

Kean, Sam, and Valley-Fox, Anne. *Your Mythic Journey*. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, Inc., 1989.

Kunkel, Fritz. *Selected Writings*. Ed. John Sanford. Mahwah, NJ: Paulist Press, 1989.

Lackie, Bruce. «The Families of Origin of Social Workers.» In *Clinical Social Work Journal*, vol. 32, no.1 (1983).

MacLeish, Archibald. *Poems, 1924–1933*. New York: Houghton-Mifflin, 1933.

The Norton Anthology of Poetry. Ed. Alexander Alison et al. 3rd ed. New York: W.W. Norton and Co., 1970.

The Norton Introduction to Poetry. Ed. J. Paul Hunter. New York: W.W. Norton and Co., 1991.

Nouwen, Henri. *The Genesee Diary*. New York: Doubleday, 1989.

Pascal, Blaise. *Pensees*. New York: E.P. Dutton and Co., 1958.

Plato. *The Republic*. 2nd. ed. Trans. Desmond Lee. Harmondsworth, U.K.: Penguin Books, 1974.

Plato. *The Symposium*. Trans. W.R.M. Lamb. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961.

Qualls-Corbett, Nancy. *The Sacred Prostitute: Eternal Aspect of the*

Feminine. Toronto: Inner City Books, 1988.

Riemann, Fritz. *Grundformen der Angst*. Munich: E. Reinhardt, 1977.

Rilke, Rainer Maria. *Ahead of All Parting: The Selected Poetry and Prose of Rainer Maria Rilke*. Trans. Stephen Mitchell. New York: Modern Library, 1995.

Rilke, Rainer Maria. *Duino Elegies*. Trans. C.F. McIntyre. Berkeley: University of California Press, 1963.

Rilke, Rainer Maria. *Rilke on Love and Other Difficulties*. Ed. John Mood. New York: W.W. Norton, 1975.

Sanford, John A. *The Invisible Partners: How the Male and Female in Each of Us Affects Our Relationships*. New York: Paulist Press, 1980.

Sanford, John A. *The Man Who Wrestled with God*. Mahwah, NJ: Paulist Press, 1987.

Sharp, Daryl. *Getting To Know You: The Inside Out of Relationship*. Toronto: Inner City Books, 1992.

Sharp, Daryl. *Jungian Psychology Unplugged: My Life As an Elephant*. Toronto: Inner City Books, 1998.

Sharp, Daryl. *The Survival Papers: Anatomy of a Midlife Crisis*. Toronto: Inner City Books, 1988.

Tillich, Paul. *Dynamics of Faith*. New York: Harper and Row, 1956.

Tillich, Paul. *The Shaking of the Foundations*. New York: Charles Scribner and Sons, 1948.

von Franz, Marie-Louise. *Alchemy: An introduction to the Symbolism and the Psychology*. Toronto: Inner City Books, 1980.

von Franz, Marie-Louise. *C.G.Jung: His Myth in Our Time*. Trans. William H. Kennedy. Toronto: Inner City Books, 1998.

von Franz, Marie-Louise. *Projection and Re-Collection in Jungian Psychology*. Trans. William H. Kennedy. La Salle, IL: Open Court, 1980.

von Franz, Marie-Louise. *Puer Aeternus: A Psychological Study of the Adult Struggle with the Paradise of Childhood*. 2nd ed. Santa Monica: Sigo Press, 1981.

Winnicott, Donald W. *The Maturation Process and the Facilitating Environment*. New York: International Universities Press, 1965.

notes

Примечания

*

Золотые звезды в окнах домов означали, что живший в этом доме солдат погиб на фронте. — *Прим. пер.*

*

Шекспир В. Сонет 72 в переводе С. Маршака. — Прим. пер.

*

Анасази (что на языке индейцев племени навахо означает «древние») — древняя индейская цивилизация XII века до н. э., о существовании которой свидетельствуют наскальные росписи, рисунки и даже стихи. — *Прим. пер.*

1

As Kingfishers Catch Fire // A Hopkins Reader. P. 67.

Ode: Intimations of Immortality from Recollections of Early Childhood //
The Norton Anthology of Poetry. P. 552.

Fern Hill // Ibid. P. 1181.

Последние данные о развитии детей в яслях и детских садах свидетельствуют о том, что эти дети являются более социализированными, более развитыми и более независимыми, чем дети, которые остаются дома. Зато они острее ощущают и сильнее переживают, если работающий родитель не проводит с ними время, когда они встречаются дома. Следовательно, такие дети быстрее адаптируются, развивают ощущение собственного Я, которое более независимо от Другого, однако древняя неопределенность и скрытый навязчивый страх, свойственный людям нашей культуры, прячутся достаточно близко к поверхности.

Существование автономных комплексов было открыто Юнгом. См.: The Association Method. Experimental Researches // CW 2; а также: Review of the Complex Theory. The Structure and Dynamics of the Psyche // CW 8.

Introducing to 'Wick's Analyse der Kinderseele'. The Development of Personality // CW 17. Par. 84.

Ibid. Par. 87.

Marriage As a Psychological Relationship // Ibid. Par. 328.

Introducing to 'Wick's Analyse der Kinderseele'. The Development of Personality // CW 17. Par. 80.

*

Пэтти Херст была старшей дочерью знаменитого магната в области средств массовой информации. Ее похитили городские бандиты как для того, чтобы получить выкуп, так и для того, чтобы показать, что для них нет ничего невозможного. Со временем она стала разделять их ценности (то есть у нее возник так называемый «стокгольмский синдром»), и однажды она с ними даже ограбила банк, но после своего освобождения и курса психотерапии она вернулась к нормальной жизни. — *Прим. пер.*

«Где правит любовь, там нет стремления к власти; а где преобладает стремление к власти, там нет любви» (Two Essays // CW 7. Par. 78).

The Families of Origin of Social Workers. P. 21.

Ibid.

The Relationship between the False Self Compliance and the Motivation to Become a Professional Helper. P. 46.

В июне 1997 года, когда я писал эти строки, стало известно о смерти одного выдающегося джентльмена, Глина «Скотти» Вульфа. Оказывается, этот почтенный священник 29 раз вступал в законный брак перед тем, как в возрасте 88 лет он отправился в мир иной. Как сообщалось, с одной женой он развелся, потому что та грызла семечки, с другой — потому что та пользовалась его зубной щеткой. Его последняя жена сама до этого 23 раза была замужем — абсолютный рекорд для женщин. Он умер в одиночестве, так как ни одна жена не хотела приходить в дом к другой.

См.: The Middle Passage: From Misery to Meaning in Midlife, p. 9ff. —
Рус. пер.: *Холлис Дж.* Перевал в середине пути. Кризис среднего возраста.
М., ИНФРА-М, 2002

The Fury of Overshoes // The Norton Introduction to Poetry. P. 15f.

*

Это греческое слово предпочтительно переводить как «больное воображение». — *Прим. пер.*

Schwartz Delmore. The Heavy Bear Who Goes with Me // Richard Ellmann and Robert O'Clair, eds., *Modern Poems: An Introduction to Poetry*. P. 320

О том, как запомнить и проследить скрытое движение этих таинственных энергий, чтобы найти их невидимый след, можно прочитать в моей книге: «Tracking the Gods: The Place of Myth in Modern Life».

Aion // CW 9ii. Par. 126.

Будет ли у вас тяжесть на душе, когда вы почувствуете, как этот поиск отзывается в вашем жгучем желании иметь дорогой автомобиль, престижную работу, прекрасную квартиру или что-то еще? Возможно, да; но, с другой стороны, возможно, и нет.

Davis Keith E. Near and Dear: Friendship and Love Compared.

*

И Элиот, и Камю были критиками современной культуры: они считали, что большинство наших современников живут только для того, чтобы тратить деньги, получать сексуальное удовольствие и т. п. — *Прим. пер.*

*

Речь идет о романе Джеймса Уэллера о бродячем фотографе, который случайно заходит в дом, где находится только хозяйка, а все остальные члены семьи отсутствуют. Между ними возникает страстная любовь. Фотограф призывает женщину покинуть дом и хочет взять ее с собой, но та принимает решение остаться в семье. Многие женщины видят в этом романе соблазнительный порыв любви и жажду приключений, которые «перевешивают» семейные ценности, — *Прим. пер.*

*

В оригинале это игра слов «Kisses as *Kismet*». На языке хинди *Kismet* — это Судьба. По существу, это означает, что романтическая любовь может быть такой сильной и требовательной, что часто приносит людям несчастье — *Прим. пер.*

Flores Angel, ed. An Anthology of German Poetry from Hölderlin to Rilke.
P. 305.

См.: Kean Sam and Valley-Fox Anne. Your Mythic Journey. P. 26.

Ibid.

*

Известный феномен déjà vu. — Прим. пер.

Это несколько видоизмененная схема Юнга, взятая из его работы «The Psychology of the Transference» // The Practice of Psychotherapy. CW 16. Par. 422.

В классической юнгианской концепции обе U часто обозначают аниму и анимус, так называемую внутреннюю фемининность мужчины и внутреннюю маскулинность женщины соответственно. Сегодня эти понятия подвергаются серьезной ревизии и могут быть изменены. Но в данном случае я рассматриваю сущности, обозначенные U, как общий контекст бессознательной психологической истории не только потому, что их можно применять в схеме, обозначающей отношения между людьми одного пола, но и потому что содержание бессознательного материала, который содержится в U, значительно богаче содержания, которое вкладывал Юнг в понятия анимы и анимуса.

To the Fates // Flores, ed. An Anthology of German Poetry. P. 7.

Two Poems by Rumi // R. Bly, ed. *The Soul is Here for Its Own Joy*. P. 139.

The Tavistock Lectures // The Symbolic Life. CW. 18. Par. 352.

Psychology and Alchemy // CW 12. Par. 346.

Projection and Re-Collection in Jungian Psychology: Reflections of the Soul.
P. 199.

Над столом администратора Общества К.Г. Юнга в Онтарио была написана такая фраза: «Внутреннее бракосочетание — это прекрасно, но, к сожалению, по ночам оно не греет мне ноги».

Mysterium Coniunctionis // CW 14. Par. 705.

Quoted by Penelope Fitzgerald in her novel // *The Blue Flower*. P. 56.

Я и Ты. См. также: *Якоби Марио*. Встреча с аналитиком: феномен переноса и реальные отношения. М.: Когито-Центр, 2007.

Rilke on Love and Other Difficulties. P. 28.

The Holy Longing // Bly, ed. *The Souls Is Here*. P. 209.— Рус. пер.:
Блаженное томление // *Гете И.В.* Стихотворения. Фауст. М.: Рипол
классик, 1997. С. 165.

Love Song // Flores, ed. An Anthology of German Poetry. P. 390. См. также:
Рильке Райнер Мария. Песнь Любви // Часослов. М.: АСТ-ФОЛИО, 2000.
С. 170.

Poems. 1924–1933. P. 48f.

*

В своих сонетах Шекспир часто писал о смерти. Четыре века спустя Маклейш выразил свою основную мысль так: нет ничего бессмертного, умрет читатель, умрет поэзия, но существует акт экзистенциального сопротивления смерти, который заключается в том, что он ее увидел и ее полюбил, — и все, и больше ничего, — *Прим. пер.*

Ode on Melancholy // The Norton Anthology of Poetry. P. 663. — Рус. пер.:
Ода меланхолии // Китс Джон. Стихотворения. Поэмы. М.: Рипол классик,
1998. С. 232.

См. примечание 38.

The Blue Flower. P. 82.

Ibid. P. 91.

Идеи, высказанные в этой главе, основаны на следующих трудах: *Homey*. *Neurosis and Human Growth: The Struggle toward Self-Realization*; *Riemann*. *Grundformen der Angst (Basic Patterns of Anxiety)*; *Kunkel*. *Selected Writings*.

The Man, Who Wrestled with God. P. 26.

Freud and Jung: Contrasts // Freud and Psychoanalysis. CW 4. Par. 774.

См. главу 1, сноску 17.

The Norton Introduction to Poetry. P. 91.

Jungian Psychology Unplugged: My Life As an Elephant. P. 50.

Analytical Psychology and Education // The Development of the Personality.
CW 17. Par. 154.

Psychotherapists or the Clergy // Psychology and Religion: West and East.
CW 11. Par. 497.

The Psychology of the Transference // The Practice of Psychotherapy. CW
16. Par. 374.

On Magic and Change.

This Business of the Gods. P. 78.

The Shaking of the Foundation. P. 162.

Подробное обсуждение связи, существующей между духовностью и страстной любовью, см.: *Qualls-Corbett Nancy. The Sacred Prostitute: Eternal Aspect of Feminine.*

«Петь любимую — это одно, но приходится, горе мне, также / Петь потаенного, петь виновного, петь проточного бога крови». The Third Elegy, lines 1–2. *Duino Elegies*. P. 21.— Рус. пер.: Рильке Райнер Мария. Песнь Любви // Часослов. М. АСТ-ФОЛИО, 2000. С. 306.

См.: Puer Aeternus: A Psychological Study of the Adult Struggle with the Paradise of Childhood.

См. мою кн.: *Swamplands of the Soul: New Life in Dismal Places*, в которой более подробно обсуждается психодинамическая связь между страданием и личностным ростом.

The Gifted Child // The Development of Personality. CW 17. Par. 20.

Letters. Vol. 2. P. 118.

Ibid. Vol. 1. P. 483.

*

Raison d'être (*франц.*) — разумное основание, смысл.

The Future of an Illusion. P. 15.

Ibid. P. 3.

Ibid

Ibid. P. 43.

The Undiscovered Self // Civilization in Transition. CW 10. Par. 512.

Dynamics of Faith. P. 16.

*

Квотер (quarter) — $1/4$ доллара. У рабочего человека это вызвало потрясение, так как он поставил \$0.25, а выиграл в 320 раз больше, то есть 80 долларов. Это было потрясением потому, что он никогда в жизни не зарабатывал больше 10 долларов в час.

Поклонение культу Элвиса Пресли сейчас имеет религиозный характер со всеми свойственными ему чудесами, паломничеством верующих, сакральными фетишами и молитвенными заклинаниями. Не кажется ли странным, что те люди, которые считали, что распяли ненавистного злодея и что его последователи сбежали, именно они заложили основу той психической связи, то есть религии, которой исполнилось две тысячи лет? Кто мог предполагать, что плохо образованный бродячий австрийский капрал сможет как-то объединить стремления неудачников, которые сформировали костяк Германской Рабочей Партии (NASDAP)?

Norton Anthology of Poetry. P. 202.

Psychology and Religion // Psychology and Religion. CW 11. Par. 9.

Psychology and Alchemy // CW 12. Par. 259.

Crucial Points in Psychoanalysis // Freud and Psychoanalysis. CW 4. Par. 606.

См.: Memories, Dreams, Reflections. P. 36ff.

The Undiscovered Self // Civilization in Transition. CW 10. Par. 507.

Letters. Vol. 2. P. 274.

Подробное обсуждение этого вопроса можно найти в моей книге «Tracking the Gods».

В своей книге «Swamplands of the Soul» я подробно обсуждаю, как можно найти стремление к расширению и углублению души в таких мрачных состояниях как депрессия и переживание предательства, потери и страха.

Bly Robert, Hillman James and Mead Michael. The Rag and Bone Shop of the Heart: Poems for Men. P. 496.

Это замечание не должно нас удивлять тем, что для обозначения души и духа используются различные слова, такие как *psychein*, *ruach*, *spiritus*, *anima*, *inspiration*, *respiration*, — все они воплощают в себе главную метафору — метафору «дыхания».

Escape from Evil. P. 97.

Commentary on «The Secret of the Golden Flower» // Alchemical Studies.
CW 13. Par. 54.

The Age of Anxiety // Collected Poems. P. 407.

Symbols of Transformation // CW 5. Par. 551.

Memories, Dreams, Reflections. P. 140.

Один работник пришел в панике к своему господину. «О, господин, — стал умолять он, — позволь мне убежать в Тегеран, ибо я только что встретил Смерть в своем винограднике». Хозяин дал ему разрешение и в этот же день сам столкнулся со Смертью. «Чем ты так напугала моего работника?» — спросил он Смерть. Смерть ответила: «Я только удивилась, что он все еще здесь, хотя мы с ним договаривались встретиться этой ночью в Тегеране» (Источник неизвестен).

Sunday Morning // Norton Anthology of Poetry. P. 929.

Ibid. P. 1055.

Ode on a Grecian Urn // Ibid. P. 664. — Рус. пер.: Ода к греческой вазе // Китс Джон. Стихотворения. Поэмы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. С. 227.

Now It Is Time that Gods Came Walking Out // Ahead of All Parting: The Selected Poetry and Prose of Rainer Maria Rilke. P. 193.

The Gospel According to Thomas. 80:14.

Interview in: Good Housekeeping. December. 1961.

Machado Antonio. Last Night, As I Was Sleeping // Bly, The Soul Is Here for Its Own Joy. P. 225.

Kabir. BreathI // Ibid. P. 88.

The Psychology of the Transference // The Practice of Psychotherapy. CW
16. Par. 454.

Ibid., note 16.

Частная переписка с автором.

The Genesee Diary. P. 83f.

Из писъма к автору.